

СТОЛИЦА

№33 (143) 1993г

Фидель КАСТРО:

**Спасут ли
американские доллары
кубинский социализм?**

страница 27

ПРИГЛАШЕНИЕ В МИР BMW

Пять причин, почему Вам стоит обратиться к нам:

1. Мы являемся единственным официальным представителем BMW в Москве.
2. Вам предоставляется возможность проехать за рулем последних моделей BMW. Вы получите исчерпывающую информацию о всех модификациях BMW. Гарантируется европейское качество обслуживания при покупке.

3. Вы приобретаете автомобиль по заводской цене из Германии. Ваш BMW будет изготовлен с учетом всех Ваших пожеланий.

4. Только у нас Вы получаете гарантии фирмы-производителя.

5. Если у Вас уже есть BMW, мы приглашаем Вас воспользоваться услугами нашего автосервиса.

Гевика Автосервис ГмБХ
115201, Москва, ул. Котляковская, 3А
Тел./факс (095) 113-38-48, 113-78-03

С УДОВОЛЬСТВИЕМ ЗА РУЛЕМ.

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

ВЕРНАЯ ГВАРДИЯ ЕЛЬЦИНА

Ну что, доигрались, мудаки?

М.С.Горбачев,
21 августа 1991 г.,
вилла «Форос»

Я не поклонник ораторских талантов Михаила Сергеевича. Но один раз в жизни он высказался блестяще — кратко, а главное, удивительно верно и глубоко. Фраза эта вне времени, хотя и в пространстве. Она вечно актуальна для России, как и карамзинское «воруют!». Правительства и правители приходят и уходят, но бессмертно восклицание Карамзина, бессмертен вопрос Горбачева. Куда более умный и содержательный вопрос, чем якобы вечное русское: «Кто виноват, что нечего делать?».

Взять хотя бы судьбу самого М.С. ...Не вспоминалось ли ему гоголевское — «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!»...

А «чудики», всем скопом привалившие в Форос и получившие прямо в лоб дубинкой горбачевского вопроса? Их судьба еще более замечательна. Они-то точно оказались «чудиками» — но, как выяснилось, ничуть не большими, чем их горепобедители, которые не в состоянии даже долепить дело по обвинению ГКЧП. В результате «те» чудики отпустили «этих» на все четыре стороны... Впрочем, выпорхнув из узилища на волю вольную, «мокрые орлы ГКЧП» остались верны себе — кукарекнули что-то пару раз в ТВ, да и на боковую.

Э-хе-хе, достойные друг друга противники, в самом деле. «Боксировать будете по выходным дням... Прелестная пара:

Балаганов в весе петуха, Паниковский в весе курицы!» Вот если убрать из этой цитаты классика первую фразу, то мы и получим самое точное определение всех политических битв в Государстве Российском в годы 1990—1993 от Р.Х. Впрочем, у политиков, и верно, каждый день — выходной. Так что классики, пожалуй, во всем правы, уточнений и купюр не требуется. Возможны лишь иллюстрации. И за ними дело не станет.

Ну, вот, например, простейший вопрос: кто поддерживает режим Ельцина?

Ответ ясен: демократы и прочие симпатичнейшие лица, жадную толпой стоящие у трона.

Да уж, поддерживают... Пена всеобщей коррупции давно перелилась через края кружки. Но коррупция — это малая часть «государственных успехов». Остальной букет тоже хорошо известен — и быстро наступивший паралич воли, и простая неспособность руководить собой и остальными согражданами.

Да, демократы поддерживают Ельцина. Все верно. Но тогда — следующий вопрос. Ну-с, а благодаря кому же он все-таки держится на плаву, держится у власти, несмотря на все усилия поддерживающих его демократов?

И снова ответ на поверхности. Демократы — поддерживают, а коммунисты и националисты — держат. Если бы не мощная и постоянная помощь со стороны «непримиримой оппозиции», плохи были бы дела у нашего президента.

Когда имеют место политические битвы в России, не задавайте анекдоти-

ческий вопрос: «кто выиграл?». Единственно разумный вопрос: «кто проиграл первым?». Вообще-то такие сражения часто бывали в истории. «В одной книжке описывается, как он (граф Радецкий. — Л.Р.) удрал из Санта-Лючия и итальянцы удрали тоже. Радецкий только на другой день открыл, что, собственно, победил он, потому что итальянцев и в полевой бинокль не видать было. Тогда он вернулся и занял оставленную Санта-Лючия. После этого ему присвоили звание фельдмаршала». Главная наша особенность именно в том и состоит, что у нас все политические сражения идут только по этому сценарию. И первыми всегда успевают плюхнуться в собственную лужу непримиримые оппозиции. Такие уж они непримиримые...

Вот, скажем, последний эпизод в таком роде (впрочем, может быть, за то время, что пройдет между написанием этой статьи и выходом ее в свет, будут и еще какие-то «схватки боевые»).

В конце июля в городе-герое Москве прошел второй конгресс Фронта национального спасения на водах. Официальные власти отлично подготовились к этому торжественному дню. «Итак, почва для народного недовольства имеется: для этого вполне достаточно приостановки приватизации и постоянно подогреваемой действиями парламента и Центробанка (правительство — ни при чем? — Л.Р.) инфляции. Обстановка смуты в связи с недосказанными, но и не опровергнутыми обвинениями против президентского окружения и правительства (равно как и против вице-президента и руководства ВС — Л.Р.) создана тоже. Остается подбросить огня в пороховую бочку — лучшего запала, чем действия Центробанка, и придумать невозможно».

Что же — все верно написал в «Известиях» Отто Лацис. Конечно, чистое совпадение, что именно в день открытия этого несчастного конгресса вышло решение Центробанка об обмене денег. Но такими-то случайными совпадениями и делается история, такие-то совпадения и поднимают за волосы народ...

Итак, все ветви власти в трогательнейшем единстве, пихая друг друга и жарко дыша друг дружке в затылок, стасовали все карты для победы непримиримых оппозиционеров. Живется народу паршиво, слухи (да какие там «слухи!») о взаимно-всеобщей коррупции всего начальства будоражат людей. И наконец, блестящий повод для взрыва — обмен денег, который уж точно не даст никому остаться равно-

(Окончание на стр.6—7)

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

В.Лифшиц:

Проблема исламского фундаментализма в Таджикистане — результат целенаправленной политической спекуляции. Неокommунистические силы, захватившие власть в Душанбе, цинично использовали жупел фундаменталистской угрозы для запугивания собственного народа и мирового сообщества.

8

С.Тепляков:

Сегодня Сибирь, как и Россия в целом, разваливается на мелкие (и не очень мелкие) государства. Это все — бывшие национальные автономии, но уже набирает силу и процесс областной "республиканизации". Центральная же власть этого "в упор не видит"...

12

М.Поздняев:

Я совершенно убежден, что вступление в действие нового Закона о свободе совести не даст верующим и в безверии сущим русским людям ответа ни на одно из наших "почему?".

14

2 ЭКОНОМИКА

А.Ефимова:

Хотим мы этого или не хотим, но "объективный" закон рынка постановил: ходить нам в турецких одеждах и пить турецкий анальгин.

24

А.Голубов:

События последних месяцев позволяют говорить о том, что "гаванский Олимп" в лице команданте Фиделя начал маленькими шажками, понемногу делать то, что сегодня уже без натяжки можно назвать "новой кубинской экономической политикой".

27

3 ЖИЗНЬ

А.Беляков:

Бар — это альфа и омега вечерней жизни ЮБК. Баров очень много. В бары ходят каждый день... После третьего стаканчика разговор за столом непременно переключается на треугольник Украина—Крым—Россия...

34

О.Стрижевская:

Почти половина обратившихся в "Службу доверия" в Москве жалуются на постоянное щемящее чувство одиночества. Девяносто процентов всех суицидальных попыток связано с переживаниями личного характера, чаще всего с разрывом связей с любимым и близким.

36

В.Сырокомский:

Сейчас уже нет необходимости спрашивать соизволения властей на публикацию тех или иных материалов. Свободы хоть отбавляй, другое дело, что ответственности за напечатанное явно не хватает...

41

4 КУЛЬТУРА

В.Мережко:

В моей стране делается история, и мне нравится придумывать историю в этой стране. Я не грущу от того, что здесь живу.

50

Д.Горелов:

Одно осталось чеховским и соловьевским интеллигентам: собраться рядком ноченькой темною — несатым, ненужным, отверженным — и заиграть с бодуна и неуюта хороший мощный рок-н-ролл: "ЛИСН ЭВРИБАДИ". Слушайте, козлы вонючие!

53

С.Чупринин:

При всей нынешней раскрытости границ, при всей ажиотажности встречи метрополии с эмиграцией не только Сергей Юрьенен, но чуть ли не все писатели, чьи книги созданы на Западе, остались практически не услышанными читающей Россией...

57

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г.
Зарегистрирован Государственным комитетом СССР по печати.
Свидетельство о регистрации № 84
Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефонам:
923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону:
928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора:
Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский
Коммерческий директор: Юрий Бычков
Директор издательства: Борис Рабкин
Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов
Главный художник: Владимир Петров
Отдел общественно-политической жизни: Александр Касатов
Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен
Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина
Отдел искусств: Татьяна Савицкая
Отдел международной жизни: Консуэло Сегура
Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак
Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре АО еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000».

Номер подписан в печать 13.08.1993 г.
Тираж 92 000
Цена договорная

Над номером работали:
В. Старчевский, Н.Ударцева, А.Остроухов

© «Столица», 1993

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул.1905 г., д.7. Зак. 3277

ВАШ ДОМ — ВАША КРЕПОСТЬ!

Фирма «СТОЛИЧНАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ» поможет Вам решить жилищную проблему и экономически грамотно распорядиться сбережениями. Вступив в члены жилищно-строительного кооператива «СТОЛИЧНАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ», Вы получаете реальную возможность стать владельцем квартиры в Москве или коттеджа в Подмосковье.

Наш адрес:
Москва,
пл. Революции, д. 2
(музей В.И.Ленина).

Тел.: 928-83-01, 921-43-37.

ЭТИКА ПО-КРЕМЛЕВСКИ

Беспричинным может быть только смех. В политике же на все имеются свои резоны, тем паче когда речь идет об отставке. Но до сих пор остаются загадкой подлинные мотивы снятия Виктора Баранникова с поста министра безопасности. Официальная версия, туманно говорящая о неких нарушениях этических норм бывшим министром, поездках его жены за границу за счет какого-то подозрительного «агента двух разведок», способна лишь вызвать улыбку. Ну когда в России кого-то снимали за это?!

Корреспондент «Столицы» попросил откомментировать таинственную отставку профессионалов — бывших сотрудников КГБ, знающих ситуацию не понаслышке.

Генерал КГБ в отставке **Олег КАЛУГИН:**

— Конечно же, дело совсем не в нарушении «этических норм» (да кто и когда их вообще устанавливал?!). У нас никогда в жизни за это не снимали. У половины видных деятелей родня за границей — у того же Шумейко, у Козырева, у Лужкова... Ну и что? Где здесь криминал?

Надо исходить из того, что карьера чиновника определяется совсем другими критериями, например, лояльностью и преданностью патрону. Баранников просто напросто потерял доверие президента и дал тому основание считать, что лояльность министра сомнительна.

Какие основания для такого вывода? Да поведение самого же Баранникова в кризисные для президента дни — зимой—весной этого года. Тогда и стороннему наблюдателю было ясно, что руководитель немаловажного ведомства пытается усидеть сразу на двух стульях. Даже используемая им тогда терминология (помните «отчет» силовых министров перед народными депутатами?) была очень схожа с языком Хасбулатова...

А пресловутые «чемоданы Руцкого» — откуда они у вице-президента? Оттуда же, от Баранникова. Конечно, вице-президент имел тогда право запросить документы в МБ. Но уже только Баранников мог решить, что именно дать Руцкому и насколько вообще проверены эти данные о коррупции.

Так что нет ничего удивительного в том, что он стремительно терял доверие президента. Еще три месяца назад в осведомленных кругах говорили об отставке Виктора Баранникова как о решенном деле. Да и о каком доверии можно вообще гово-

рить, когда руководитель подчиненной президенту спецслужбы ведет за его спиной скрытую игру, контактируя и со спикером, и с вице-президентом... Косвенным подтверждением того, что, с точки зрения президентской команды, отстранение министра было правильным, служит моментальная, я бы сказал паническая, реакция Хасбулатова и парламентариев. Может быть, для оппозиции отстранение Баранникова действительно стало сильным ударом, кто знает?

Немаловажен и другой фактор: для МБ Баранников так и остался чужаком. В КГБ всегда было презрительно-отрицательное отношение к МВД и тем, кто приходил оттуда. Этот фактор нельзя отбрасывать — если человек не сработался с чужим аппаратом, то этот аппарат сумеет его подставить...

Сходную точку зрения высказал и отставной полковник КГБ **Владимир РУБАНОВ:**

— Решающую роль сыграло обострение политической борьбы в верхах. Можно свернуть голову, но настоящего ответа не найти. Однако имеется много признаков того, что решение об отстранении Баранникова имеет в своей основе кулуарный характер. То есть подлинные причин может быть несколько, но все они имеют отношение не к «большой политике», а к личным взаимоотношениям членов президентской команды. Свою роль сыграло и то, что МБ явно вышло за рамки чисто профессиональных обязанностей. По сути дела, Баранников оказался втянутым в политическую борьбу, за что и пострадал. Он стремился расширить поле влияния органов безопасности — это и экономика, и смесь политики

с уголовщиной (дела о коррупции)... А проблемы реальной безопасности оставались уже как бы не основными. И это-то прекрасно проявилось в кризисный момент — во время событий на таджикско-афганской границе. Для профессионалов совершенно очевидно, что введение погранвойск в состав МБ — ошибка. Не для того Бакатин реформировал КГБ, отделяя силовые функции от оперативных, чтобы вновь воссоздавался этот монстр. Совершенно изменились общая ситуация и ситуация на границах, взаимодействие пограничников с военными, а не с МБ представляется сейчас более естественным. Как ни крути, а министерство безопасности — лишнее звено, совсем ненужное пограничникам для охраны границ. А ведь именно по инициативе Баранникова погранвойска вновь были возвращены в лоно госбезопасности. Неверное решение и обернулось трагедией... Это, в свою очередь, стало лишним доводом для тех, кто стремился избавиться от Баранникова совсем уже по иным мотивам.

Кстати, **генерал КАЛУГИН** тоже отрицательно относится к тому, что погранвойска подчинены МБ:

— Нечего пограничникам делать в министерстве безопасности! Раньше, при тотальном закрытии границ подчинение их чекистам еще имело какой-то смысл. Но сейчас этот союз явно бессмыслен — шпионы через проволоку на границе ныне не лезут, и погранвойска сегодня по функциям ближе к армии. К тому же, по моему глубокому убеждению, российские пограничники должны защищать российские границы, а не таджикские...

Касаясь ситуации в орга-

нах госбезопасности, оба моих собеседника не сговариваясь сделали вывод: за прошедшее после августа 1991 года время спецслужба осталась практически не реформированной — не изменились ни методы, ни направленность деятельности, ни кадровый состав. При этом подчеркивали, что сняли Виктора Баранникова совсем не за то, что он не стал реформировать КГБ-МБ, а совсем-совсем за иное...

Кстати, рассуждения Калугина и Рубанова относительно погранвойск наводят на печальные воспоминания: в 1969 году ситуация на границе с Китаем была еще хуже, чем в Таджикистане. И точно так же, как и сейчас, пограничники оказались не в состоянии дать действенный отпор противнику, потому что взаимодействие их с армией шло через Лубянку... Впрочем, прямого отношения к отставке министра безопасности это не имеет. Как не имеет отношения и то, что МБ совершенно неподготовлен к противостоянию политическому терроризму, ничего не предпринимает для пресечения деятельности тех организаций, которые не скрывают своего стремления к насильственному свержению нынешнего строя...

По мнению собеседников, во главе спецслужбы должен стоять человек, который вписался в реформы, понимает роль и место этой службы в демократическом государстве.

По всей видимости, президент считает, что именно таким человеком является первый зам Баранникова — Николай Голушко, который и назначен исполняющим обязанности министра. Николай Голушко — профессиональный чекист, пришел в центральный аппарат из органов госбезопасности Украины. А украинские чекисты всегда отличались наиболее жестокими преследованиями диссидентов и иннакомыслящих. На их-то костях карьера Голушко и построена. Да и в столице он занимался тем же, будучи первым замом начальника 5-го управления КГБ Филиппа Бобкова. В перестроечные годы Голушко — один из наиболее исполнительных и преданных соратников Крючкова в борьбе против демократического движения. Лучшего «союзника» Ельцину никак не найти?

Владимир ВОРОНОВ

В ночь на 26 апреля 1953 года над территорией Украины спустились и были задержаны четыре парашютиста. 27 мая было объявлено об их расстреле — они были обвинены советским судом в саботаже, терроре, шпионаже и распространении антисоветских листовок. Странно, конечно, что шпионы и террористы еще и листовки собирались распространять, но чего не могло быть в Советском Союзе через пару месяцев после смерти Сталина?!

Не так давно стало известно, что расстрелянные парашютисты, Сергей Горбунов, Александр Лахно, Александр Маков и Дмитрий Ремига, к иностранным разведкам отношения не имели, как не имели они и никакого отношения к террору, диверсиям и саботажу. Хотя листовки они действительно при себе имели и на парашютах спускались. Но заброс их в СССР был осуществлен НТС — Народно-трудовым союзом, членами коего они и состояли. Впрочем, еще не так давно антисоветская агитация и пропаганда считались грехом едва ли не большим, чем сотрудничество с иностранными разведками. Когда-то за это и расстреливали — по статье

РЕАБИЛИТАЦИИ НЕ ПОДЛЕЖИТ...

58 УК, не только парашютистов, а и тех, кто подобного агитснаряжения и в глаза не видел.

Но времена меняются, меняются нравы, меняются законы. И те, кто некогда попал под каток 58-й статьи, реабилитируются.

Дочь одного из расстрелянных, Наталья Александровна Макова, в июне и октябре 1992 года обратилась к генеральному прокурору Российской Федерации Валентину Степанкову с просьбой о реабилитации своего отца и его товарищей, утверждая, что ее отец «шел в Россию с целью борьбы за освобождение Родины, а не со шпионскими и террористическими целями, как это было указано в тогдашней официальной советской прессе». Последнее обращение в прокуратуру датировано 12 июля 1993 года, а еще раньше, 23 июня, в Доме российской прессы прошла пресс-конференция, на которой было документально доказано, что члены НТС, сброшенные американским

самолетом над Украиной, диверсантами и разведчиками не являлись.

И вот на днях Генеральная прокуратура РФ за подписью военного прокурора отдела реабилитации А.П.Булучевского дала гражданке Маковой следующий ответ:

«Установлено, что по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 22 мая 1953 г. Ваш отец, Маков А.Н., за совершенные им преступления, предусмотренные ст. ст. 58-1 «а», 17, 58-8 и 58-9 УК РСФСР, осужден законно и обоснованно.

Вывод суда о виновности Макова А.Н. в содеянном подтвержден показаниями осужденных — Горбунова, Ремиги и Лахно, заключением криминалистической экспертизы, вещественными доказательствами, достоверность которых сомнений не вызывает.

...Определением Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации от 24 июня 1993 г. (на другой день после вышеназванной пресс-конференции. — В.В.) при-

говор в отношении Макова А.Н. от 22 мая 1953 г. оставлен без изменения, и он признан не подлежащим реабилитации.

Законных оснований для постановки вопроса об опротестовании состоявшихся в отношении Вашего отца судебных решений не имеется».

Самое интересное в этом странном ответе, что сегодняшняя прокуратура подтверждает законность расстрела людей за преступления, которых они просто-напросто не совершали! Хотя бы потому, что не успели бы это сделать при всем своем желании — приземлившись ночью, утром они уже были арестованы.

Единственное, что им можно было инкриминировать, — незаконный переход границы. Но расстреляли-то их за шпионаж, диверсии и саботаж, коим они не занимались. И правильно расстреляли, считает современная российская прокуратура. Почему? Они, видите ли, с советским режимом словом бороться хотели.

В.В.

ПРЕСС
ЭКСПРЕСС

ЕЖЕДНЕВНЫЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ОБЗОР ПРЕССЫ РОССИИ,
БЛИЖНЕГО И ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ.

I-ый канал «ОСТАНКИНО»
2 раза в сутки по 10 минут

**ВАС ЧИТАЮТ МНОГИЕ,
А НАС СМОТРЯТ ВСЕ!**

тел. (095) 283-88-73

(Окончание, начало на стр. 1)

душным, вяло отмахнуться рукой — «а, едите вас мухи с комарами!». Спрашивается: что еще могли сделать все ветви власти? Президент раздражает своим «наличием отсутствия», парламент поливает правительство и принимает решения, раскачивающие лодку, правительство тоже не спит без дела и решает поддержать открытие маленького сумасшедшего дома — обмен денег... Я, честно, не знаю, что еще они могли бы сделать для непримиримых.

Но — не на таковских напали! «Непримиримые» оправдали свою кличку — они с железной твердостью сумели таки с грохотом проиграть даже и в этой ситуации! Их так просто на кривой козе не объедешь! Вы «зевнули» свою ладью, так думаете — все?! А мы «зевнем» своего ферзя, выкусите! Знаем, знаем, что вы и в этой ситуации ферзя сбить не сможете... Ну и что?! А мы просто своего ферзя сами рукавом на пол смахнем! Вот так, ребята...

Действительно, что же в такой-то день отчудил конгресс «непримиримых»? Вспомнил ленинские слова о том, что есть «революционная ситуация»: обострение сверх обычного нужды и бедствий трудящихся масс, верхи не могут управлять по-старому, а низы не хотят жить по-старому? Или другие слова того же автора о том, что необходимо ухватить «решающее звено цепи», что вчера было рано, а завтра будет поздно? Как же, как же... Нет, господа-товарищи из «непримиримой оппозиции» занялись делом куда более для них важным и нужным — вцепились друг другу в бороды. Именно на этом конгрессе Фронт национального спасения Бабурина—Константинова развалился на куски. Кроме «Николая» Бабурина из состава сопредседателей фронта, громко топоча ножищами и гордо задрав бородищу-лопату, вышел на волю и Николай Павлов. Дрогнув и «стальной юрист» Исаков — по слухам, и он собрался сходить с тонущего корабля ФНС. Ну-с, я уж не говорю об отколах разных там национал-республиканских партий и прочих партий национального русского возрождения...

Так кто же кого переборол? Правительство, умудрившееся с любовью бросить под ноги «фронтников» роскошный букет алых роз, или сами «национальные орлы», исхитрившиеся как раз споткнуться об этот букет да и брякнуться во весь рост, «расклеивши нос», как сказал бы Гоголь? (Кстати, для пущего смеха

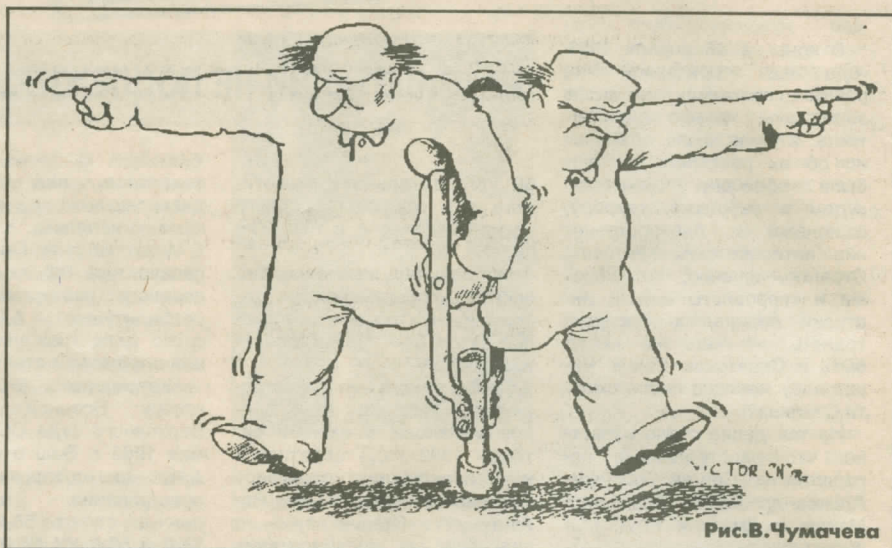

Рис. В. Чумачева

наши «непримиримые оппозиционеры» приняли резолюцию о том, что, ясное дело, необходимо для спасения несчастной и любимой Родины создать правительство «национального доверия». Доверия — кому? Константинову против Бабурина и Павлова? Или национал-республиканской партии Лысенко против фронта Константинова?

Да, эта ситуация рыцарского турнира «правительство — непримиримая оппозиция» недурно описана Гоголем: «Приятель взялся под руку и пошел вместе. При всяком небольшом возвышении, или горке, или ступеньке Манилов поддерживал Чичикова и почти приподнимал его рукою, присовокупляя с приятною улыбкою, что он не допустит никак Павла Ивановича зашибить свои ножки. Чичиков совестился, не зная как благодарить, ибо чувствовал, что несколько был тяжеленек. В подобных взаимных услугах они дошли, наконец, до площади, где находились присутственные места... Приятель не взмоли, а взбежали по лестнице, потому что Чичиков, стараясь избежать поддерживанья под руку со стороны Манилова, ускорил шаг, а Манилов тоже, с своей стороны, летел вперед, стараясь не позволить Чичикову устать, и потому оба запыхались весьма сильно, когда вступили в темный коридор». Ну, главное, что все-таки быстро вступили одновременно «в темный коридор». Предоставляю читателям с развитым художественным вкусом гадать, кто есть Илья Константинович — Чичиков или же Манилов и кого уместно вообразить идущим с ним под ручку — обобщенную «Власть», или Черномырдина, или самого президента. Можно сказать про такую «битву титанов» и короче — «импотент на фригидной женщине». Тоже революцион-

ная ситуация...

Но как бы то ни было, «непримиримая оппозиция» вот уже больше года не за страх, а за совесть «пашет» на власть, выполняя сразу три важнейшие функции:

— создается красно-коричневый фон, на котором (и только на котором!) не видны «промахи» власти, но отлично видны ее достоинства, ясно виден тот, «против кого будут дружить» демократы и просто элементарно разумные граждане, перед которыми вновь и вновь создается единственная альтернатива — если не Ельцин, то Константинов;

— фокусируются как бы воедино наиболее крупные оппозиционные силы, собираются в кучу «оппозиционные настроения», которые, естественно, все время бродят в нищем народе;

— и вся эта куча медленно гниет, медленно переворачивается и с сильным ароматом варится в собственном перегное.

Такова объективная социально-политическая роль оппозиции: роль второго конца коромысла. Только при таком втором конце власть может удержаться на другом, противоположном конце, устоять как противовес против специфического по запаху и бессильного по содержанию оппозиционного зелья.

Ясное дело, в круто сваренных мозгах крутых оппозиционеров, поднатеревших на разоблачениях еврейских заговоров, не может не завариться мыслишка — а может, казачок-то засланный? Может, такую «непримиримо-ручную» оппозицию и впрямь выдумали и оплачивают сами «оккупационные власти»? Подобную примитивную игру «тайных мировых сил» раскусить, сами понимаете, раз плюнуть. Отчаянные рубаки из «второго

гарнитура» оппозиции и рубят своих вождей «с потягом»: «Съезд (народных депутатов. — Л.Р.) выиграла тайная агентура... Ведь в канун съезда в качестве «оппонентов» выступали П.Филиппов и И.Константинов — бывшие коллеги (а почему не нынешние?) по ЛНФ (Ленинградский народный фронт. — Л.Р.)... Громко отдекларировав «национальное спасение», спасти народ не стали — увязли в словоблудии, не прибегнув ни к одной из возможных действенных мер...» Речь идет о съезде народных депутатов, но, понятное дело, то же самое можно сказать и о конгрессе Фронта национального спасения. Или вот, из статьи «Лукавые игры «оппозиции»: «Сколько у нас было надежд на Союз гражданских и патриотических сил, на Русский национальный собор, на Фронт национального спасения. Но — увы... Нерешительность, демагогия и соглашательство оказались присущи всем этим организациям».

Я не большой поклонник теорий заговоров. Эдак можно и наоборот написать, что правительство (часть его) состоит на тайной службе оппозиции, которая, впрочем, в свою очередь... (см. выше). Тут уж была бы охота искать да разоблачать заговоры. Как говаривал мой любимый Гамлет:

*...Я под их подкол
Чтоб с места не сойти мне! — вруюсь ниже
И их взорву. Ну и переполюх,
Когда подвох наткнется на подвох!*

Я не сторонник лишних переполюхов, поэтому не будем искать подвохи. Есть ли среди лидеров оппозиции агенты демократов, есть ли среди демократов и членов правительства тайные сторонники «непримиримых» — не знаю и знать не желаю. Но для объяснения «чудаковатости» оппозиции есть куда более общие и очевидные причины.

Наши политики — люди со сломенной волей. То есть они очень тверды и жестки, когда добиваются личных целей, но когда речь идет о проблемах общих, прямо к их желудку не относящихся, будь то государственные задачи, принципиальные идеологические моменты и т.д., — здесь они удивительно слабы, непоследовательны, аморфны. Поэтому среди них и нет настоящих лидеров — ни у демократов, ни у националистов, ни у коммунистов. Лидеры, способные реально жить какими-то глобальными, общими задачами, — всегда исключительная редкость. В конце концов они обычно оказываются тоже честолюбцами, но честолюбцами совсем иного масштаба (Ленин, Сталин). Можно сказать «и слава богу, что у нас

сегодня нет таких лидеров!» — но это уже проблема оценок. А факт остается фактом — политики есть, больших политиков практически не видно. И уж где их точно нет — так это в той куче-мале, которая называется «непримиримая оппозиция». И дело не в личных чертах десятка лидеров. В обществе тоже нет той степени идеализма (или гипервозбуждения, или массового психоза, или... подберите любое другое слово), которая должна быть, чтобы политики вспыхивали и сгорали. Это перевозбуждение, это электричество с лихвой было разлито в русской атмосфере начала века. Тогда политики не кричали дурными голосами о своей «непримиримости» — они реально были непримиримы (чаще всего — непримиримы к здравому смыслу), не на словах, а в делах. Но сегодня отсыревшие спички, по счастью, не загораются, а лишь со смелым писком ломаются и ломаются... И если бы в такой атмосфере даже и родился настоящий «крутой вождь» — большого успеха он бы не имел. Не те настроения у почтенных избирателей, у «динамита революции» — молодежи. Молодежи, которая, как известно, «выбирает «пепси».

Жалко выглядят в этой ситуации все политики. Но если для либералов это, в общем, среда питательная, то уж для экстремистов — просто убийственная. Вот так и вырождаются «непримиримые» в... константиновых. Что же — целее будут. И мы тоже целее будем.

Итак Горбачев прав — «мудак доигрался». Но игра успешно продолжается. Ведь они же — ...

ЛУЧШИЕ ТУРЫ, МИНИМАЛЬНЫЕ ЦЕНЫ!

◆ Индивидуальные поездки за рубежом
◆ Обзоры в пятиязычных изданиях на всемирно известных курортах
◆ Отлаженные фирменные туры

N1 Лондон	6 ночей	330\$ + авиабилет
N2 Париж	6 ночей	460\$ + авиабилет
N3 Италия	7 ночей	470\$ + авиабилет (Рим, Неаполь, Флоренция, Венеция)
N4 Мальта	7 ночей	370\$ + авиабилет
N5 О.А.Э.	3 ночи	160\$ + авиабилет
N6 Таиланд	6 ночей	460\$ + авиабилет
N7 Таиланд	6 ночей	265\$ + авиабилет (Шоп тур)
N8 Сингапур	6 ночей	370\$ + авиабилет
N9 Шри-Ланка	14 ночей	627\$ + авиабилет
N10 Шри-Ланка	7 ночей	389\$ + авиабилет
N11 Япония	7 ночей	350\$ + авиабилет
N12 Испания	7 ночей	370\$ + авиабилет
N14 Испания	7 ночей	450\$ + авиабилет

а также Тунис, Ю. Корея, Таиланд, ЮАР.
ОПЛАТА В РУБЛЯХ ПО ТЕКУЩЕМУ КУРСУ

◆ Оформление загранпаспортов
нового образца и визовых виз

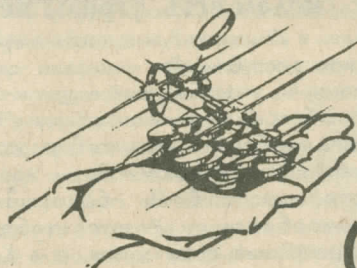
Звоните: 184-88-00, 152-76-38,
336-42-22, 386-31-69,
431-42-55,
с 10.00 до 18.00

Спасибо за покупку!

probusiness
Тур энд Тревел

СОЛИДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОДАСТ

НАЛИЧНЫЕ ДОЛЛАРЫ ЗА БЕЗНАЛИЧНЫЕ РУБЛИ

ПО БИРЖЕВОМУ
КУРСУ ПЛЮС 10%.

(095) 111-31-57

Часть I

Ядро ореха

Таджикский конфликт никак не может быть отнесен к межнациональным (хотя прямое участие Узбекистана на одной из сторон стимулирует среди таджиков — особенно памирских — антиузбекские и антитюркские настроения). Не приходится говорить и о религиозной войне. «Угроза исламского фундаментализма» непомерно раздута нынешними властями Душанбе. Подчиненное место занимает даже кланово-региональный фактор, к которому предпочитают сводить конфликт даже наиболее вдумчивые из комментаторов.

Речь надо вести о социальной войне, о схватке за власть и собственность, монополизированные более 50 лет назад одной из номенклатурно-бюрократических группировок. Производными от социального фактора являются межрегиональные противоречия. Надо отметить также, что консервативная правящая олигархия Таджикистана во многом сохранила приверженность идеологической символике советского коммунизма.

Гроза в начале мая

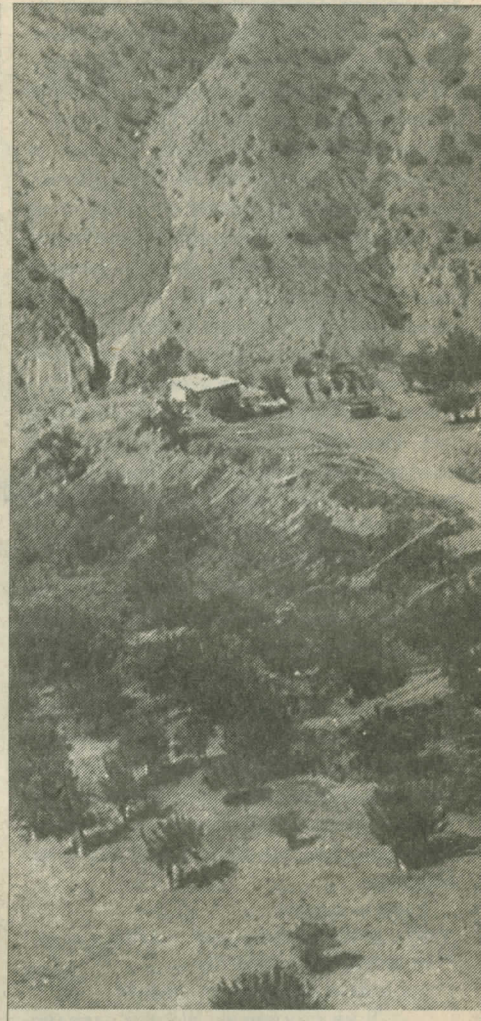
«Стартовым выстрелом» трагических событий стало более чем двухмесячное митинговое противостояние в столице, развернувшееся весной 1992 г. Ситуа-

...На месте демонтированного в позапрошлом сентябре памятника Ленину на душанбинской площади Озоди ныне стоит статуя Фирдоуси. Там же собираются воздвигнуть и памятник Сангаку Сафарову. «Если успеют», — добавил активист запрещенной Демпартии...

Таджикская война трагически уникальна. Число жертв выше потерь во всех перестроечных и постперестроечных столкновениях, вместе взятых. Боевые действия там — самые жестокие, а военные преступления — самые кровавые. При все этом еще глубокая социальная деградация, разрушение общественных структур.

Бросается в глаза слабая осведомленность российской и мировой общественности о таджикской трагедии, граничащая с полным непониманием (если, конечно, речь не идет о сознательной примитивизации).

Если учесть, что по целому ряду оценок можно говорить, что в Таджикистане отработана жесткая реставрационная модель, предназначенная для различных стран СНГ, то высокомерное нежелание вдумываться в «азиатские свары» может дорого обойтись бдительным борцам с «номенклатурным реваншем».

Вадим
Лифшиц

ТАДЖИКСКИЙ

цию в республике обострил продолжающийся социально-политический диктат ленинабадского клана, легитимировавшего свою власть «всенародным избранием» президента Р.Набиева.

Террор, убийства, истребление целых семей привели к тому, что смыслом жизни тысяч людей стали война и месть. Военные преступления боевиков НФ постоянно сравниваются с деяниями большевиков и нацистов. «У меня сожжен дом, убит отец, зарезаны жена и дети. Пока я жив, я буду их истреблять. Убьют — тогда другой разговор» — таков типичный мотив таджикских моджахедов, воюющих в пограничных с Афганистаном районах, в Ромитском ущелье, в Тавильдаре. Именно такие люди — не имевшие до войны никакого отношения к политике, — а

вовсе не исламские фанатики и не активисты каких-либо политических партий составили основу сил сопротивления сангаковскому НФ и нынешним властям Душанбе.

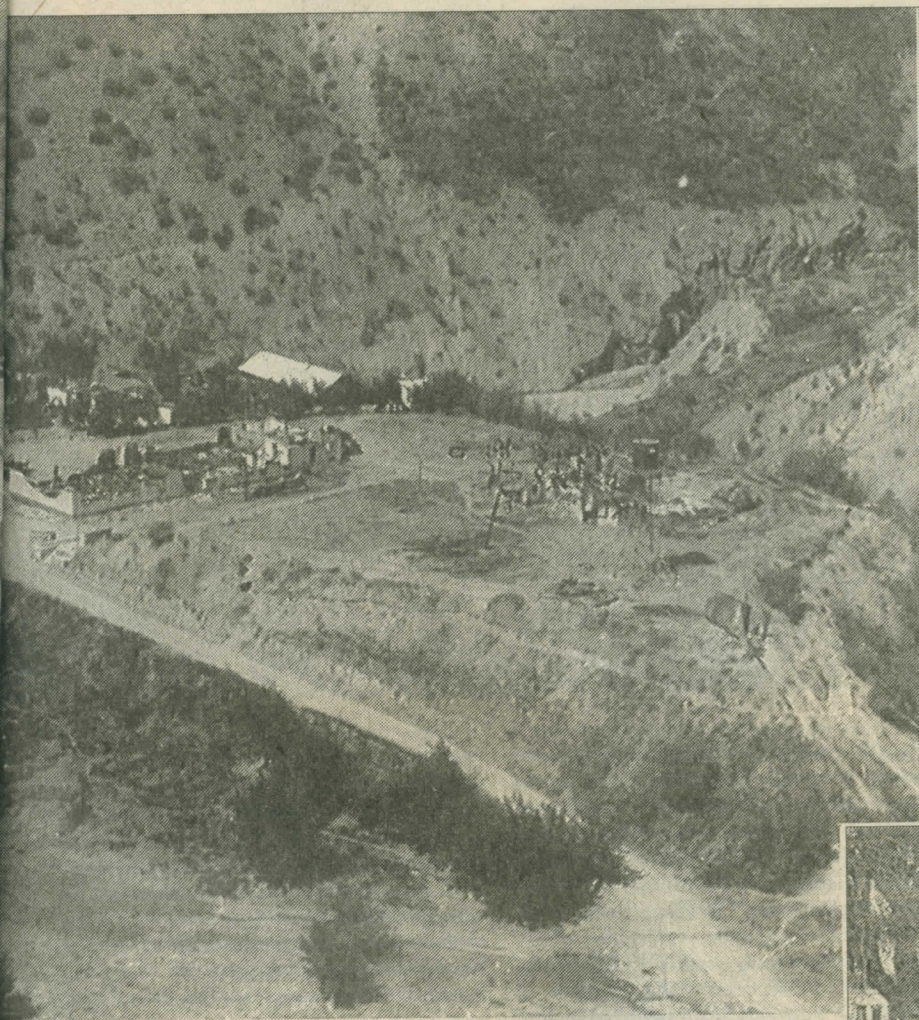
Угроза фундаментализма: ислам есть, угрозы нет!

«Я же пью-гуляю, какая мне исламская республика?» — горько смеялся памирец, участвовавший в курган-тюбинских боях на стороне оппозиции. «Что же, если мне бриться нечем и я бородатый, то уже значит и исламист?» — иронично спрашивал боец бадахшанской самообороны. «У нас свободный, европейский стиль жизни, а в Кулябе, между прочим, девушки паранджу носят. И мы же после этого фундаменталисты?!» —

возмущался водитель-памирец.

Словосочетание «исламский фундаментализм» почти всегда вызывало горький смех, особенно в Бадахшане. Единственным исламистом, которого нам удалось встретить за целый месяц, был русский боец бадахшанской самообороны. От него в первый и последний раз довелось услышать о джихаде, о войне за мусульманскую веру. «Он шутит», — смущались памирцы.

Проблема исламского фундаментализма в Таджикистане — результат целенаправленной политической спекуляции. Некоммунистические силы, захватившие власть в Душанбе, цинично использовали жупел «фундаменталистской угрозы» для запугивания собственного народа и мирового сообщества. Надо признать, эта пропагандистская уловка

ПОЛИГОН

имела немалый успех. Страх Запада и России перед исламским фундаментализмом, который, дескать, «хуже коммунизма», сильно дезориентирует при анализе современных проблем Центральной Азии. Магическое действие этого словосочетания обусловило почти полное безразличие демократической общественности к криминально-коммунистическому реваншу в Таджикистане, к кровавому подавлению политической оппозиции и откровенному геноциду.

Сегодня надуманность «фундаменталистской угрозы» раскрывается буквально в первые же дни пребывания в Таджикистане, и особенно на Памире, где вообще нет ни одной мечети. Так, представитель ООН по Таджикистану г-н Леви Бота констатировал полное отсутствие каких-либо признаков исламского фун-

даментализма в Горном Бадахшане и намерен сообщить об этом с самой авторитетной трибуны.

Осколок Европы в азиатской войне

«Памир — это осколок, оторванный от Южной Европы и брошенный в центр Азии», — говорили нам в Хороге специалисты-историки, журналисты, преподаватели местного университета. И правда, прогулявшись по городу, сразу оценишь меткость этой мысли. Особенно смешно слышать об «исламском фундаментализме» здесь, где женщины внешностью напоминают итальянок. Странно вот только, что при этих словах смеются сами памирцы — которым лживый жупел стоил многих сотен, если не тысяч убитых...

Еще один характерный момент — статуя Ленина у здания областного Совета. «Мы вообще против сбрасывания памятников. Что было — то было, не надо задним числом менять», — пояснила местная журналистка, активистка демократической оппозиции. «Ленин для памирцев символизирует не столько коммунизм, сколько дружественную Россию. Кроме того, если судить объективно, Памир активно развивался и многого достиг при Советской власти — в хозяйстве, в культуре. Мы опередили Афганистан — и люди понимают это» — так объяснил здешнее отношение к Ленину молодой хорогский коммерсант.

Европеизированный стиль жизни в Бадахшане, тяготение к России — а в 1995 году будет отмечаться столетие добровольного присоединения, — распространенность общедемократического мировоззрения, политическая терпимость местных властей, наконец, очень высокая степень социальной солидарности — все это во многом проистекает из «светской религии» памирцев — исмаилизма, одного из течений шиитской ветви ислама, многое впитавшего от христианства и зороастризма. Зам. председателя облсовета Б.Алибакишев

просто и доходчиво объяснял отличия исмаилизма от ортодоксального ислама. Возникает произвольная параллель между этой «шиитской реформацией» и... идеологическими послаблениями Михаила Горбачева:

«Молитва пять раз в день? Ну зачем это? Вполне достаточно двух раз. И в мечеть идти не обязательно — на Памире их как раз ни одной, — Аллах тебя и из дома услышит. Женщина в парандже? Ну как так можно, снимите немедленно... — и так далее. Не случайно ортодоксальные мусульмане, особенно сунниты, считают памирцев «неверными». Поэтому настоящая победа настоящих исламских фундаменталистов означала бы для памирцев жесточайший геноцид».

Летом 1992 г. в Бадахшан хлынул

поток беженцев из Курган-Тюбе. С декабря добавились тысячи людей — отнюдь не только памирцев, — спасавшихся от расстрелов в Душанбе и узбекских бомбежек Гарма. К 100-тысячному населению Памира прибавилось, по самым скромным подсчетам, еще 50—60 тысяч человек (80% — из Курган-Тюбинского региона). Эти данные, приведенные сотрудником отдела беженцев и миграции Горно-Бадахшанского исполкома, едва ли можно считать полными — речь идет лишь о зарегистрированных беженцах. Такие получают единовременное пособие в 500 рублей (коммерческая цена одной лепешки — рублей 40; 1 кг муки — около 200 рублей; средняя же зарплата в Хороге — 6 тысяч рублей), прикрепляются к магазинам, снабжаются мукой и одеждой из гуманитарной помощи. Им предоставляется и временная прописка.

Несмотря на обещания нынешних таджикских властей обеспечить безопасность репатриантов, мужчины-памирцы не рискуют возвращаться в Душанбе — случаи расстрелов в аэропорту сразу после проверки документов слишком хорошо известны. Однако женщины и дети, составляющие большинство беженцев, не выдерживают материальных трудностей жизни в Бадахшане. С начала лета в Душанбе ежедневно возвращаются около 100 человек — и примерно столько же прибывает в Бадахшан из Афганистана.

Резкий рост населения означал экономическую катастрофу для заблокированного душанбинским правительством Бадахшана, где остановлены практически все предприятия (швейный комбинат, ЖБИ, мясокомбинат, типография, фабрика по обработке минералов), кроме единственного хлебозавода. Неотступно нависает угроза голода, люди с ужасом ожидают зимы, помня, чего стоило выжить зимой 1992—1993 г. Фактически Памир живет благодаря гуманитарной помощи, поступающей из нескольких источников.

Главный из этих источников — «Фонд Ага-хана» (имам Карим-шах Агахан IV — духовный глава исмаилитов). Продовольствие, медикаменты, горючее, закупаемые Фондом в разных странах мира, поступают в Бадахшан из Кыргызстана через автодорогу Ош—Хорог («памирская дорога жизни»). Одновременно «Фонд Ага-хана» разрабатывает программу социально-экономического развития Памира (прежде всего сельское хозяйство и туризм), но непременное условие притока необходимых инвестиций — стабилизация положения, прекращение войны.

Война за независимость от... Таджикистана?

13 июня правительственная делегация из Душанбе в очередной раз провела

в Хороге переговоры с представителями местных властей. Обсуждались социально-экономические вопросы и проблема беженцев, были достигнуты некоторые договоренности. Внезапно на вертолете прибыл в Хорог и Э.Рахмонов, выступивший на совещании. Он сделал акцент на политических вопросах, утверждая, что во всем Таджикистане, кроме Бадахшана, положение полностью стабилизировано — и тут же противоречил себе, говоря о неких «неконтролируемых вооруженных группах», якобы мешающих подвозу продовольствия на Памир.

Рахмонов потребовал от бадахшанских властей наведения порядка с «антиправительственными молодежными группировками», сказав при этом, что большая часть бадахшанцев поддерживает правительство (что стало сногшибательной новостью). Прозвучал и такой мотив — несогласные могут покинуть республику. «Всех разгонит, один останется», — прокомментировали хорогские журналисты.

Душанбинское правительство выразило готовность взять на содержание бадахшанские силы самообороны — значив, конечно, своих командиров. Это, однако, неприемлемо для самих бойцов, многие из которых — моджахеды, воевавшие в 1992 г. в Курган-Тюбе и в Душанбе. Перспектива подчинения Рахмонову выглядит для них абсурдом. Власть Хорога при этом неавторитетна для них. «Марионетки выполняют приказы из Душанбе. Если бы не мы, то бандиты Сангака и Файзали вместе с российскими наемниками давно бы вторглись сюда. Но мы сумеем защитить Памир. Боевиком у нас,

если надо, станет весь народ» — таковы настроения в этих отрядах.

Отряды самообороны Бадахшана — их костяк составили моджахеды гражданской войны, к которым впоследствии примкнуло много памирцев, — серьезная общественная сила, во многом стабилизирующая положение в регионе. Ее вынуждены принимать во внимание «неконтролируемые» (якобы) душанбинским правительством вооруженные банды «народнофронтовцев», так и не рискнувшие фронтально атаковать Памир. С другой стороны, самооборона оказывает незаменимую помощь российским пограничникам, охраняющим в Бадахшане границу с Афганистаном, и местному КНБ, патрулируя границу и сдерживая исламистов, уже составивших в Афганистане списки на уничтожение. Наконец, самооборона жестко ограничивает таджико-афганские наркомафиозные структуры, начинающие претендовать на военно-политическое влияние. (Ш.Шонасайриев рассказывал о попытках наркодельцов подключить к своей деятельности не только отряды самообороны, но и организации Демократической партии Таджикистана (ДПТ) — все предложения такого рода решительно отвергнуты: «Мы знаем, что наркотики — это война со всем миром. Но искоренить эту мафию сейчас не удастся — людям надо как-то жить, они ищут заработок»). Но главная функция бадахшанской самообороны — защита Памира от ударов правительственных войск или «народнофронтовских» банд — здесь трудно отделить одних от других.

Довольно типичными стали собы-

тия 4 июня 1993 г. в кишлаке Дашти Шер. Выброшенный в Бадахшан десант правительственной армии вступил в бой с отрядом самообороны и вскоре был разгромлен — причем большую часть из примерно 40 убитых уничтожил правительственный же танк.

Был взят в плен бывший офицер российской армии В.Рощин, сообщивший, что большинство десантников — наемники из России, получающие по 200 тысяч за каждый боевой выход. Сделав себе наркотический укол, Рощин покончил с собой (его показания сняты на видеокассету, находящуюся в телерадиокомитете Хорога). Вообще, шприцы и удочки были обнаружены в карманах у всех убитых десантников. Инциденты такого рода происходят иногда по нескольку раз в месяц, рассказывали в Дашти Шере бойцы самообороны. «Они начинают воевать, как только им подвозят солярку, — деньги ведь зарабатывают. Солярка кончается — Алексеев вступает в переговоры: отдавай ему трупы — причем только русские, таджикских, говорит, ему не надо. Привезли солярку — снова начинается».

Нечто подобное могло повториться в том же самом районе три недели спустя — когда части правительственной армии остановили автоколонну с беженцами, возвращавшимися домой согласно договоренности между Хорогом и Душанбе. Российский полковник Алексеев (вероятно, псевдоним) — советник Министерства обороны Таджикистана, о котором нам уже достаточно рассказали моджахеды, — требовал повернуть назад, угрожая применить силу. Местный отряд самообороны приготовился к бою.

Почти сутки велись переговоры с подключением представителей Хорога и Душанбе, пока Алексеев не согласился пропустить колонну. Командир отряда самообороны предложил сойти с автобусов молодым мужчинам: «Предупреждаю — будете служить в армии. Вас бросят на нас. А уж тогда извините». Но все желающие ехать были пропущены беспрепятственно.

В тяжелейших условиях военного положения и блокады в Горном Бадахшане развертывается интересный процесс самоструктурирования гражданского общества. «Совет и исполком работают на уровне муки и бензина, больше их не хватает ни на что. И их можно понять — иначе Бадахшану конец, — говорил нам Ш.Шонасайриев. — Местные руководители вообще стараются поменьше заниматься политикой. Поэтому программы перспективного развития становятся делом активных общественных групп». На Памире интенсивно формируются самостоятельные гражданские структуры, объединяющие представителей разных социальных слоев, квалифицированных специалистов, начинающих предпринимателей, просто авторитетных граждан. Вырабатываются и предлагаются властям инициативные проекты социально значимых решений. Уникальна и атмосфера всеобщего сотрудничества и взаимоподдержки, характерная не только для социально активного слоя Памира — от моджахедов до пограничников, — но, похоже, для бадахшанцев вообще.

Отвоюем и заживем...

Недавно область приняла статус ав-

тономной республики, с чем в Душанбе вынуждены были молчаливо согласиться. Бадахшан явочным порядком продвигается к большей самостоятельности, стараясь создавать системы автономного жизнеобеспечения. Практически отсутствующие в настоящее время сепаратистские настроения вполне могут развиваться, если душанбинское правительство будет проводить жесткую политику по отношению к Бадахшану и памирцам. «А почему бы нам не присоединиться к России?» — доводилось слышать и такой вопрос в назревающем «новом Карабахе».

Разрабатываются серьезные проекты хозяйственного развития, ограниченные, однако, традиционной зависимостью Памира от хозяйственных властей Москвы и Душанбе, а также необходимостью поддерживать нынешнее идеальное состояние экологии. Огромные и почти неосвоенные запасы полезных ископаемых, в том числе золота, урана, молибдена, драгоценных и полудрагоценных минералов, потенциальное устройство на Памире уникального «туристского рая» объясняют оптимизм местных бизнесменов и хозяйственных работников исполкома. «Россия могла бы подключиться к развитию на Памире добывающей промышленности», — не сговариваясь повторяли местные деловые люди.

Давно разработан проект автодороги Хорог—Карачи, идущей через Афганистан, Китай и Пакистан. Прорыв территориальной блокады Бадахшана быстро интенсифицировал бы экономическое развитие региона. Но... «Эта дорога выгодна нам, но невыгодна Узбекистану», — резко и откровенно сказал А.Искандаров.

Налажено конструктивное взаимодействие местного КНБ, самообороны, отчасти и российских пограничников. Ситуация, правда, заметно ухудшилась после прибытия — согласно программам «коллективной безопасности СНГ» — наемников из Казахстана (десантники, внутренние войска), провоцирующих конфликты с бадахшанской самообороной. В конце июня в Хороге состоялся в этой связи 5-тысячный митинг протеста.

Удивительно, но при очень тяжелых материально-бытовых условиях люди настроены оптимистично и как-то особенно по-доброму относятся друг к другу. Лишь в «прифронтовом» районе приходилось встречать вооруженных людей — ни в Хороге, ни в кишлаках люди не носят оружия. С раннего утра до поздней ночи слышен смех и оживленные разговоры на улицах. Люди улыбаются друг другу. А действительно: тонкое это дело — Вос-ток!

Фото ИТАР-ТАСС

Окончание в №34

Сергей ТЕПЛЯКОВ

ГОСУДАРСТВО РОССИЙСКОЕ СИБИРЬЮ УБИВАТЬ БУДЕТ?

А что же такое, собственно, Сибирь? Одни считают — неотъемлемая часть России. Другие полагают — громадные колонизованные пространства, разграбляемые без заботы о будущем. Естественно, весьма различаются взгляды на то, как Сибирь оказалась под крылышком Московии и стоит ли ей там оставаться...

Согласно официальной версии, Сибирь была присоединена Ермаком. Или даже вошла в состав Российского государства добровольно, как Украина: несколько князьков, дескать, привезли московскому государю пушнину и «не отходя от кассы» попросили защиты. Однако если брать за образец русско-украинский союз XVII века, то сразу же видны несоответствия: прежде всего, Сибирь не была единым государством, чтобы по воле одного (или даже нескольких) из множества ханов «воссоединиться» с Россией.

Столь же безосновательны и разговоры о завоевании, присоединении территории за Уралом. Ермак, как известно, дрался с одним правителем — Кучумом, который отнюдь не был «ханом вся Сибирь».

Ермак и его последователи вообще преследовали отнюдь не политические, а сугубо «коммерческие» цели. Это было не освоение — на заселение громадных пространств не хватило бы всего русского народа, — это были периодические набеги (пострелять-пограбить) на татар, оказавшихся в положении русских XIII века: мелкие князьки попросту не могли сопротивляться хорошо подготовленным и вооруженным казачьим отрядам. Татары, которым было что терять — ведь они перешли к относительно оседлому образу жизни, кочуя уже не по всей Азии, а по весьма ограниченным территориям, — предпочли платить дань русским шайкам.

Русские крепости также трудно считать показателем освоения — они строились для того, чтобы обеспечить успех в будущих набегах.

Действия русских в Сибири гораздо больше напоминают тактику европейских завоева-

телей в Америке. Отряды казаков — те же конкистадоры, а Ермак — тот же Эрнан Кортес или, если угодно, Франциско Писарро. Русский поход за Урал вливается в общемировой процесс колонизации новых земель: Европа — в Америку, Азию, Африку, Россия — в Сибирь.

Государства в основном проходят одни и те же процессы в развитии, можно даже сказать, что весь мир подчиняется единому сценарию. В общих чертах ему следовала и Россия, хотя монголы и затормозили развитие Московии по меньшей мере на столетие. Поэтому полная колонизация Сибири наступила позже, чем колонизация Америки, а когда на мир накатил волна деколонизационного процесса, в Сибири не случилось ничего. Просто к началу XIX века Зауралье еще не достигло того уровня экономического развития, когда появляется необходимость самостоятельного управления.

Идея деколонизации, отделения от метрополии возникла только в конце XIX — начале XX века. Основателями областнического движения стали отставной сотник Сибирского казачьего войска Григорий Потанин и учитель томской гимназии Николай Ядринцев*.

Причина возникновения сепаратистской идеи, понятно, «политика Центра». По мнению Потанина и Ядринцева, над Сибирью тяготели три зла: во-первых, деморализация населения, вносимая в край ссыльными социальными отбросами Европейской России; во-вторых, полная зависимость Зауралья от экономически развитых регионов — огромные пространства нещадно разграблялись, использовались лишь как сырьевая база европейских губерний, как источник сверхприбылей казны; в-третьих, «перекачка умов» в столицы и, отсюда, отсутствие местной интеллигенции.

Прежде Сибирь управлялась так: до Петра — специальным Сибирским Приказом, потом — генерал-губернатором. Функции при этом оставались практически неизменными: сбор податей, контроль за работой казенных заводов. Правители, по сути, заботились лишь о поборах, о развитии края пеклись редкие энтузиасты вроде заводчиков Демидовых, которые во второй половине XVIII века основали заводы в Западной Сибири, в колыванской

* «Столица» писала об этом подробнее в № 32 за 1992 год.

Город Якутск
(гравюра XVIII в.)

части Алтая. История этих заводов, кстати, весьма характерна: Кольвано-Воскресенский горный округ поставлял в казну серебро и изделия из полудрагоценных камней. Но иссякло серебро, а камнерезное дело не было государственно значимым — и округ стал быстро хиреть. Колодец вычерпали — и тут же забросили. Ну чем не колонизаторская политика?

То экономическое развитие, которого все же достигла Сибирь к концу XIX века, было следствием отнюдь не мудрой политики самодержавия, но исключительно следствием бурной деятельности отдельных предпринимателей.

Областники справедливо считали, что можно добиться более впечатляющих результатов, если строить отношения с Центром на основе равного сотрудничества, если иметь свое, местное правительство. Естественно, в рамках существовавшей политической системы трудно было надеяться на отделение от метрополии. Но, тем не менее, Ядринцеву с Потаниным удалось добиться многого: в 1878 году был учрежден Императорский Сибирский университет в Томске, в 1900 — отменена ссылка. По положению о выборах в Государственную думу сибирские губернии направили туда 21 своего депутата. Региональная думская группа вела самостоятельную политику, выдвигала регионально-автономистические требования, за что постоянно подвергалась нападкам со стороны черносотенных фракций.

В декабре 1917 года томский съезд областников отказался признать власть большевиков и создал Временное Сибирское областное правительство.

Теперь уже можно было всерьез задуматься о грядущем государственном устройстве независимых территорий. Потанин предлагал Демократическую Федеративную Республику Сибирь, где каждая область имела бы свой парламент, министерства, финансы, а общие вопросы федерации решала бы Государственная дума. В Верхнеудинске (Улан-Удэ) члены Сибирской демократической федеративной партии придумали основать Соединенные Штаты Сибири с организацией штатов по национально-территориальному принципу, на федеральных началах.

Но идея обособления Сибири не нашла поддержки ни у Верховного правителя России Колчака, ни у большевиков. Как писал член колчаковского правительства Г. Гинс: «В одном сошлись большевики и их идейные враги — в вопросах о единстве России. Как показали события, России надо было восстанавливать по частям. Но адмирал Колчак и генерал Деникин не могли найти общего языка с теми, кто проявлял склонность к сепаратизму».

К тому же в августе 1919 года Ленин обратился к населению Сибири с обращением, где говорилось, что в отношении сибиряков подтверждается «Декларация прав народов России». Декларация же гарантировала право на самоопределение вплоть до организации самостоятельного государства, на равенство и

суверенитет народов. Советы сумели выбить почву из-под ног областников-сепаратистов. Позже выбили и табуретку.

Но вот Советская власть кончилась. И воскресла идея Сибирского областничества. Пик движения пришелся на 1992 год. Тогда отдельные территории и социальные группы то и дело организовывались в более или менее крупные союзы и ассоциации: Союз городов Заполярья, Северо-Тихоокеанский форум, Ассоциация сибирских городов, «Сибирское соглашение», Сибирское купеческое собрание, Сибирский союз промышленников... Но ни одно из этих причудливых образований не шло дальше отстаивания своих корпоративных интересов, оставляя идею областничества в стороне. Особенно показательна в этом отношении идея Сибирской кооперации — взаимная поддержка сибирских регионов в строительной и аграрной сферах хозяйства и... все.

Малые народы тоже не проявляли особого рвения: проходившие в прошлом году съезды эвенков, ханты решали вопросы сугубо экономического характера, выдвигали требования частной собственности на землю, изменения налогового законодательства, но никак не сибирского областничества. Отличились только татары: потребовали вернуть им всю Сибирь, потому как до прихода русских там было татарское ханство.

Тем не менее шума было очень много. Казалось, сепаратистские настроения набирают силу, не хватает еще одного съезда, еще одного совещания, еще одного голосования... То и дело появлялись проекты нового государственного устройства: Северо-Азиатские Соединенные Штаты, Сибирская Федерация. Появилась даже Партия независимости Сибири, которая пыталась любое собрание превратить в сбор подписей под требованием зауральского самоуправления.

«Сибирская газета» не мудрствуя лукаво составила прогноз, де все грядущие события были расписаны по месяцам. Уже на ноябрь 1992 года эксперты назначили начало дискуссии не о том, нужен ли суверенитет, а о том, только, какую модель выбрать. В марте 1993 года центробежные силы в России и центростремительные силы в Сибири должны были достигнуть апогея. К 1995 году предрекалась независимость Зауралья, с собственным гражданством, конституцией, правительством и пр.

Все это казалось столь близким, столь реальным, что появлялись даже предостережения о возможном государственном перевороте — сибирскую ситуацию, дескать, какая-нибудь пройдохистая личность может использовать для захвата власти. Основной преобразовательной силой, по мысли тех же экспертов, должны были стать народные выступления. Такая примерно схема: снижение уровня жизни — недовольство — массовые демонстрации и митинги — отделение Сибири от России.

Нынче даже не март 1993 года. Сибирь — все там же, где была и при Петре, и при

Николае II, и при коммунистах. Идея единой независимой Сибири, кажется, скончалась. Почему?

Видимо, иначе и быть не могло. Интеллигенция, выдвинувшая идею суверенитета и пророчившая скорое воплощение этой идеи в жизнь, весьма предвзято судила о состоянии умов Зауралья. Им хотелось думать, что социальная напряженность непременно вызовет сепаратистские настроения «en masse», и они так думали. Но в том-то и дело, что модель СССР — пятнадцать республик, одинаково бесправных, держущих друг друга за руки за ноги, пьющих друг из друга соки, — была устроена так, что в ней не было метрополии. Когда накатилась волна суверенизации, оказалось, что колониям не с кем воевать (ни в прямом, ни в переносном смысле слова). Центр, собирающий налоги? Но он позволил местным властям оставлять часть сборов у себя и учреждать свои, местные подати. И при социальных неурядицах гнев народный обрушивается на местное управление, власть центральную же «не любят» сугубо персонализированно: Ельцина, Хасбулатова, Руцкого, Гайдара, Черномырдина — вместе или по отдельности.

Кроме того, имеющийся опыт убеждает, что сепаратистское движение должно основываться на националистической идее. Сибиряки же — не нация, а просто многоязычное, но по большей части русское население определенной (весьма обширной) территории.

Еще: в Сибири нет общего лидера. Впрочем, по большому счету, всеобщая поддержка для лидера вовсе не обязательна. Но ему нужны гарантии в виде сырьевой значимости региона, компактности территории и возможности внедрения в умы национальной идеи.

И что же есть у Сибири? Да только сырье. И это при том, что те места, где недра богаче, давно уже «приватизированы». Все, что могло, по сути, уже отделилось. Суверенными становятся отнюдь не народы, а бездушная материя: золото, нефть, газ. Суверенитет становится политической гарантией экономических интересов, то есть средством, а не целью.

Сегодня Сибирь, как и Россия в целом, разваливается на мелкие (и не очень мелкие) государства: Хакасия, Бурятия, Тува, Горный Алтай, Саха (Якутия). Это все — бывшие национальные автономии, но уже набирает силу и процесс областной «республиканизации». Центральная же власть этого «в упор не видит». Как же, Алтай — это вам не Кавказ, там не стреляют. Видимо, не поверив в общесибирское областничество, Москва полагает несбыточными все политические вехи, исходящие из-за Урала. Теперь, даже если в срочном порядке приняться за реформу управления в Сибири, регионы могут попросту не принять гзеремены «сверху». Остается лишь надеяться, что к тому моменту, когда минует кризис, Сибирь не развалится окончательно. Потому как собрать ее еще раз будет уже невозможно. Ну где найдешь нового Писарро? Или, на худой конец, Ермака?

Михаил ПОЗДНЯЕВ

ПОЧЕМУ?

Вопрос прошлой осенью понуждал запнуться на бегу, буквально на каждом перекрестке: на стенах домов, на заборах, на трамваях и троллейбусах, в виде рекламы, а еще и под землей, в каждом вагоне метро, — повсюду вдруг зачернели листовки, афиши, плакаты с этим самым: «ПОЧЕМУ?». Что-то такое знакомое, уж было подзабытое, вмиг вспомнилось: не то буденновец, вербующий в добровольцы, не то Родина-мать с текстом присяги в деснице, не то строитель в комбинезоне, зовущий на избирательном участке доказать верность нерушимому блоку коммунистов и беспартийных.

Вот такие аналогии напрашивались во дни визита в Первопрестольную знаменитого Билли Грэма, его проповедей на Олимпийском стадионе, где каждый, совершенно бесплатно, мог получить не только ответ на любое «почему?», но и шариковую ручку.

Один из гигантских уличных транспарантов с изображением «человека, который говорит с людьми», «человека, отвечающего на все вопросы» — в трех минутах ходу от Трубной, где как раз в те

дни октября пролегла граница Фронта национального спасения. Огромными красно-коричневыми буквами, чтоб отовсюду видать, кем-то, явно из «фронтовиков», наискось завораживающего «почему?» намалевано: «По кочану!» И ниже: «Он врет». И еще ниже: «СССР жив!»...

Ну не символично ли, что в одночасье в двух допотопных залах столицы («Вход свободный») смятенному русскому человеку предлагался окончательный, без малого сомнения, ответ на вопрос: «Куда ж нам плыть?» Точно магнит, на два полюса рассеявшийся, разметавший мечущуюся толпу, завис над городом.

Не притча ли? Притчи, метафоры, иносказания — они как-то проще и скорее доходят до целого ли общества, до отдельного ли человека, томимого духовной жаждою, чем «мысль изреченная». Было времечко — и господа большевики терпели г-на Грэма за басни о свободе совести в СССР, кои он декламировал на всех стадионах Старого и Нового Света: а нынче — неугоден, поскольку клиентуру переманивает. У-у-у, колдун!..

Притча и есть.

Реклама — двигатель торговли; однако ж у г-на Грэма его бизнес в России имел успех не столько благодаря плакатам с крупной надписью: «Почему?» или пресловутым самопискам, сколько в силу старой дружбы «человека, отвечающего на все вопросы», с теми, кто обязан на большинство этих вопросов отвечать в Отечестве нашем, по долгу службы. Право же, логичнее и ответственной для нас было бы спрашивать, почему в России столько зла, почему мы так бедны, почему наши новые вожди, охотно посещающие

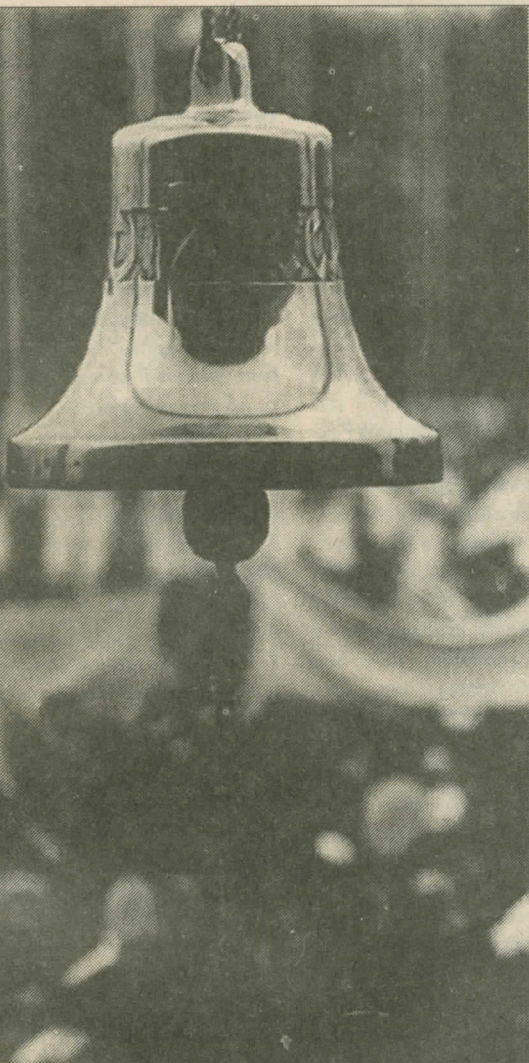
церковь «по торжественным дням», в свои трудовые будни похожи на людей верующих ничуть не больше, чем «предыдущие ораторы»... и еще многие, многие «почему?» задавать — конечно же, не Билли Грэму, гордящемуся, что Билли Клинтон уже седьмой президент США, получивший от него благословение на правление, а, например, Патриарху Алексию II, благословившему от лица всей Церкви нашего, российского президента. Да и президента лишний раз не грех спросить — не все же ему на стадион приезжать в роли футбольного болельщика...

Но — это тема другая; а факт — что Билли Грэма у нас встречали как родного. И Алексий II его принял, пожелав успеха в его проповеди, хотя и напомнив, что мы — не дикари какие-нибудь. И митрополит Питирим на банкете в честь доктора Грэма прочитал «Отче наш» и благословил трапезу.

И открыты были все двери, и повсюду «зеленый свет» возжжен на пути г-на Грэма... и мудрено ли, что за ним, как за вожак, потянулся к нам «гусей крикливый караван», целый легион иноземных миссионеров; и уже не стадионы и концертные залы, но все телевизионные и радиоканалы — предоставлены в их распоряжение. Тем более что люди они как один небедные, за эфирное время готовы заплатить в валюте.

Я нарочно так подробно — потому что очень многих православных, да и не только православных, наших сограждан развитие этого сюжета начало беспокоить: то есть даже не то что энергичные приезжие проповедники ведут себя все смелее и безогладе, и это как-то плохо вяжется с положением гостей; а беспокоило — что наши, хозяева то есть, никак на распространение Слова Божия в России бойкими интуристами не реагируют... Самой естественной реакцией был бы диалог, рассказ визитерам о том, какой кровавой ценой оплачена в России проповедь Евангелия (я убежден: решительное большинство тех, кто раздает дешевые брошюры москвичам, пристроившись к бабкам, торгующим картошкой и грибами возле Киевского вокзала, имеют представление, почему они это делают, но понятия не имеют, где и кому раздают свои комиксы о Голгофе).

Можно было бы и иначе отреагировать — но опять-таки в согласии со своим пастырским призванием: внятно и решительно заявить «богоспасаемой пастве Российской», что энергичные гости раз и навсегда в Книге Правил (Церковных Канонів) поименованы еретиками, их уче-

ние, их служение — отступничество от Истинной Веры во Христа Спасителя. И их рецепт, их путь ко Спасению — коренным образом разнится от Спасения, как его трактует Православие. Такое заявление, конечно же, не было бы новостью и неожиданностью для гостей. Это не было бы для них ни обидой, ни оскорблением — ибо они-то знают историю Православной Церкви и еще много такого, о чем не подозревает в массе своей наш народ. Наша «Святая Русь».

Это мера крайняя, так сказать, хирургическая — но бывают обстоятельства, когда не припарки и отвары из целебных трав, а заостренный скальпель — последнее, единственное средство ко врачеванию.

Но мы и такой реакции со стороны Патриархии не увидели.

Взамен — в который раз за целый век — упование на то, что вопросы духовной жизни, все дыбом вставшие «почему?» в одночасье окажутся приглажены, срезаны — нет, не скальпелем искусного врачава-

теля душ — обоюдоострым мечом светского владыки, законоохранителя с депутатским ли флажком в петлице, в мантии ли конституционного судьи (пошлой, кстати, в Софринских Патриарших мастерских — там же шьются архиерейские ризы).

И — как результат — скандал, сопоставимый с публикациями о связях Московской Патриархии с КГБ. Но если те, обнародованные «Комиссией Пономарева и о.Глеба Якунина» документы, что ни говори, принадлежали по большей части истории, документ, составленный в «Комитете о.Вячеслава Полосина» — проект Закона о дополнениях и изменениях в действующем с 1990 года Законе РСФСР «О свободе вероисповеданий» — это документ, целиком обращенный в будущее.

Я смею думать, что эти два важнейших эпизода современной церковной истории не просто сопоставимы — они меж собой связаны.

Почему?

Потому что в обоих случаях вопрос встал о духовной власти в России. О ее природе. О том, чьи интересы она представляет: частного лица, Народа Божия в его полноте или князей мира сего.

Все критики нового Закона — верующие и неверующие, православные и принадлежащие к иным конфессиям — сходятся на том, что теперь Московская Патриархия обладает де-юре правом на особенное положение в обществе, на особого рода доверительные отношения с властью светской, начиная с Президента и кончая главами местных Советов. Это право за Патриархом и членами Священного Синода было закреплено и в былые дни. Образованное Сталиным в одночасье с восстановлением в разгар войны Патриаршества «Министерство культов» носило первоначально наименование «Совета по делам Русской Православной Церкви» — будто благодать в тот час снизошла на Русь-матушку, и с новоиспеченным Святейшим Сергием сам-друг Иосиф Виссарионович лично погрузили в купель всех до единого мусульман, и протестантов, и католиков, и старообрядцев, и иудеев, и буддистов и еще Бог ведает кого... Уже Алексей II водил на ковер к Горбачеву руководителей всех религиозных объединений и за них всех речь держал, обещая служить делу Перестройки верой и правдой до последнего. А на инаугурации Ельцина — оставил возлюбленных собратьев в партере и единолично Бориса Николаевича напутствовали-с.

Но то была скорее дань моде или традиции. Теперь — иное.

Есть нечто трагикомичное в том, что председатель парламентского Комитета по свободе совести протоиерей Полосин — один из зачинщиков скандала о «кагебэшниках в рясах», автор статьи «Вечный раб ЧК», вышедшей в ту пору в «Известиях» (журналист Александр Нежный, резко критикующий в тех же «Известиях», но уже теперь, новое «деяние» о.Вячеслава, объясняет сию метаморфозу очень просто: «Его высокопреподобие получил доступ к разнообразным «вертушкам» куда раньше, чем Его Святейшество»), — ныне же он обязан расценивать любое замечание Патриарха по тому или иному вопросу, подлежащему рассмотрению в его, протоиерея Полосина, Комитете, как директиву, «ЦУ» личного и близкого друга президента Ельцина.

И — хочет того или не хочет Патриарх, хочет или не хочет этого о.Полосин, — а новый Закон (именно новый Закон, поскольку он всякого верующего человека ставит в положение не-

равенства) — этот Закон рожден в соавторстве. Потому что в нем безоговорочно учтены требования Алексея II, изложенные в двух письмах — на имя спикера Хасбулатова и лично г-ну Полосину. Приведу лишь краткую выдержку из второго письма (направлено оно было в декабре):

«Следует образовать комиссию из должностных лиц государственных органов и представителей религиозных организаций, имеющих уважение и авторитетное положение в обществе, связанных с исторической судьбой России (читай: доказавших свою лояльность при всех политических режимах. — М.П.), предоставить такой комиссии на 5—7 лет право «вето» на регистрацию и деятельность зарубежных религиозных организаций».

Процитированное «ЦУ» почти буквально легло в основу 14-й статьи «Полосинского Закона», вокруг которой и вспыхнули страсти.

На этой злополучной 14-й будто свет клином сошелся.

Почему?

Опуская шлагбаумы на путях проповедников, миссионеров из дальнего и ближнего Зарубежья, Закон обозначит пределы распространения Света Истины, указать Духу Святому, где Ему велять. Согласно этой статье, «действовать в качестве религиозных служителей» — то есть молиться, совершать богослужения и требы, «лица, не имеющие гражданства Российской Федерации», могут лишь «после государственной аккредитации». Проповедовать и распространять Священное Писание этим лицам в России запрещено.

Отныне — кем бы ни был пришлый миссионер: православным или кришнаитом — его положение в России подобно обстоятельствам, в коих несли свое апостольское служение ближайшие ученики Христа в дикой Римской империи. Аккредитацию в таком контексте можно уподобить добровольной явке на распятие или растерзание львами...

Если же рассмотреть ст. 14 в контексте международных норм о правах человека — станет очевидным, что она грубо нарушает статьи 18 и 19 «Пакта о гражданских и политических правах» и статью 18 «Всеобщей декларации прав человека».

Но есть в том, что провозглашает эта самая 14-я, и еще один аспект — оскорбительный для совести всякого верующего человека. 14 статья переводит вопрос об Истине в плоскость географической, она как бы заранее предпологает, что все, находящееся внутри Российских границ, — истинно, а все, что вовне,

— ложно. Меж тем как духовная брань идет не на таможенных пунктах, не между конфессиями, но внутри каждой церкви — это борьба между теми, кто готов стоять насмерть за Истину, и теми, кто, «соображаясь с моментом», готов на любую жертву Князю тьмы, грядущему Антихристу. Вот почему, кроме правозащитников, таких, как Ковалев, искушенных юристов, как Юрий Розенбаум, протест президенту Ельцину и в Верховный Совет выразили и Российское Библейское Общество, и Исламский Центр, и ВААД (Конфедерация Еврейских организаций и общин), и ряд протестантских течений, и Свободная Российская Православная Церковь... По общему суждению, принятие Закона — акт беззакония, поскольку он писался и «голосовался» без обстоятельного и вдумчивого совещания, за закрытыми дверями.

Я спросил у протоиерея Полосина, обращаясь к тексту постановления Верховного Совета о введении в действие нового Закона, как следует понимать рекомендацию Министерству печати и информации России упорядочить телерадиовещание, регламентировать участие в религиозных программах различных конфессий «с учетом общественных запросов и сложившихся национально-культурных традиций». Как это вообще осуществимо — в таком государстве, как наше, подшее в бездны безверия и презрения ко всему святому, кои не снились и древним язычникам? Мой вопрос был бы излишним в Германии или Британии, в Иране или Японии — но в атеистической России, где Православная вера целый век истово — нет, не просто искоренялась! Гонения — спасение для Церкви Христовой! Она еще и заменялась диким обрядоверием... здесь и теперь вопрос острейший.

О. Вячеслав лукаво отвечал мне:

— Что касается национально-культурных традиций, я бы сказал, что это аналог общественной морали... А что касается общественных запросов, то это вопрос, отчасти, популярности передачи. Если в Америке, в Германии, во Франции какая-то передача вызовет общественный гнев и возмущение, я уверен, что руководство телевидения ее снимет. Поэтому здесь ни Верховный Совет, ни правительство, ни какой-либо суд этим заниматься не будут — это вопрос к самому телевидению... То есть мы своим законом даем телевидению право снять какую-то передачу.

И еще спросил я протоиерея Полосина: «Почему это вдруг потребовалось срочно подправлять Закон — не подо-

ждав даже новой Конституции? Чем бы вы объяснили пассивность главенства Московской Патриархии, скажем так, в борьбе за паству, вплоть до самого последнего времени? Не являются ли и она, и активность вашей Комиссии, проявившаяся теперь в издании Закона, деяниями, отвечающими на запросы скорее политические, нежели духовные?»

Вот ответ о. протоиерея:

— О пассивности Патриархии можно рассуждать — но это будет сугубо богословский вопрос, потому что со стороны государства мы не можем придать ей большей активности. Сам по себе факт такой, на мой взгляд, имеет место. Но Закон, как я почувствовал по подтексту вашего вопроса, отнюдь не дает какие-то привилегии Московской Патриархии перед другими конфессиями. Хотя я должен сказать, что наш Закон устраняет некоторую дискриминацию. Конкретный пример. У нас сейчас запрещена прямая деятельность иностранных банков. Потому что они, учитывая курс доллара к рублю, вообще могли бы здесь по дешевке купить все. Государство таким образом охраняет интересы своего народа, оказавшегося в бедственной ситуации. Аналогично — можно сказать и в сфере идеологии. Отныне «стартовые условия» у всех наших граждан равны: и у православных, и у баптистов — у всех. Пусть теперь все завоевывают паству лишь силой проповеди, а не только лишь рассчитывая на помощь из-за рубежа. Поэтому я еще раз подчеркиваю, что наш Закон не только не устанавливает какие-то привилегии, а, напротив, устраняет скрытую дискриминацию. Русским православным людям найти несколько миллионов на один час телевизионного вещания тяжело: их столько лет преследовали, полностью ограбили... По этой причине мы, кстати, еще установили, что время в эфире теперь предоставляется бесплатно всем. Это и будет истинное равенство...

Мне, православному, слушая о. Вячеслава, хотелось себя ущипнуть: можно ставить вопрос о бедности какого-нибудь сельского прихода, о нищете его настоятеля... но всерьез и со слезой в голосе говорить о неплатеже способности Московской Патриархии... это, знаете ли, в духе сказки про белого бычка. Только что Алексей II широким жестом отпустил злую сумму гостившему в России Вселенскому Патриарху Варфоломею на нужды его обедневшей паствы в Турции. Блаженный Варфоломей — верный соратник наших архипастырей-экуменистов, случая не упускавший помолиться с каким-нибудь

туземным шаманом — и жестоко гнавший со Святой горы Афон русских монахов «Зарубежной» юрисдикции. Вот и в последний визит пообещал и дальше по миру гнать «эмигрантов-раскольников»; за то — и гонорар тотчас получил...

Да и потом — представляете ли вы, чтобы Патриарху вся Русь отказали в первом же его требовании предоставить эфир — ему либо кому-то из его архиереев? Да что он, Руцкой, что ль, какой! А еще — чтобы денег с Его Святейшества за это попросить? Нешто мы нехристи. Эвон — трижды в неделю дедушку епископа Родзянку по первой программе гоняют, чай, не из любви к его дедушке...

Так что насчет «стартовых условий» тем, кто пребывает в духовной дремоте, лучше бы помолчать... Дай-то Бог, чтобы и на телевидении, и в больших аудиториях впрямь теперь на равных правах выступали, скажем, наши баптисты, прошедшие сталинские лагеря и брежневские психушки, и Билли Грэм, после всякого визита в СССР в 70-е и в начале 80-х годов заявлявший, что за веру здесь никого и никогда не преследовали. Но боюсь, что — в силу «национально-культурных традиций» отношений Церкви и Государства — в каждом отдельном случае на «стартовые условия» решающее воздействие будут оказывать «общественные запросы», то есть факторы, вообще-то к вере в Бога не имеющие касательства. Не в силах Бог, а в Правде; и по меньшей мере странно выглядит поиск главной опасности для Православия — действительно традиционной, исторической религии на Руси — в сплавных протестантских «сериалах», как странно было бы именовать главной опасностью для находящегося в кризисе отечественного театра и кино демонстрацию по ТВ «мыльных опер». И не в деньгах дело, не в валюте, за которую в России можно якобы так уж запросто скупили блуждающую в потемках паству. Власть. Монополия власти. «Симфония» власти Советской и Синодальной (или — «Президентской и Патриаршей, если угодно). Вот вам и весь сказ. Старый-престарый.

Здесь я обращаюсь к напечатанному «Независимой газетой» за месяц до принятия нового Закона интервью с митрополитом Кириллом — председателем Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии. К его оценке нынешней духовной ситуации в обществе:

«Чистая доска»... Вакуум. И пиши на этой доске что хочешь. Россия с одинаковым успехом может сейчас стать и буддистской, и мусульманской, потому что в основном люди не имеют тех знаний и

того опыта, которые бы давали им возможность критически оценить опыт других... В старое время, когда все верующие были гражданами второго сорта, у нас отношения между конфессиями были более сердечные, чем сейчас. Потому что мы все сидели в одной лодке... Сейчас же наоборот, религиозный экспорт стимулирует напряжение между конфессиями, способствует росту недоверия...

Искренние слова. Так не честнее было бы, развивая мысль, сознаться: если мы, православные, сегодня утратили свой былой авторитет, если наши овцы в поисках духовной пищи предпочитают идти «на сторону далече», а не обращаться к нам с лишним «почему?» — стало быть, нам, пастырям, врачам душ недугующих, надо было с себя начать исцеление, долгое, трудное, терпеливое, неизбежное, — чем искать виноватых среди туристов, раздающих дешевые брошюры по соседству с бабками, торгующими картошкой и грибами?..

Увы. Как пишет Зоя Крахмальникова, комментируя сетование наместника Оптиной Пустыни игумена Мелхиседека, после убийства на Пасху трех ее насельников, что вот, власти российские «не опекают в достаточной мере Православную Церковь»: «Видно, придется Ельцину поставить вышки с часовыми вокруг православных монастырей. Только вряд ли часовые смогут уберечь монахов от сатаны и бесов...»

Я не думаю, что «Полосинский Закон» так уж сильно опечалит Билли Грэма — или «преподобного Муна»: кому-то, а им в России «стартовые условия» раз и навсегда обеспечены. Это не лондонские баптисты, контрабандой привозившие нам в 60-х Евангелие, рискуя жизнью и свободой. Это и не те, кто издал в Норвегии в 1988-м «Лопухинскую Библию», предназначенную **в подарок** семинаристам и приходом, а Патриархия все полтора-два тысяч пустила в продажу, и из них половина оказалась у спекулянтов, а если и подарили кому — так партийным бонзам! Полагаю, что новый Закон и к репутации всякого рода проходимцев, мелькающих на наших экранах, ничего не добавит: ежели среди них вправду есть, как утверждает г-н Полосин, мошенники, так на то — Уголовный кодекс, а не Закон о свободе совести.

Я совершенно убежден, что вступление в действие этого Закона не даст верующим и в безверии сущим русским людям ответа ни на одно из наших «почему?».

И вот почему.

В истекшие с момента празднования 1000-летия Крещения Руси пять лет, в эти годы «религиозного ренессанса» (ровно сколько было отпущено Богом св. Патриарху-исповеднику Тихону: в церковной истории — эпоха!) мы, по слову язвительнейшего В.В.Розанова, «занимались только, «как они любили» да «о чем разговаривали»; и все «разговаривали» и только «разговаривали», и только «любили» и еще «любили»... Это — про нас. Тут и Лескова вспомнишь — имея в виду крики на всех углах насчет «Второго Крещения»: «Русь крещена — но не просвещена».

Когда прошлой зимой «тайное стало явным» (да и какое «тайное»: все знали, и давно знали!) — забрезжила надежда, что позорное обнародование архивных материалов КГБ вынудит главенство Московской Патриархии не только покаяться в содеянном, но всему миру засвидетельствовать о славе нашей Церкви, о сомне новомучеников XX века. Это было бы для священноначалия побегом из постыдной резервации, возвращением, простите, блудного отца к детям, тоже сбившимся с пути праведного. Но как же скоро надежда развеялась! И как просто Патриархия все разрешила: создала комиссию «по расследованию» — обвинение то нешуточное... а комиссия рот на замок — и ни слова за полтора уж года! И все забылось, и — вперед с песнями!..

Мальчик Дима в челябинской газете для подростков «Баста» следующим образом высказался на тему «Ты и Бог»:

«Люди смертны. И перед смертью начинают верить в Бога. Грешники! Покайтесь! Бог вас покарает!»

Ничего нового. Просто у мальчика совесть есть. И он — свободен. И похоже, ему не надобно для отношений с Богом больше ничего. Ни «полосинского закона», ни сильного и дружного с Ельциным Патриарха, ни часовых у монастырских стен.

Почему бы это?

Письма

ДОГОНЯТЬ ТАК ДОГОНЯТЬ...

В журнале «Столица» № 22 в статье Григория Крошина «В Калмыкии считают, что мы все постепенно их догоним» нам, россиянам и России, предложено... догонять Калмыкию.

Ну что ж, догонять так догонять...

Помните лозунг «Догоним и перегоним Америку!»? Даже токарные станки были «ДИП-200».

Не догнали. А уж перегнать... Говорить на эту тему стыдно. Хорошо хоть столичные студенты сняли этот лозунг, заменив его более посылным для нас «Догоним и перегоним Африку!».

Тоже не перегнали... Но пятилетка реформ еще не закончилась, и есть надежда. Была, вернее. Калмыки первые усомнились, что «немытая Россия» сможет догнать еще более немытую Африку. Ну ладно, Калмыкию все же мы, быть может, догоним, но вот появилась еще одна «республика», бросившая всем нам новый лозунг: «Догоняйте нас!». Это я о Свердловской области. Еще раньше свердловчан об этом же заявила Вологодская область. А еще раньше — Татария. А ну как эта тройка (шестерка, девятка... — Башкирия, Тува, Якутия и... кто там еще?) впряжется в легкую карету да пустится в свадебное путешествие под названием «суверенитет и самостоятельность», справляя таким образом свой медовый месяц?

Скажите, как и на чем их догонять? На танках, что ли? Благо их у нас много.

Нет, что ни говорите, а в этом веке нам и Калмыкию не догнать: груз в нашей телеге — хасбулатовский парламент — слишком тяжек.

Ну а в XXI веке?

Неужто и в том столетии нам суждено быть «вечно догоняющими»?

Н. ЛЕМЗЯКОВ

г. Краснослободск
Волгоградской области

МОЙ МУЖ НЕ ПЕДЕРАСТ

В «Московских новостях» № 28 на второй странице — знакомое лицо в очках и с усами. Мне лично это лицо надоело. Но газету по привычке читаю «от корки до корки». Прочла — и мурашки по телу. Руцкой сетует, что, «если дело пойдет так и дальше (Ельцин плохо работает. — С.Д.), за десять лет численность населения в стране сократится на 20 миллионов человек. А может, и правда для воспроизведения населения нужно выбирать в президенты молодого самца, а не порядочного человека?»

На этом перлы вице-президента не заканчиваются. Оказывается, голосующие за Ельцина подобны «проходимцам, вору и педерастам». (!!!)

Товарищ Руцкой! Я не лесбиянка, а мой муж не педераст. Но мы голосовали и будем голосовать за Ельцина. По крайней мере мы знаем, что он нас педерастами не назовет. И с чемоданами бегать у него нет

времени. Подала бы на Вас в суд, но нет ни сил, ни здоровья, годы не те. А может, Вы не знаете значения этого слова? Так вот разъясню: педераст — это гомосексуалист. Может, извинитесь через «Московские новости» перед мужчинами, которые голосовали за Ельцина? Даже перед теми, кто называет себя «голубыми». Ведь слово «педераст» вульгарно и оскорбительно. Русский язык надо учить, дорогой.

Москва

С. ДОЛГОВА

ПРИЧИСЛИТЬ К ЛИКУ ГНИД

Сделал для себя открытие: в Санкт-Петербурге, в Смольном, издается полноформатная газета, тиражом в 170 тысяч экземпляров, с претенциозным названием «Народная правда». Ни больше ни меньше. Не могу не поделиться тем глубоким впечатлением, которое оставил у меня № 19 этой газеты за 1993 г.

Вся газета проникнута ненавистью к президенту России Б.Н. Ельцину. Ряд авторов, в том числе и доктора юридических наук, пишут: «Действия президента России превосходят все известные случаи правового беспредела. Такого еще не знала отечественная история». «Мы возмущены, что команда президента, его лакеи в лучших сталинских традициях...»

Тут же, на первой странице, — высокий образец российской поэзии: «Возцарилась у власти безродная шайка». Рядом — карикатура на Б.Н. Ельцина в виде кровавого палача — мясника России.

Зачем же так, господа? О каких сталинских традициях вы пишете? При «великом вожде всех времен и народов», да что там при Сталине — лет шесть тому назад не только за такие публикации, а за одно желание, попытку написать такое — азмазали бы по стене.

А вы свободно пишете, да еще в оскорбительной форме, и ничего: живете, процветаете, выпускаете газету. И на здоровье, выпускайте. Оскорблять только не надо, а писать профессионально, со знанием дела, без антисемитских выпадов. Этого авторы газеты как раз и не могут. Низкий уровень профессионального мастерства скрывается за ура-патриотическими лозунгами и криками. Во многих публикациях набор расхожих штампов: «яркая русофобка», «ненавистники русского народа», «местечковое словоблудие», «не являясь русскими — говорили от имени русских» и т.д.

Автор статьи «Оскорбленные и униженные» Л. Парфенов пишет, что его поколение воспитывалось на А. Пушкине, М. Лермонтове, А. Чехове, а теперь — «великий русский поэт — Мандельштам, а писатель — Бабель». Как это пережить патриоту?

Маргарет Тэтчер на вопрос, почему в Англии нет антисемитизма, ответила: «Потому, что мы не считаем себя глупее евреев». Вот в чем кроется без ругани и показного патриотизма возможность ликвидации проблемы. Хотя я не уверен, что слово «ликвидация» авторы газеты смогут воспринимать в понимании М. Тэтчер. Не тот уровень знаний, не та культура.

В статье «Сначала судите преступников» А. Дурандин, предъявляя претензии Петербургской прокуратуре, пишет: «Продажные чиновники с целоюзко смертвешших раков впились в тело «Народной газеты». Каков стиль! Каково творческое воображе-

ние! Хорошо, что автор не детализирует, в какую часть тела впились, как и Ариадна Жукова в своей обширной корреспонденции «Десять часов...» не описывает подробно черты лица своего героя. «У него типичное русское, я бы даже сказала, советское лицо». Впрочем, А. Жукова, быть может, опишет для истории антропологии характерные черты советской физиономии.

Упомянутый выше, А. Дурандин, во второй своей статье в газете пишет: «Чиновники упорно причисляют к лику гнид высших должностных лиц». Это блестяще! Неподражаемо! «Умири, Денис, лучше не напишешь». До сих пор слово «лик» сочеталось с возвышенным пониманием лица человека, с изображением лица на иконах, ликом святых! Только отъявленный русофоб может создать «лики гнид».

В. Тюлькин в роли политолога в сумбурной и малограмотной статье «Итога выводы из референдума» приходит к совершенно потрясающим выводам: нет президента и спикера, а есть один человек — Ельцин — Хасбулатов. Кстати, слово «итожу» равнозначно по своей грамотности слову «ложу».

Можно привести еще много материалов из газеты, составленных на таком же уровне. Хотелось бы закончить цитатой из того же В. Тюлькина: «Многие... граждане, памятью... одиозные фигуры депутатов... плевались».

Не очень грамотно, но весьма точно.

Г. ГЕЛЬФАНД

Ростов-на-Дону

ИЩУ ТОВАРИЩЕЙ ПО НЕСЧАСТЬЮ

Реабилитация политических заключенных, совершенно очевидно, процесс политический. Нынешние коммунисты — духовные наследники своих предков — живодеров, — естественно, горой стоят за их «незাপятнаную» честь. В течение нескольких десятилетий я боролся за реабилитацию своего отца Семена Тимофеевича Панасюка и в конце концов оказался один на один с Верховным Судом и Прокуратурой СССР (теперь, соответственно, России). Последняя, должен отметить, хоть что-то предприняла, чтобы войти в курс дела. Верховный же суд поразил меня прямой фальсификацией фактов при рассмотрении дела моего отца (документ № ВТ 93-23 от 07.06.93). Он замалчивает заведомую ложь в приговоре первичного (калужского) суда в 1945 году и игнорирует оправдательный документ Прокуратуры СССР. Нечего и говорить, что суду не указ и реакция президента на мои жалобы, да и только ли на них.

Ныне у нас Верховный и Конституционный суды судят по своим законам, разницы же между коммунистическим беззаконием и нынешним исполнением законов я не вижу. Обращаться со своей просьбой в наш коммунистический парламент мне, по-видимому, противопоказано. Что делать? Не опубликуете ли вы это мое письмо? Может быть, найдутся такие же бедолаги, как и я. А на миру, как известно, и смерть красна.

В. ПАНАСЮК

Москва

ВАМ РУССКИМ ЯЗЫКОМ ГОВОРЯТ...

Помните Высоцкого: «В общественном парижском туалете есть надписи на русском языке...» И так далее. Прошли годы, Европу мы уже «покорили» и отправились дальше.

На общественных пляжах Дубая — одного из арабских княжеств Персидского залива — с недавних пор появились вывески на русском языке: «Строго воспрещено и наказывается штрафом купание обнаженными».

«Мы вынуждены разместить такие русскоязычные предупреждения из-за большого числа жалоб на туристов из России и других стран СНГ, которые загорают на пляжах Дубая в голом виде», — заявил журналистам сотрудник местного муниципалитета Абдель Хаким Бельшлат. Все туристы из СНГ, останавливающиеся в дешевых гостиницах эмирата, приезжают купаться на общий пляж и создали там нездоровую атмосферу, привлекая внимание одних и вызывая недовольство и даже раздражение других. Большинство гостей с севера «языков не знают» и на каждом шагу ссылаются на незнание местных порядков и законов.

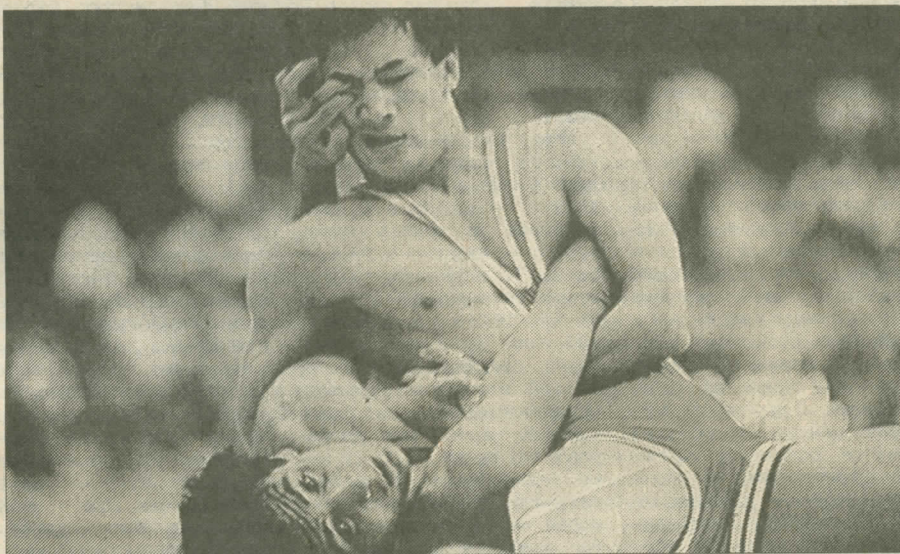
Поэтому муниципалитет и был вынужден поставить у входа в прибрежный парк, возле всех его кафе и на самом пляже предупреждающие вывески на «великом и могучем, правдивом и свободном» русском языке. Теперь нарушителям придется платить штраф в размере нескольких десятков, а то и сотен долларов. И незнанием английского языка уже не оправдаться — по-русски же написано.

Кстати, русскоязычные объявления давно появились в Дубае на витринах меняльных контор и магазинов, в гостиницах и даже в печати.

Анализ и сопоставление комментариев и статей в западной прессе показывают, что в ИХ глазах политическая борьба в высших эшелонах НАШЕЙ российской власти выглядит вот так...

(Фото из газеты «Периодико», Испания)

ВЗЯТОЧНИКОВ — НА МОРОЗ

«Семь суток под открытым небом и без пищи» — такое наказание определил суд замбийской столицы трем муниципальным чиновникам Лусаки, уличенным во взяточничестве. Доказав вину правонарушителей и осудив их на три месяца тюрьмы и принудительных работ, судьи решили снова посоветоваться и, учтя некоторые «смягчающие обстоятельства», вынесли другой, весьма необычный приговор, которому суждено стать прецедентом в судопроизводстве. Поскольку должностное преступ-

ление было совершено чиновниками впервые, мздоимцев обязали провести целую неделю, включая ночные часы, под открытым небом и без еды на территории «родного» муниципалитета, то есть на месте преступления.

Однако многие в Замбии считают, что приговор не смягчен, а ужесточен: на юге Африки с мая по сентябрь стоит холодный сезон, когда температура воздуха нередко падает до нулевой отметки.

Как сообщило информационное агентство Франс

Пресс, уже на второй день после изменения «меры пресечения» осужденные попросили судей заменить семидневный срок пребывания на «свежем воздухе» на трехмесячное заключение в тюрьме, лишь бы ночью находиться в теплом и закрытом помещении.

Да, не могут взяточники на воздухе. Отрезвляет. Заставляет думать над своим поведением. Да не о них, в общем-то, речь. Опыт любопытный, не правда ли?! Может, и нам, дождавшись зимы и подкупив «много-томе» дел по взяткам, попробовать? Морозы-то у нас покрепче замбийских.

СПОКОЙНО ЛЕЖАЩИЙ КРОКОДИЛ — ЕЩЕ НЕ МЕРТВЫЙ КРОКОДИЛ

Наверное, самые неприятные минуты в своей жизни пережил недавно зимбабвийский полицейский, оказавшийся в кузове движущегося грузовика наедине с агрессивным крокодилом.

Незадолго до этого, пишет агентство Франс Пресс со ссылкой на зимбабвийскую печать, крокодил напал на группу

малолетних детей на берегу реки в центральной части страны и, как решили прибывшие по вызову стражи порядка после поверхностного осмотра «тела», был насмерть забит озверевшими (в свою очередь) деревенскими жителями.

2,5-метровую коварную и вероломную рептилию погрузили в полицейский фургон. При

этом один из офицеров отважился провести дорогу в обществе дохлого хищника и сел в кузов автомобиля. Мог ли он предположить, что от тряски на ухабах крокодил внезапно оживет? А тот очухался и, подтверждая свое коварство и вероломство, тут же напал на полицейского, слава богу, не задремавшего в пути. Счастливику

удалось чудом несколько раз вернуться от зубов хищника.

Не на шутку перепугавшись, он завопил так, что его услышали сидящие в кабине и остановили грузовик. После этого пришедшие на помощь застрелили крокодилоподобное пресмыкающееся. Мораль этой истории коротка и очевидна — не садитесь с крокодилом в одно авто, пока не убедитесь, что он действительно мертв.

ДОЛЛАРЫ ДЛЯ «ДЯДИ»

Полемика между дирекцией Московской межбанковской валютной биржи (ММВБ) и экономистом Владимиром Косенко, опубликованная в 28-м номере «Столицы», вызвала весьма горячие отклики читателей. Сегодня мы публикуем один из них. Его автор — Владимир ЛЕВИТИН, специалист в области финансов и ценных бумаг.

На мой взгляд, ни письмо дирекции ММВБ, ни ответ на него В.Косенко не являются, скажем так, абсолютно точными. Косенко в этой дискуссии очень эмоционален (и тут я с ним полностью согласен: жить в сегодняшнем ценовом беспределе уже невозможно, как невозможно мириться с такой инфляцией), но, кажется мне, он так и не раскрыл полностью механизм образования зависимости курса одной валюты по отношению к другой. Ни вакханалия цен, ни инфляция не являются основными причинами, влияющими на котировку «рубль — доллар», хотя, естественно, причинно-следственная связь тут есть. В чем несомненно правы деятели валютной биржи — это в том, что курс рубля к доллару зависит, в первую очередь, от спроса и предложения на такой специфический товар, как доллар.

Однако давайте внимательнее приглядимся к статье дирекции ММВБ. Если отжать из нее воду, то там оста-

нется всего несколько цифр, которые стоит проанализировать.

Итак, вот динамика предложения доллара, которая дана в статье ММВБ. Начало 1992 г. — продано 20 млн долларов в месяц; конец 1992 г. — продано 400 млн в месяц. То есть рост предложения составил 200% в год. Начало 1993 г. — продается 400 млн долларов ежемесячно; середина года (лето) — 500 млн. Следовательно, предложение за полугодие выросло на 100 млн долларов в месяц, или на 12,5%. Ясно видна тенденция к сокращению предложения долларов на торгах биржи: если бы сохранились прошлогодние темпы, то предложение должно было составить 2 млрд в месяц.

А как обстоят дела со спросом?

Сейчас валютные счета есть практически у всех организаций, как коммерческих, так и государственных или муниципальных. Значит, в долларах нуждаются все. И

валютные закупки осуществляют все, от жэков до оборонно-космических гигантов. Предположим, рынок долларового спроса составляет в России около 10 млрд в месяц (что вполне реально). Получается, что он превосходит предложение в 20 раз! Это как конкурс в театральные вузы — 20 человек на один доллар, простите, на одно место. Где ж тут бедолагам рублю устоять перед долларом, когда его, доллар, все хотят, а «деревянный» наш никому не нужен? Вот и получается, что на бирже соревнуется слишком много спортсменов и побеждает тот, который выложит больше рублей за доллар. А потом по этим сделкам купли-продажи рассчитывается котировочная (курсовая) цена валюты. И чем больше долларовый дефицит, тем, естественно, эта цена выше.

Куда же уходит валюта, заработанная нашими экспортерами? Сегодня более половины валютной выручки подлежит обязательной продаже: 30% — Центробанку России, 20% — уполномоченному банку, далее — налоги, сборы, пошлины, это еще 15—20%, которые также концентрируются в ЦБ и уполномоченных банках. То есть 70% заработанной валюты уходит банкам. Если предположить, что объем экспортных операций России составляет никак не меньше 10 млрд долларов, то выходит — тем, кто заработал эту валюту, остается всего

3 млрд. Вывод: экспортер, вероятнее всего, свою валюту никому не продаст, ему самому не хватает. Он, скорее, কিনется либо покупать доллары, либо брать кредиты — у того же уполномоченного банка или ЦБ. Иными словами, производитель сам у себя берет в долг да к тому же платит проценты чужому дяде! Очень выгодно — для «дяди», разумеется. Напрашивается вывод, что предложение валюты реально могло бы быть на уровне 5 млрд долларов в месяц (что тоже мало при огромном спросе), но сейчас оно занижено в 10 раз, и, думаю, искусственно.

Теперь о последней цифре. В торгах ММВБ участвуют 92 уполномоченных банка, то есть имеющих лицензии на право покупки и продажи валюты. Много это или мало? Только в Московском регионе сегодня более 500 коммерческих банков, по России их — тысячи. Значит, в торгах ММВБ участвуют доли процента всех банков. Это даже не монополия, а супермонополия на информацию по спросу и предложению валюты. В своей статье господа из дирекции ММВБ пишут: «...и трудно представить себе сговор этих...» Полно! Я лично не могу представить другое: что в такой ситуации невозможно договориться между собой.

ХРОНИКА

Наш рынок, заполненный аудио и видео от фирм «Сони», «Панасоник», «Шарп» и «Голд Стар», не знает, что такое датская фирма «Бэнг энд Олафсен».

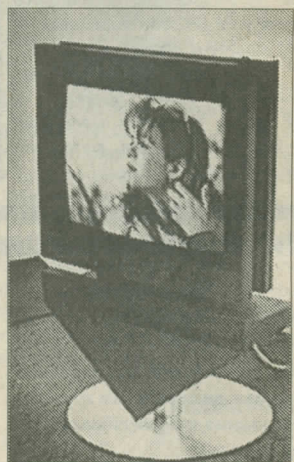
А в большинстве стран это название говорит о многом: «Бэнг энд Олафсен» — синоним самой дорогой и престижной теле- и радиотехники, собираемой исключительно вручную, с использованием новейшей технологии, которая часто остается недостижимой для конкурентов. А еще это суперсовременный, неповторимый дизайн аппаратуры — ее образцы даже демонстрируются в нью-

йоркском Музее современного искусства.

До августа 1993 года знаменитая фирма не стремилась в Россию — видимо, полагая, что здесь не наберется достаточно богатых людей, способных раскошелиться на дорогой товар. Но бизнесмены из российской фирмы «Элтэк» решили представить соотечественникам «Бэнг энд Олафсен», считая, что коль у нас «Мерседесы» раскупаются шибче, чем в прочей Европе, то уж желающие выложить, скажем, 15 с лишним тысяч баксов за классное изображение и звук вполне найдутся. И вот в Фотоцентре на Гоголевском бульваре началась демонстрация всех этих

датских чудес: телевизора, который вы можете повернуть так, как вам удобно, не вставая с дивана; лазерного проигрывателя, воспроизводящего звук с абсолютной чистотой; телефонов, которые «сами» уменьшают громкость телевизора или приемника, когда вы снимаете трубку, и т.д.

Журналисты, собравшиеся по случаю презентации в Фотоцентре, посмотрели, повосхищались и разошлись, поскольку не имели требуемых для покупки сумм в «зеленых». Настоящие клиенты, видимо, должны появиться позже: с середины сентября фирма собирается открыть свой салон в ЦУМе.

Телевизор фирмы «Бэнг энд Олафсен»
Фото В.Кантора

ЗА ОКНАМИ — АВГУСТ...

То ли внеочередная, то ли очередная — седьмая сессия Верховного Совета России должна была прежде всего решить две принципиальные экономические проблемы — выполнить телевизионное обещание Хасбулатова по защите народа от герасценковского обмена денег и приостановить очередной приватизационный указ Ельцина. Вторая цель была поражена легко — 6 августа, за несколько минут, перед самым обеденным перерывом. Проглотив на голодный желудок президентские «дополнительные меры по защите права граждан России на участие в приватизации», довольные депутаты отправились в столовую. Между тем многие специалисты считают, что приватизация, собственно, идет по законам и документам, ранее утвержденным ВС, а приостановленные президентские указы были, главным образом, направлены на то, чтобы снизить возможность махинаций с ваучерами и прочего криминала и произвола в этом деле. Некоторые даже высказывают подозрения, что депутатские «отмены» — результат закулисного давления мафиозных структур, греющих руки на борьбе за собственность, которым указы мешали заниматься своим черным делом. Но это вряд ли: просто экономические (и юридические) познания большинства народных избранников сводятся к уни-

версальной формуле — все, что исходит от исполнительной власти (бюджет, приватизация и пр.), должно быть прекроено или отменено. Правда, уже 10 августа Ельцин подписал новый указ на прежнюю тему. Теперь депутатам опять есть что приостанавливать.

С другим вопросом — защита граждан от обмена «старых» денег — у Верховного Совета как-то не получилось. Попеняв правительству и Центробанку за неподготовленность акции и несогласованность ее с ВС, сессия оставила все как есть. Но зато депутаты решили принять разные поправки к законам, чтобы впредь такого не было. Теперь, надо полагать, если кому и захочется проводить денежную реформу, ее будут гласно обсуждать на сессиях и широкие народные массы смогут узнать о грядущих катаклизмах заранее.

Между тем в августе брожение в народных массах продолжалось. Рост цен, задержки — порой на месяцы — с выплатой зарплаты, похоже, могут превратить этот месяц в месяц сплошных забастовок. А колхозно-совхозные генералы, объединенные в Аграрный союз под водительством подсудимого В. Стародубцева, перешли от методов экономического давления к приемам экономического шантажа, не желая сдавать государству свою продукцию по предложенным расценкам. По сообщениям печати, в некоторых районах хозяйства отказались, например, поставлять молоко даже в детские сады и больницы. О зерне и говорить нечего. Конечно, славное дело — выбивать из

малоимущего правительства дотации или высокие закупочные цены, но методы...

Впрочем, в колхозно-совхозном строю есть те, кто умудряется даже в сегодняшней ситуации находить для себя реальную экономическую выгоду. Скажем, хлеборобы Калмыкии решили продать государству вдвое больше зерна, нежели полагалось. Нет, цены для калмыков те же, что и для других. Но там прикинули: чем держать хлеб, выбивая более высокие расценки, и потом убедиться, что инфляция съела весь дополнительный навар, лучше побольше получить сегодня и пустить эти деньги в дело, купить по нынешним ценам, допустим, горючее, кое-что из техники, запчастей и т.п. ...

Сельскохозяйственные проблемы экономики, кстати, возвращают нас к августовской сессии ВС. Ибо несправедливо намекать, что спикер зря отзывает депутатов из отпуска, мол, только ради того, чтобы сделать очередную козу президенту с его приватизацией и окончательно подгрести под себя правительство. В первые же дни Верховный Совет принял ряд законов, не терпящих промедления: например, «О селекционных достижениях» и (в первом чтении) «О племенном деле и животноводстве».

Возможно, опираясь на первый из названных законов, депутаты начнут активную «селекцию» в рядах членов правительства.

В.М.

КОРПОРАЦИЯ

МОСКВА

**Покупаем комнаты,
квартиры и дачи
(можно неприватизированные)**

ОПЛАТА В ТЕЧЕНИЕ 2 ЧАСОВ

**Расселяем коммунальные квартиры.
Покупаем жилплощадь с правом
пожизненного проживания, в том числе у лиц,
находящихся в экстремальной
ситуации.
Меняем большую на меньшую
с убедительной доплатой.**

КОРПОРАЦИЯ

МОСКВА

Тел.(095) 369-95-15, 369-95-40, 369-95-49.

Константин ФРОЛОВ:

«Я буду последним монстром»

История бизнесмена, рассказанная им самим

Нет, это был не музей мебели. Но, переходя из зала в зал и любуясь этими творениями, я меньше всего ощущал то, что нахожусь в магазине. Десятки разнообразных комплектов, расставленных в уютных залах за стенами спорткомплекса «Олимпийский», заставляли раз за разом мысленно примеривать тот или иной гарнитур, стеллаж к собственной «хрущобе». При этом совершенно забывалось, что вся выставленная в магазине мебель — и мягкие кресла, призывно подставляющие подлокотники, и столы с элегантными светильниками, и стеклянные этажерки — офисная. Мы настолько привыкли к грубым канцелярским столам с инвентарным номером на самом видном месте, что понятие «культура», применительно к офису, у нас как бы и не существовало. Помпезность — да, это было — в кабинетах высших руководителей. А культура — приходит только сейчас, когда на наших рабочих местах появляется, наконец, мебель, побуждающая работать. А создал этот уютный мир в «Олимпийском» бывший спортсмен — чем, видимо, и обусловлен выбор места для магазина, — Константин Фролов, директор фирмы «Константин».

— Я действительно бывший спортсмен, когда-то, еще до армии, занимался академической греблей и дзюдо. Потом служил, но не в спортроте, а как все, хотя и тренировал. А после армии увлекся карате, в те годы еще «подпольным». Был тогда период всеобщего увлечения этим видом единоборства. В конце семидесятых — начале восьмидесятых на какое-то время мы даже вышли из «подполья», провели несколько чемпионатов столицы. Тогда-то я и стал абсолютным чемпионом Москвы, одним из первых мастеров спорта по этому виду. А при Андропове карате снова запретили, секции поразогнали... Впрочем, для меня профессиональный спорт закончился еще в 81-м году.

А ведь из-за карате я даже университет бросил. Учился на химфаке, но выступал за ЦСКА. И тренером к тому же там работал, будучи студентом. Меня все

время звали туда на постоянную работу, «звездочки» сулили, квартиру. Но не хотелось учебу бросать. А в начале третьего курса мы поехали «на картошку», где я умудрился заполучить врага в лице начальника курса.

Как-то вечером, уже после работы в поле, пятеро ребят пошли в лес, выпить там бутылку водки. И на этом их поймали.

Начальник курса поставил вопрос об их изгнании с «картошки». А в те времена это автоматически вело к отчислению из университета. Начальник курса сам был не дурак выпить, и я, зная это, сказал на собрании, что если сейчас я не извлеку из-под его кровати бутылку спирта — химфак же! — то первым проголосую за отчисление. Початая бутылка, конечно же, там была. Ребят, впрочем, все равно исключили, а я нажил себе врага. К тому же через день я ездил в Москву, за новыми

записями для дискотеки, поскольку был диск-жокеем. Уезжал после работы, а к 8 утра был уже со всеми в поле. Такую независимость и неподконтрольность руководству допустить не могло. И вот за все мои «вольнопоявления» меня осенью стали пытаться исключить из партии.

В партию, как и многие, я вступил в армии. Долго отнекивался, но замполит сказал, что «если нормальные люди вступать не будут, то у нас будет не партия, а мафиозное государство, и надо туда идти, чтобы разбавить эту гадость». В общем, он меня убедил.

Вот я и «разбавлял» как мог, пока факультетский партком не решил, что мне не место в их рядах. И хотя потом парткомиссия сочла, что исключать из партии меня, собственно, не за что, из университета я решил уйти. Сам, по собственному. Ушел, естественно, в ЦСКА, но вслед мне дали такую характеристику, что в ЦСКА меня не взяли. Дословно там было сказано в том числе и следующее: «не понимает авангардной роли партии». Ну как с таким непониманием работать тренером по карате?!

Как же, говорят мне, ты будешь с такой характеристикой молодых спортсменов тренировать да за границу ездить? Надо бы, говорят, поменять характеристику. Ну что ж, я не против поменять, верните мне ее, я пойду поработаю и заслужу другую. И тут мне намекают, что за извлечение из архива собственной характеристики я должен заплатить... прапорщику, в обязанность которого это входит. Я был поражен: меня зовут тренером, я им нужен и с меня же требуют денег.

И я пошел работать на фабрику. А почти через год, перед третьим чемпионатом Москвы, с меня опять «попросили» деньги. На этот раз в Госкомспорте. За выдачу «карточки» мастера спорта открытым текстом предложили выложить тысячу рублей, что в 81-м году было немалыми деньгами. Это меня окончательно «достало», и я отказался участвовать в чемпионате. Ведь я же жил этим, мы ведь были профессионалами. Помню, как меня выводили под руки на пьедестал, помогли подняться, — до такой степени были отбиты мышцы после поединков. Люди со сломанными пальцами, с переломанными носами выходили на бой. И тут какие-то чинуши от спорта требуют с тебя денег! Вот так я ушел из спорта.

Потом я пытался восстановиться в университете. Но этот вопрос решала не учебная часть, что было бы логично, а... партийная ячейка студентов группы, в которой мне предстояло учиться. И все тот же начальник курса так «представил» меня,

что студенты удивились — как это у меня хватило наглости просить о восстановлении? В общем, доучиться мне не пришлось.

Я никогда особо ни на что не надеялся, рассчитывая только на себя. Ведь и в самые застойные годы были возможности для того, что сейчас называют бизнесом, только тогда предпринимательские идеи мало кому приходили в голову. Для этого они слишком противоречили стереотипам, существовавшим в обществе.

А для меня никаких стереотипов не было. Например, в брежневские времена я как-то год вообще не работал — летал по всей стране, охотился. А потом вкалывал одновременно на семи работах, по семи (!) трудовым книжкам: комендантом, сторожем, бригадиром грузчиков. Я сам собрал бригаду из спортсменов, и мы работали, выкладываясь как на тренировках, до седьмого пота. За счет этого да еще за счет некоторых приспособлений и умения каждого управлять автопогрузчиком двоих мы отправляли отдыхать на... другую работу — истопниками газовой котельной. Там мы за свой счет сами установили специальную автоматику, и они могли действительно отдыхать. И так мы чередовались.

За все это проверкой моей деятельности полгода занимался ОБХСС. Но я действительно везде РАБОТАЛ, и единственным нарушением было семь трудовых книжек. Ведь тогда полагалось иметь сверх зарплаты только полставки по совместительству, и ни рублем больше. Очевидно, это и называлось «обществом равных возможностей». Но я всегда считал — пусть по таким законам живут те, кто их пишет, я же свою жизнь буду строить сам. Это было начало МОЕГО БИЗНЕСА. Я организовал эту систему, и мы научились еще при Андропове легально зарабатывать большие деньги.

Однажды я встретил на улице своего друга Игоря Суворова. И мы решили основать какое-нибудь дело. Для этого всегда были возможности, ведь Россия — это Клондайк, это — Поле чудес, но отнюдь не Страна дураков. Просто у нас психология не ориентирована на потребление материальных благ. И вот задумал я пустующие в деревнях избы использовать под овощехранилища, гарантирующие почти полную сохранность продукции. Все рассчитал, составил технико-экономическое обоснование. Получалось на вложенный рубль — 70 % прибыли. Но Суворов вместо этого предложил заняться тем, что потом получило название шоу-бизнеса. И мы провели первый полностью

окупившийся праздник «Московского комсомольца». Даже прибыли получили. Но все заработанные нами деньги достались не нам, так как у нас не было своего расчетного счета, а одной культурно-зрелищной организации, через счет которой мы работали.

Благо к тому времени уже вышел Закон о кооперации, и, чтобы с нами так больше поступить не смогли, мы ушли и организовали свой кооператив. Тогда-то я и начал заниматься производством. Сначала мы делали музыкальную аппаратуру — усилители, большие концертные колонки, алюминиевые кофры. Среди наших клиентов были, например, «Веселые ребята», Алла Пугачева.

А потом вышло так, что с Игорем мы разошлись, и я начал все сначала. Пришлось даже продать видеоманитофон и кое-что из вещей, чтобы платить первое время зарплату рабочим: на этот раз я занялся мебельным производством. Мы создали в Москве цех и стали выпускать мебель, причем только офисную.

Такой выбор был вызван не столько возросшей потребностью именно в офисной мебели, сколько принципиальными соображениями. На рынке бытовой мебели очень большие соблазны и легко воровать. Ведь деньги, слава — это как наркотики. А там, где есть производство, собственная реализация и наличные платежи, — там легко уходить от уплаты налогов. И настолько просто все это проделывать, что потом тяжело остановиться. Поэтому для меня бытовая мебель — табу, сохранившееся до сих пор.

Так появился кооператив «Константин». Мы, кстати, до сих пор кооператив, хотя мне все говорят, что надо бы перерегистрироваться. Но я так тяжело шел в этом кооперативном движении, что буду, наверное, последним монстром-кооператором. Вообще-то, производить сейчас становится все менее и менее выгодно, и не только из-за налоговой политики, а вообще из-за отношения к производителю. А изменится оно только со сменой нашего руководства.

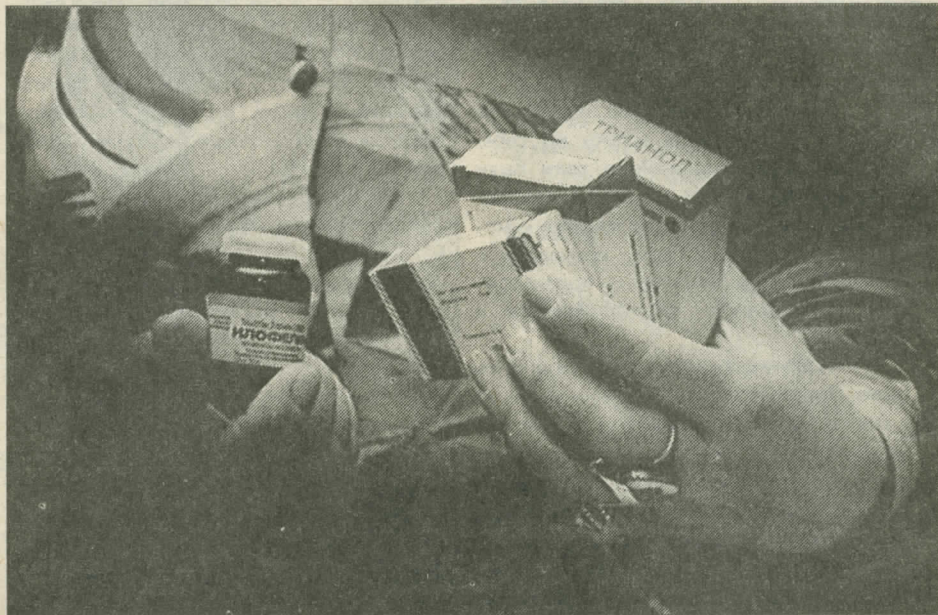
Пуль Константина Фролова к своему делу столь же длинен и сложен, как и эволюция канцелярского стула, превратившегося в конце концов в «кресло руководителя», выпускаемого фирмой. А потом я вдруг понял, что же ему помогало все эти годы. Наверное, то редкое чувство полной внутренней свободы, которое позволяет, говоря его же словами, «жить, купаясь в потоке времени и зная, что я — это звено, соединяющее моих предков с моими потомками».

Записал Вадим КАНТОР

Аэлита ЕФИМОВА

ЗАПИСКИ С ЛЕКАРСТВЕННОГО РЫНКА

Вы когда-нибудь слышали, чтобы грудной ребенок от молока родной матери в прямом смысле — сходил с ума? Увы, это не бред больного воображения: по статистике в нашей стране на 10 тысяч новорожденных приходится 7—8 детей, больных фенилкетонурией. Генетическое, то есть труднодостижимое для науки заболевание, при котором молоко, хлеб, мясо — все белковые продукты — чистый яд для ребенка. В организме такого больного отсутствует фермент, усваивающий одну из аминокислот, содержащихся в белках, — фенилаланин. А если эта аминокислота не будет усвоена, то разрушается мозг, наступает слабоумие (олигофрения), человек может стать идиотом. Но не пугайтесь: заболевание это лечится. С первых месяцев рождения ребенка и до 14 лет он должен находиться на кошмарной диете, на сплошных препаратах, заменяющих природный белок. Если этот многолетний каторжный режим выдерживается, мозг человека, а значит — и сам человек развивается нормально. Ребенок может учиться в обычной школе, и даже в элитарной спецшколе, и потом поступить в институт. Если только в стране имеются для этого лекарства...

ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Именно такой частный случай побудил меня задуматься: а кто и как сегодня, в условиях победы рыночных отношений над — не побоюсь этого слова — человеческими, снабжает нас лекарствами?

Детей, больных фенилкетонурией, в годы советской власти снабжал спасительным препаратом — гидролизатом белка — Минздрав. Существовало в министерстве всем известное подразделение «Главаптекоуправление», которое заключало контракты на закупку импортных препаратов.

Всем также хорошо известно, что наша химико-фармацевтическая промышленность даже в лучшие свои годы производила лишь до 30 процентов необходимых здравоохранению лекарств; что, несмотря на ежегодное стопроцентное выполнение плана Министерством медицинской промышленности СССР, в отечественное производство лекарств инвестировались копейки.

Надо отдать должное государству под названием СССР. По целому ряду заболеваний оно брало на себя обеспечение населения лекарствами: диабет, онкологические болезни, туберкулез. Фенилкетонурия — в этом ряду.

«Главаптекоуправление» покупало заменители белка у немцев, поляков и американцев. Покупало по традиционному советскому принципу: чем дешевле, тем

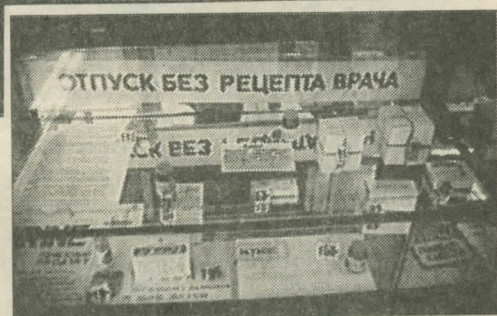
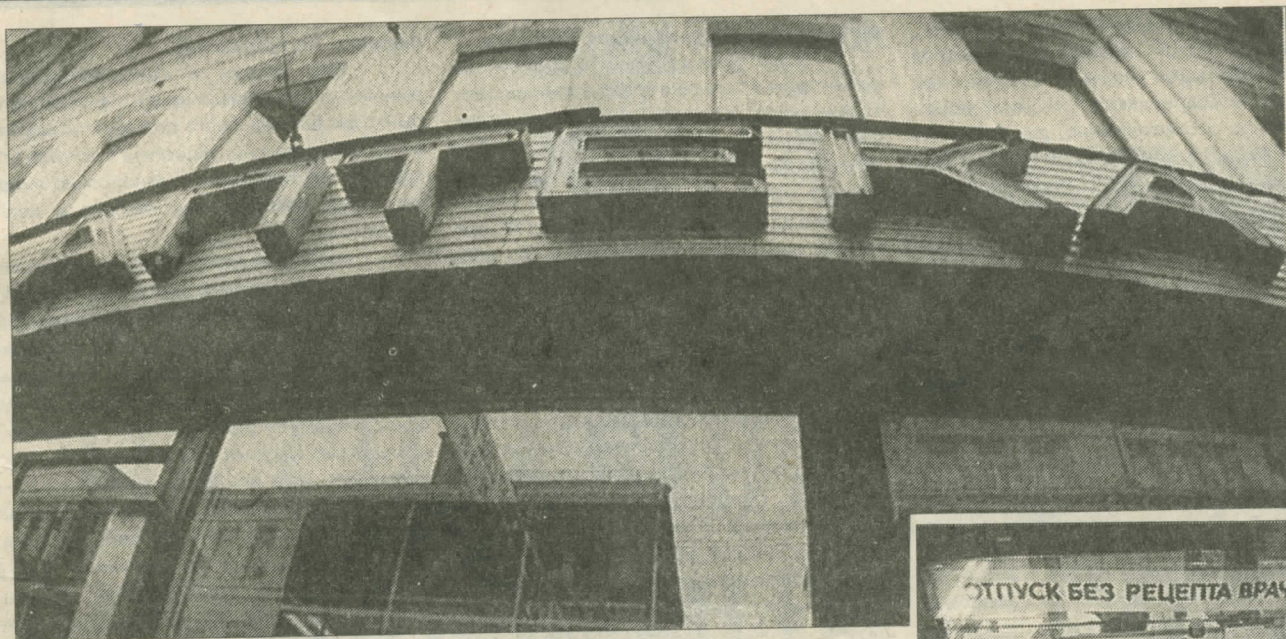
лучше. Если препарат для лечения маленьких детей стоит меньше, чем лекарство для старших, — на него и заключали контракт. Худо-бедно, но несчастные матери несчастных детей выхаживали на этих препаратах и грудничков, и десятилеток. В месяц такому ребенку требуется примерно три килограмма гидролизата белка, а ежегодная потребность России в нем — десятки тонн. Но в минувшем году врачи попросили матерей быть поэкономнее, поскольку регулярность поставок препарата — под вопросом. Экономия в данном случае означает частичный отказ от диеты...

А в июне нынешнего года медики предупредили: специального питания на складах осталось на три месяца. Десятилеток сняли с диеты — для них это не так смертельно, как для совсем малышей. Мать, у которой десятилетний сын учится в английской спецшколе, шлет письма в Минздрав и Ельцину. Пишет не только о своем «частном» материнском горе, но и о «государственной логике». Если ее ребенок в сентябре, с началом учебного года, не получит питания, неизбежно произойдет деградация личности, вместо полноценного гражданина страна будет иметь инвалида.

И еще: по подсчетам американских специалистов, на каждый доллар, вложенный сегодня в ребенка, больного фенилкетонурией, государство в дальнейшем получит 10 долларов прибыли.

Так имеет ли смысл сегодняшняя «экономия»? Вопрос — в никуда. Поскольку в процессе реформ и перманентной смены фигур в министерских креслах «Главаптекоуправление» было ликвидировано.

Больные дети, таким образом, попали в междоусобие: бывшее

«Главааптекоуправление» контакта УЖЕ не заключило, а Минздрав не заключил ЕЩЕ. Дело в том, что самые квалифицированные работники Минздрава, которые не одну собаку съели на закупках лекарств, на долгой дружбе с инофирмами, ушли вместе со своим главком из Минздрава (куда? — разговор дальше). Очередной министр здравоохранения Нечаев (время назначения — декабрь 1992 г.) «неожиданно» обнаружил в своем ведомстве провал на том месте, где была устойчивая структура «по обеспечению населения и учреждений здравоохранения РФ медицинской продукцией». И создал на нем (провале) Управление обеспечения лекарственными средствами и медицинской техникой Минздрава. Сам начальник этого управления Михаил Саповский совсем недавно признался в докладной записке на имя министра, что оно «находится в стадии становления и... по своей численности (18 человек) выполнить возложенную на него функцию не может». Словом, мама 10-летнего больного, лишенного диеты, должна понять, что управлению надо расширяться, набираться опыта, налаживать связи с зарубежными производителями и т.д., и т.п. Как сказал пресс-консультант Минздрава Михаил Резник, «эти матери верят в нашу страну, в ее ресурсы...».

Пришлось мне (и матери больного ребенка тоже) довольствоваться устными заверениями, что контракт на закупку лекарств осуществлен, причем с превышением потребности на 25 процентов, а задержка была будто бы оттого, что не слишком сведущие «специалисты» нового управления сперва намеревались закупить препараты французского происхождения и сомнительного качества, не зарегистрированные в России. Потом их поправили, а контракт исправили...

Можно, конечно, считать данную болезнь редкостью. Если спросить у студентов-старшекурсников медвузов, что такое фенилкетонурия, большинство пожмет плечами: генетическая медицина изучается еще только на элитарных спецкурсах. Ну а пресловутая «слеза одного ребенка» волнует лишь особо чувствительные натуры, вроде Федора Михайловича Достоевского. Впрочем, не вино Минздрав в бесчувственности. Идет преодоление «объективных трудностей», собою же созданных... Надо восстанавливать то, что было разрушено. А бывшее «Главааптекоуправление», ставшее РО «Фарммимэкс» и вошедшее в АО «Фарммединторг», — могущественный конкурент и вообще монополист на рынке лекарств. Однако во всех грехах на этом рынке винят не неведомые народу РО и АО, а все его же — Минздрав России.

По каким же главным статьям обвиняют Минздрав россияне? Первая — нужных лекарств нет; вторая — даже если они есть, то купить их нельзя, цены запредельные.

ЛЕКАРСТВА, КОТОРЫЕ НАС ВЫБИРАЮТ

Мне повезло узнать правильный ответ на вопрос: кто и как в нашем государстве решает — какие лекарства нам нужны, а какие вредны?

Лекарством, как известно, называется то средство, которое уполномоченными государством органами разрешено для применения. Все остальное, продаваемое на нашем рынке, — «контрабандный», т.е. незаконный товар. Так вот, чтобы «нечто» стало действительно лекарством, оно должно пройти две инстанции: фармакологический и фармацевтический комитеты.

На рынке высокоразвитых промыш-

ленных стран почти повсюду продается более 15 тысяч наименований лекарств. У нас их — всего около двух тысяч. Фирмачи из разных стран несут и несут производимые ими препараты в наши две разрешительные инстанции. Интерес у них, разумеется, один: как можно быстрее зарегистрировать здесь свою продукцию.

Фармакологический комитет теоретически отстаивает интересы отечественного потребителя, он должен изучить всякий препарат, проведя клинические испытания. За них «фирмачам» надо платить. От 5 до 10 тысяч долларов на одного «подопытного» больного. Обычно испытания проводятся на ста больных. И сумма, и затраченное время — солидные. Может уйти год, а могут — годы.

Бывают, конечно, исключения, когда знаменитой западной фирме со всемирно известными препаратами дают «зеленый свет» без испытаний...

Без комментариев цитирую попавшие ко мне в руки документы комиссии Минздрава о злоупотреблении служебным положением директора Российского государственного центра экспертизы лекарств (РГЦЭЛ) и Фармакологического комитета МЗ РФ:

«Фармакологический комитет МЗ РФ в настоящее время фактически заменен РГЦЭЛ, т.к. большая часть материалов на зарубежные препараты рассматривается сотрудниками РГЦЭЛ практически без учас-

тия членов Фармакологического комитета... Результатом такой «экспертизы» является то, что большая часть зарубежных препаратов разрешается для регистрации в МЗ РФ и, соответственно, для закупки и медицинского применения в России без проведения клинических испытаний или экспериментального изучения их качества.

Директором РГЦЭЛ В.Лепехиним (в прошлом зам. министра здравоохранения МЗ СССР и одновременно председателем Фармакологического комитета МЗ СССР) из числа доверенных сотрудников Центра создана группа, которая полностью контролирует все этапы экспертной оценки эффективности и безопасности новых лекарственных средств. Руководствуясь личными интересами, эта группа совместно с посредническими структурами, функционирующими при РГЦЭЛ, осуществляет свою деятельность на коммерческой основе. В результате созданы условия для закупки сомнительных в плане эффективности и безопасности лекарственных средств, в продаже которых заинтересован прежде всего ряд зарубежных фармацевтических фирм» «...Жена В. Лепехина — А.Астахова занимает в РГЦЭЛ должность руководителя отдела побочных эффектов и одновременно представляет интересы фармацевтической фирмы «Берингер Ингельхайм». Сроки рассмотрения препаратов этой фирмы минимальны, принимаются решения, удобные для фирмы... Брат жены В.Лепехина — Б.Астахов является представителем турецкой фирмы «Экзасибаш» в Москве. За последнее время через Фармакологический комитет прошло 27 препаратов этой фирмы. Для этих препаратов также создан режим «наибольшего благоприятствования» (материалы на препараты рассматриваются практически без очереди... большинство лекарств разрешаются для медицинского применения без клинических испытаний). И это при том, что материалы на значительную часть препаратов не соответствуют требованиям фармакологического комитета...».

Словом, хотим мы этого или нет, но «объективный» закон рынка постановил: ходить нам в турецких одеждах и пить турецкий анальгин.

РЫНОК И ЗДОРОВЬЕ — ДВЕ ВЕЩИ НЕСОВМЕСТИМЫЕ?

Кто и как устанавливает цену на разрешенные к применению лекарства — мне удалось выяснить лишь частично. Слишком занятой человек бывший глава Главпул и нынешний руководитель АО «Фармимэкс» Александр Апазов, чтобы доходчиво объяснить заинтересованному потребителю (т.е. мне и вам), почему, скажем, цена упаковки но-шпы доходит сегодня в Москве до 4800 рублей.

А ответ-то — проще простого: пото-

му что цена — коммерческая. Вот и все.

Некоторые журналисты «рыночной» ориентации в полном восторге живописуют: «В рыночном море медицины выжили большие частные корабли» — создано АО «Фарммединторг». В учредителях, помимо мощных госструктур Внешинторга и Медицинского центра при правительстве РФ, все тот же апазовский «Фармимэкс». То есть Главпул, которое стало коммерческой фирмой.

Ничего плохого в том вроде бы и нет: здравоохранение как будто «встраивается в рыночную систему». Но...

По законодательству вся торговая наценка на пути от закупочной до итоговой для потребителя цены должна составлять 50 процентов. При закупках импортных лекарств вплоть до 1 июля государство дотировало на каждый затраченный доллар 80 центов. С июля оно дотирует 50 центов. Но если та же упаковка но-шпы стоит 4800, значит, условно говоря, ее валютная цена — 5 долларов. То есть после прохождения всех этапов от контракта до аптеки должно было появиться всего 2,5 доллара. Но когда представители Минздрава России обратились в конъюнктурные отделы и поинтересовались — где продается но-шпа за 2,5 доллара — такой цены не обнаружилось...

Выяснилось, что лекарства, которые государство до последнего времени дотировало на 80 процентов, продаются на внутреннем рынке «один к одному».

И еще любопытная подробность. Когда заключается крупная сделка по лекарствам, всегда есть скидка. Скидки бывают денежные и натуральные. К примеру, если мы покупаем лекарств на миллион долларов, фирма снижает нам стоимость контракта на 10 процентов и мы платим 900 тысяч. Если же 10 процентов выражаются в самом товаре, то мы платим тот же миллион долларов, но получаем за эти деньги лекарств на 100 тысяч долларов больше.

Как сообщили мне в Минздраве России, если верить документам, по проведенным бывшим «Главаптекоуправлением» сделкам скидок, как правило, не было. Должны были быть (по законам коммерции), но в бумагах не фигурируют — почему?

Когда руководство новообразованного в Минздраве Управления по обеспечению лекарствами приступило к изучению конъюнктуры рынка, оно услышало от западных поставщиков странную фразу: «Мы продавали вам лекарства по высокому ценам потому, что у вас никто не хотел покупать дешевле...»

А совсем недавно фармацевтические объединения, традиционно занимающиеся закупками медпрепаратов, обратились в правительство с просьбой **прекратить дотирование лекарств (!!!)**.

Очень трогательная забота о гос-

бюжете, не правда ли?

Всю дорогу в «цивилизованный рынок» монополисты с нашего внутреннего рынка делали вид, будто дотаций государства на лекарства не существует, загоняя эти «дармовые» проценты в монополю высокую цену, которую они сегодня и хотят сохранить.

Ничего неожиданного и необъяснимого тут нет: незрелый рынок в действии. И если какие-то сделки кажутся экономически необоснованными с точки зрения потребителя, то с позиции коммерсанта они очень даже экономически выгодны. Нередко у нас заключается контракт на покупку лекарства стоимостью, к примеру, в два доллара, в то время как цена его на мировом рынке — один доллар. Коммерсант ведет сделки по принципу максимальной для себя прибыли.

Надо сказать, что конечному пункту — аптекам — в этом надбавочном на изначальную цену проценте остается мизер. Поэтому и сидят по всей Москве лоточницы с полным ассортиментом астрадефицитных лекарств по сверхкоммерческому ценам. «Рыночные отношения» крепчают: заведующие аптеками делятся с уличными бизнесменами товаром, а те — наваром...

* * *

Опытным путем (если сказать проще — методом «тыка») Минздрав России наконец понял просчеты сугубо коммерческой ориентации в сфере здравоохранения.

Конечно, коммерция развивалась и будет развиваться, но еще долго она не будет при этом учитывать покупательную способность населения.

А у государства еще долго не будет хватать денег на закупку всех необходимых лекарств. И значит, оно обречено на выбор. Выбор оптимального набора лекарств, нуждающихся в дотировании. Пусть такую продукцию, как, скажем, «Тампакс», закупает всевозможные фармацевтические АО и СП. Это «препарат» сверхприбыльный, но без него, как уже проверено, — не умирают. Государство же должно прийти на помощь в обеспечении теми лекарствами, без которых не обойтись миллионам людей.

Минздрав подготовил варианты списка гарантированных лекарственных средств для населения. В том, что я видела, — 40 наименований. Эти лекарства должны иметь маркировку «Закупка Минздрава России», и нигде — ни в коммерческой структуре, ни со склада, ни в аптеке — не отпускаться по цене выше некоторого лимитированного уровня.

Но все-таки 40 гарантированных лекарств — это очень мало для нашего нездорового общества...

Андрей ГОЛУБОВ

КУБА: ДОЛЛАР НА СПАСЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ?!

Оказавшись на краю экономической пропасти, Куба предпринимает отчаянные попытки удержаться и не рухнуть в нее всей массой копившихся не одно десятилетие проблем. Сможет ли революция выжить? Окажется ли давно назревший переход к демократии и нормальной рыночной экономике бескровным или же «кровоавой бане», о неизбежности которой столько писала западная пресса, все же суждено случиться? Новая экономическая политика кубинских властей... Впрочем, обо всем по порядку.

Мне повезло. Я прожил на Кубе три года. Три очень важных в жизни этой карибской страны года. Много изменилось за это время в мире: попытки перестроить Союз, крах коммунизма в Восточной Европе и еще, и еще... За это время на Кубе происходило сначала робкое и медленное, а затем более смелое и активное пробуждение сознания людей. За эти годы Куба стала другой.

*...Моя родина кажется сахарной,
Но сколько горечи в ней,
Она из зеленого бархата,
Но солнце из желчи над ней...*

Трудно предположить, о чем думал кубинский поэт Николас Гильен, когда десятки лет назад писал эти строчки. Сегодня его слова не только не потеряли свой глубокий смысл, но и обрели новый.

Отмеченная недавно на Кубе 40-я годовщина штурма казарм Монкада пришла, пожалуй, на самый трудный период в истории страны. Достаточно сказать, что по причине экономических трудностей эта круглая дата впервые после победы революции не сопровождалась традици-

онным многотысячным митингом.

Вместо митинга в помещении городского театра в городе Сантьяго-де-Куба состоялось торжественное собрание, на котором выступил 66-летний кубинский руководитель.

На этот раз кубинцы не услышали заклинаний типа «Социализм или смерть», что уже само по себе сенсационно. Хотя, впрочем, сенсаций в речи лидера и без того хватало.

Еще каких-то три-четыре года назад этот праздник действительно являл собой грандиозное зрелище. «Головной» митинг, торжества по всей стране, награждение победителей соцсоревнования; а потом — море музыки, океан пива с огромным озером рома и танцы до утра под мягким светом тропических звезд. Иными словами, настоящая фиеста.

Сегодня — времена другие. Однако праздник есть праздник, поэтому накануне 26 июля в распределительные пункты кубинских городов и сельских поселков поступили даже кое-какие продукты в дополнение к скудному рациону, положенному каждому жителю страны по продовольственным карточкам. Кроме

того, каждый взрослый кубинец мог по случаю праздника получить по карточкам две бутылки пива, а вместо традиционной бутылки рома на семью в этом месяце «дали» две...

Последние два года Кубе очень трудно. Распад СССР и крах коммунизма в Восточной Европе привел к резкому сокращению поставок в эту страну нефти, товаров и продуктов первой необходимости. При минимальном объеме потребления нефти в 6 миллионов тонн Куба в этом году получит от силы половину. Неб-

лагоприятные погодные условия, которые кубинские официальные лица любят называть «бурей века», а также отсутствие запчастей к комбайнам советского производства практически сорвали уборку сахарного тростника — «сафру»: получено лишь 4 с небольшим миллиона тонн сахара вместо ожидавшихся шести-семи. Ситуация усугубилась тем, что Соединенные Штаты ужесточили введенную более 30 лет назад торгово-экономическую блокаду острова, запретив филиалам американских компаний в третьих странах торговать с Кубой и введя жесткие санкции по отношению к морским судам, заходящим в кубинские порты.

В конце 1991 года в одной из статей о Кубе я с искренним ужасом писал, что «народ получает по 80 граммов хлеба в день, по пять яиц и по малюсенькому брикету масла в неделю, небольшому кусочку мяса или курицы в месяц».

Сегодня кубинцы не получают и этого. Развален транспорт, замусорены улицы крупных городов. Те, у кого есть возможность и силы, передвигаются на велосипедах. Крестьяне вернулись к пахоте на быках и волах.

Перебои в снабжении электроэнергией — так называемые «апагоны» (от испанского «арага» — «тушить») — составляют сегодня в среднем по стране до 10 часов в день, достигая в столице 15—18 часов ежедневно.

Как писала недавно британская «Обсервер», в настоящее время нормирование продуктов на Кубе «еще более суровое, чем в Англии во время второй мировой войны, в результате чего средний кубинец за последние два-три года потерял в весе до 10 килограммов». Корреспондента английской газеты потрясло, что вместо разговоров о революции, об освобождении народа и светлом будущем встречавшиеся ему люди на улице, дома, в кино и на работе говорят только об одном и задают друг другу единственный вопрос: «Что вы сегодня ели и ели ли вообще что-нибудь?».

Наконец, на голову кубинцев в прошлом году свалилась новая беда — эпидемия неизвестного до последнего времени в медицине заболевания, которое достаточно быстро распространилось по всей стране. Согласно официальным данным министерства здравоохранения, к концу июня число кубинцев, заболевших эпидемическим невритом, который вызывает нарушения в работе двигательных центров, достигло почти 50 тысяч. По мнению ряда кубинских и зарубежных экспертов, причинами болезни является нехватка витаминов группы «В» в рационе

Анекдот из жизни Кубы начала 90-х: в Гаване есть несколько памятников героям Кубинского освободительного движения и революции — статные и гордые за себя и за свое дело люди на лошадях, выполненные в бронзе и металле. Проходя мимо памятника Дон Кихоту, один из иностранных туристов спрашивает: «А это кто?» Ему отвечает: «А это один из наших героев во время «особого периода в мирное время».

кубинцев, а также влияние неизвестных пока токсичных веществ и вирусов (под подозрение в данном случае попали ром и табак, изготавливаемые на Кубе не на экспорт, а, так сказать, для внутреннего пользования, читай, распределения по карточкам).

Словом, одно лишь перечисление переживаемых страной бед и трудностей может занять целый журнальный разворот. Имя всему этому — «особый период в мирное время».

Вне зависимости от политической модели экономические трудности неизбежно вызывают рост преступности в любой стране (что мы сполна ощутили и продолжаем ощущать на собственной шкуре), и Куба отнюдь не стала исключением. Это вынуждена признать даже местная печать, которая вследствие определенных причин обычно не уделяет особого внимания острым социальным вопросам. Недавно молодежный еженедельник «Хувентуд ребельде» сообщил, что в стране возросло число таких видов преступлений, как воровство и хищения на производстве. Жители Гаваны, отмечала газета, укрепляют решетками окна и двери своих домов, а с наступлением темноты многие боятся не только ходить по улицам, но и ездить на велосипедах, привлекающих сегодня повышенное внимание грабителей, нередко наносящих своим жертвам серьезные увечья.

Сильно возросла и проституция, с которой кубинские власти еще не так давно вели ожесточенную борьбу и на которую сегодня смотрят практически

сквозь пальцы. По словам очевидцев, в отличие от большинства своих коллег по профессии в других странах, гаванские путаны работают не только за доллары, но и берут, что называется, «натурой»: ужин в дорогом ресторане, какая-нибудь вещь или продукты питания, купленные в валютном магазине, наконец, просто возможность провести ночь в фешенебельной гостинице.

В такой обстановке, естественно, процветает «черный рынок», который кубинцы почему-то называют словом, в прямом переводе с испанского означющим «сумка», «мешок», «биржа». Купить с рук или с черного хода государственного склада либо валютного магазина для иностранцев можно многое. Но «биржа» по карману немногим. Достаточно сказать, что цена велосипеда составляет примерно 10 среднемесячных зарплат, а фунт говядины — треть среднемесячного оклада, равного 200 песо.

«Накануне краха» — так называлась вышедшая в начале года книга известного кубинского оппозиционера, лидера умеренного крыла кубинской эмиграции Карлоса Альберто Монтанера (см. «Столица», № 4, 1993). Монтанер был не оригинален, назвав книгу именно так. Последние два-три года многие западные средства массовой информации, а глядя на них, и некоторые наши издания, только и делали, что писали о неминуемом крахе режима Кастро «через пару лет, через год, через месяц, чуть ли не завтра». Тем не менее воз, как говорится, и ныне там. Слов нет, за последние годы сознание

подавляющего большинства кубинцев сильно изменилось, однако в основном все сводится к «молчаливому диссидентству» и «тихому воровству». Случаи массовых беспорядков и протестов крайне редки. Да и вряд ли можно ожидать таких акций от народа, запуганного хорошо отлаженной, хоть и допускающей в последнее время периодические сбои военно-политической машиной. Насильственная «реформа» снизу вряд ли состоится в обозримом будущем.

Важно другое. События последних месяцев и даже дней позволяют говорить о том, что «гаванский Олимп» в лице команданте Фиделя, то ли не желая слиться в конечном итоге с неизбежным в перспективе перерастанием молчаливого диссидентства в открытые акции гражданского неповиновения, то ли искренне осознав тупиковость ситуации и неизбежность скорого полного экономического краха, начал маленькими шажками, понемногу делать то, что сегодня уже без натяжки можно назвать «новой кубинской экономической политикой». При том, что сам Фидель продолжает говорить о коммунизме и, в меньшей степени, о борьбе

Даже в сложнейшие для экономики страны времена за доллары на Кубе можно увидеть, посмотреть и купить практически все.

Господа империалисты, мы вас нисколько не боимся! — сегодня эта надпись на панно напротив здания Отдела интересов США в Гаване приобретает иной и совершенно новый смысл.

Фото автора и из журнала "Камбио-16"

с империализмом янки как о незыблемых святынях, на кубинской сцене появились «юмми» — марксисты «нового образца». За последние два года добрая половина постов в политбюро и кабинете министров Кастро оказалась заполненной молодыми новичками-выдвиженцами. По сути дела, «экономическим царьком» страны постепенно стал 41-летний заместитель председателя Государственного совета и член политбюро ЦК компартии Кубы Карлос Лахе, которому приписывают разработку и «проталкивание» новой политики государства, нацеленной на привлечение в страну столь необходимых ей иностранных инвестиций.

«Молодые преемники Кастро хорошо осознают, что перемены неизбежны, но в то же время хотят удержать их в

узде и не дать стране подобно спелому плоду упасть в руки кубинцев из Майами, проповедующих ярый капитализм», — писал недавно американский журнал «Тайм». За ними — будущее острова, тем более что Кастро уже один раз обмолвился о своей возможной добровольной отставке лет этак через 5—6. Единственная опасность, подстерегающая «юмми», в том, что у них очень мало времени. В сложившемся после окончания «холодной войны» мире бурные события могут увлечь за собой Кубу несколько раньше, чем марксисты нового образца возьмут всю власть в свои руки.

Но вернемся в день сегодняшний. Начисто отвергая какие-либо политические реформы, кубинское руководство предпринимает отчаянные и даже рискованные шаги по удержанию страны на грани экономического коллапса и постепенному удалению от этого края. Трудности у нас экономические, стало быть, и меры надо принимать экономические, а не политические, заявил недавно Карлос Лахе. И это не пустые слова.

В последнее время Куба отчаянно активизировала попытки привлечь в страну крупный иностранный капитал. Прошедшая в конце июня международная конференция по проблемам инвестиций в кубинскую экономику заставила многих латиноамериканских политических обозревателей говорить о существенных изменениях, которые происходят во внешнеэкономической политике острова.

В работе форума, начавшегося в Канкуне (Мексика) и завершившегося в Гаване, приняли участие более ста бизнесменов, большинство из которых составили предприниматели и банкиры из США. На семинар приехали также деловые люди из Великобритании, Германии, Канады, Мексики, Японии, Доминиканской Республики, а также, по данным агентства Пренса Латина, впервые в ней принял участие и представитель России.

Это была третья встреча по проблеме экономического сотрудничества с Кубой, проведенная английской компанией «Евромани». Если первая не принесла конкретных результатов, то после второй был заключен ряд соглашений о создании совместных предприятий. К третьей встрече кубинская сторона приготовила бизнесменам несколько «приятных сюрпризов», призванных еще сильнее привлечь внимание зарубежных инвесторов.

На конференции обсуждались около 150 предложений по реализации совместных проектов. Рассматривались возможности Кубы в таких областях, как туризм, энергетика, горнодобывающая

промышленность, биотехнология, фармацевтика, сельское хозяйство, электроника, телекоммуникации, производство продовольствия. По мнению выступивших на встрече американских экспертов-кубанологов Кирби Джонса и Эндрю Цимбалиста, переживаемые Кубой серьезные экономические трудности могут быть преодолены в довольно короткий срок, поскольку ряд ее отраслей (туризм, биотехнология, фармацевтика, добыча и производство никеля), несмотря на сложную ситуацию, продолжают динамично развиваться. Уже на первом заседании семинара кубинская делегация достаточно высокого уровня предложила сотрудничество на условиях 11-летнего освобождения от налогов и вывоза 100 процентов прибыли, а также возможности получения контрольного пакета акций совместных предприятий. Бизнесменам же предлагалось лишь обучить кубинский персонал и использовать его.

Не упуская инициативы, кубинская делегация сообщила еще о двух принципиально новых мерах, на которые правительство острова намерено пойти уже в ближайшее время. Первое — это снять запрет для всех граждан страны на свободное владение валютой. Пока таким правом пользуется лишь ограниченная категория государственных служащих. Второе — приглашение открывать на Кубе банки со смешанным капиталом. Кубинская делегация обмолвилась, что уже ведутся переговоры по учреждению первого такого банка. Создание совместных финансовых учреждений кубинцы предложили на условиях принадлежности государства 51 процента акций.

На первоначальном этапе банки со смешанным капиталом будут оказывать услуги только иностранным бизнесменам, дипломатам и туристам, но в перспективе они будут обслуживать и кубинских граждан.

На встрече участников конференции с К.Лахе последний заверил бизнесменов, что охрану их капиталов гарантируют конституция и законы страны.

По мнению обозревателей, на конференции кубинская делегация представила «ключевые моменты новой политики экономического прагматизма, пытаясь несколько видоизменить старый ортодоксальный социализм во имя спасения самого коммунистического государства».

Необходимо отметить, что и сегодня на Кубе действует свыше 80 совместных предприятий. Лидирующие позиции среди иностранных инвесторов занимают на острове испанские компании. На втором месте стоит Канада, а за ней следуют Франция и Мексика. Республики бывшего

Советского Союза, вложившего миллиарды рублей в кубинскую экономику, практически утратили экономические связи с Кубой. Исключением стала лишь Россия, которая продолжает осуществлять крупные закупки кубинского сахара в обмен на свою нефть.

И, наконец, самое главное. В речи на торжественном собрании в Сантьяго-де-Куба кубинский лидер объявил об отмене уголовного наказания за владение твердой валютой, которое ранее строго преследовалось по закону. Обращаясь к согражданам, он призвал их отнестись с пониманием к этой мере, необходимой для спасения «родины, революции и завоеваний социализма».

В ходе состоявшейся на следующий день встречи с журналистами Кастро признал, что принятая мера является уступкой капитализму. «Да, это уступки, на которые нам приходится идти, но только для того, чтобы спасти социализм. Нам хорошо известно, что капитализм — это антигуманный экономический режим, но мы вынуждены идти на этот шаг», — подчеркнул кубинский лидер.

По мнению руководства страны, разрешение на свободное владение твердой валютой, которую населению можно будет расходовать в специальных магазинах, позволит властям использовать значительный объем СКВ, циркулирующей в стране, и придаст импульс экономике острова.

Итак, крамольная еще вчера идея уже завтра станет реальностью. В ближайшее время по всей стране начнет действовать целая сеть специальных валютных магазинов для населения, куда совершенно беспрепятственно направляются родственники живущих в Майами противников кубинской революции, фарцовщики, проститутки и всевозможные дельцы теневого бизнеса.

В своих первых реакциях-комментариях большинство западных обозревателей отмечает, что введение режима свободного хождения твердой валюты — лишь первая радикальная мера, за которой неминуемо последуют другие экономические реформы. Дай бог, чтобы случилось именно так.

Ну а пока ни для кого не секрет, что на кубинском «черном рынке» циркулируют крупные суммы долларов, поступающие на остров всеми возможными путями из Соединенных Штатов, где живет более миллиона кубинских эмигрантов, подавляющее большинство которых помогает оставшимся на Кубе родственникам и друзьям. Газета «Майами геральд», например, утверждает, что на сегодняшний день кубинцы «прячут в кубышках»

около 500 миллионов долларов, а в случае их свободного хождения ежегодный объем финансовой помощи от кубинской общины в США составит не менее 1 миллиарда. Конечно, по сравнению с 4—5 миллиардами долларов былых советских субсидий, ушедших, кстати, как вода в песок, эта цифра не очень впечатляет, но, тем не менее, это намного лучше, чем ничего.

Нетрудно предположить, что кубинцы, которые получают доступ к долларам, практически выйдут из-под контроля властей. Если рабочий получает сегодня в среднем в месяц около 3 долларов (в пересчете на «черный курс», так как официальный составляет 1:1), то будет ли он продолжать работать на государство, получая с севера пусть даже 50 долларов в месяц? С другой стороны, «долларизация» может привести кубинское общество к расколу. Кубинцы, имеющие родственников в Майами, превратятся в новый привилегированный класс, тогда как большинство населения, в первую очередь активные сторонники режима, не получат никаких выгод от этого нововведения. И хотя в экономическом плане кубинское правительство, несомненно, выиграло, пойдя на такой шаг, но в политическом смысле его можно смело назвать более чем рискованным для администрации Кастро.

Неизбежный в данном случае «долларовый бум» будет только способствовать развитию в стране «параллельной экономики». А это, как известно, прямая угроза дестабилизации правящего режима. Кроме того, нельзя забывать, что на глазах у кубинцев за последние годы рухнул социалистический лагерь, который целыми десятилетиями казался незыблемым, но рассыпался в одночасье как картонный домик после первых же послаблений в плане свободного предпринимательства.

Так есть ли свет в конце туннеля? Думаю, ответ на этот вопрос однозначный — есть. Принятые кубинским руководством меры — лишь первые шаги новой экономической политики Гаваны. Не сделать их Фидель попросту не мог, а в нынешних условиях, сделав шаг, даже полшага вперед, ему колоссально трудно, уверен, даже невозможно будет повернуть назад — вперед его подтолкнут те же «юмми». Поэтому лучше идти самому.

Будут написаны еще сотни статей и, быть может, книг о том, почему этот «человек-загадка XX века» начал рубить сук, на котором сидит, и мы еще вернемся к этой теме. Но то, что легендарный Кастро уже взял в руки топор, — факт бесспорный и очевидный.

ПРЕДЛАГАЮ:

IBM. Консультации по покупке PC. Тестирование. Пусконаладочные работы.
Тел. 928-83-40, Виктор.

ЗП, визы, приглашения, авиабилеты.
Тел. 194-19-26.

Поможем людям любого возраста в создании семьи.
Тел. 945-65-60.

Методика самостоятельного планирования ребенка заранее определенного пола. 99% успеха. Недорого.
117311, Москва, а/я 17, Елена.

Поиск оптимального места под закладку колодца методом биолокации.
Тел. 304-50-77.

Качественный ремонт и настройка пианино и роялей. Преподавателям ДМШ оплата льготная.
Тел.: 291-34-62, 442-96-69, Бронислав Ефремович.

Дистрибьютор фирмы «HERBALIFE» уникальное лечение (похудание, омоложение, хронические болезни). ГЕРБАЛАЙФ — чудо американской медицины.
В период лечения — 100-процентная гарантия бесплатного мед. наблюдения.
Тел. 151-84-52 (секретарь).
Приглашаются врачи.
Грузоперевозки.
Тел.: 405-01-02.

Дома и на работе — уничтожение насекомых.
Тел. 387-00-31.
Herbalife — приглашаем к сотрудничеству организации и частных лиц для распространения уникального американского препарата для оздоровления, снижения веса, очистки организма.
Тел. (095) 522-05-41.

Оформляем визы и загранпаспорта.
Тел. 268-06-34.

Расселяем коммуналки, покупаем квартиры.
Тел. 268-06-34.

Настройка пианино, роялей. Цены умеренные.
Тел. 438-31-87.

Навсегда ликвидирую полноту уникальным методом.
Тел.: 154-52-64, 149-00-80.

Очаровательные высокопородные щенки шелти (мини-колли)
Тел. 928-42-79.

Жалюзи солнцезащитные импортные на заказ, с установкой.
Тел. 177-40-92.

Визы. Дания, Англия и т.д.
Тел. 481-47-71.

ПМЖ в Австралии в обмен на квартиру.
Тел. 289-50-18.

Гороскопы
Тел. 125-33-03.

Тем, кто уезжает в Израиль! Коридор Брода!
Консультации лучших специалистов, встречи с гражданами Израиль! Викторины, игры, призы, дружеское общение, теплая атмосфера, помощь.
Тел. 117-94-58.

Туры — Венгрия, Польша, Румыния.
Тел. 459-02-58.

УСЛУГИ:

Покрытие ванн новой эмалью. Цены доступные. Цвет любой.
Тел. 201-28-23.

Запись с лазерной копии групп «АС/ДС», 1992 г. и «Queen» (Greatest flix) на кассету заказчика (цена 1500 руб.) или на AKAI E-180 (цена 4000 руб.).
Тел. 928-83-40, Виктор.

Избавлю от лишнего веса, гипертонии, аллергии.
Тел.: 319-68-72, 909-43-42.

Адреса и телефоны 50 фирм США, которые обучат и примут на работу.
455000, Магнитогорск, а/я 3046.

КУПЛЮ:

Комнату, 1-комнатную квартиру.
Тел.: 279-36-03, 332-63-53.

1—2-комнатные квартиры.
Тел. 281-97-17.

Любую комнату. Срочно.
Тел. 291-09-97.

ПРОДАЮ:

Престижных щенков добермана из авторитетного клуба «Апольда».
Тел. 461-96-54, эксперт-кинолог Беляков В.Ю.

Внеплановые щенки колли от элитных родителей.
Тел. 110-09-52.

Швейную ножную машину «Зингер», перину пуховую, два садовых участка под Клином (6 соток), книги (собрания сочинений и отдельные издания).
Тел. 492-12-57, после 19.00.

Ювелирные изделия с финифтью и самоцветными камнями мелкими партиями. Принимаю заказы на изготовление мелких партий украшений, в т.ч. с фирменным знаком заказчика.
Тел. 393-08-58, Михаил.

2-комнатную квартиру м.«Белорусская».
Тел. 332-63-53.

Часы «Cardi Vostok», механические, водонепроницаемые, противоударные, с кожаным ремешком, в футляре, гарантия.
Тел. 187-13-47.

Щенков йоркширского терьера. Очарование!
Тел. 323-30-97.

МЕНЯЮ:

3-комнатную кв. в Люберцах на жилплощадь в Москве. Квартира площадью 37 кв. м, кухня 7,5 кв. м, расположена на 9-м этаже 9-этажного панельного дома.
Надо: 2-комнатная квартира в Москве или две 1-комнатных кв.
Тел. 251-16-50.

4-комнатную квартиру (47,5 кв. м), м. «Домодедовская», 3/9, все удобства, на 2-комнатную квартиру и 1-комнатную квартиру.
Тел. 391-94-86.

3-комнатную квартиру, 45 кв. м на улице Федора Полетаева, на квартиру в Центре или на разъезд.
Тел. 291-09-97.

Меняю участок на Южном берегу Крыма (8 соток с садом) с правом на прописку и застройку на «ГАЗ-3102».
Тел. 923-19-71. С 12.00 до 16.00, Мария.

— Я 25 лет изучал Библию. И вот что я вам скажу — этот человек был посланником Сатаны.

— Вы читали «Христианство и коммунизм»? Нет, вы читали? Там ясно видно, что Ленин и Христос хотели одно-го и того же!

— Но средства, средства! — два старичка, случайно встретившихся на лестнице, никак не могли закончить отчаянный спор. На них с любопытством смотрели корейцы с портретами Ким Ир Сена на пиджаках. В углу, возле ленинского «Роллс-ройса», щebetала стайка западных туристов, только что закончивших вкусный обед с икрой и осетриной и заглянувших сюда, чтобы укрыться от жары. Пожилая женщина вела за собой двух детей. Обычные посетители музея Ленина в обычный буднич-ный день.

Зайдя в следующий зал, женщина охнула и шарахну-лась. Дети радостно засмея-лись. Я посмотрела — и мне тоже стало не по себе.

— И часто у вас посетите-ли так пугаются?

— Бывает, — диплома-тично ответила смотритель-ница.

— А почему он за занавес-кой?

— Здесь воссоздали часть беседки в Горках. Он как будто сидит и отдыхает.

...Из всех статуй Ленина эта — самая, пожалуй, несчаст-ная. Не везло ей не потому, что она недостаточно худо-жественна, — и худшие еще несколько лет назад попада-лись нам на каждом шагу. Просто это одно из немногих — может быть, единствен-ное — изображение вождя, сделанное «в натуральную ве-

ВОСКОВАЯ ПЕРСОНА

Фото В. Кантора

личину и в натуральных то-нах». То есть лицо и руки вос-ковые; костюм, белый во-ротничок, темно-вишневый галстук, черные ботинки — из специального прочного ма-териала, изобретенного са-мим художником. Иллюзия — полная. Пред вами сидит, положив руку на ручку крес-ла, живой Владимир Ильич.

Статуя эта — вовсе не про-изведение нынешних остря-ков, для которых нет ничего святого. Ее создатель —

скульптор М.А. Курбатов когда-то учился в Парижской академии скульптуры и живо-писи, где преподавал Роден. Вернувшись в Москву, Курба-тов создал музей научно-художественных слепков при Институте судебной меди-цины. В 1924 году специаль-ная комиссия «по изучению мозга В.И. Ленина» поручила ему сделать «научно-художественный слепок» мозга вождя. Слепок и был сделан «с максимально пре-

дельной точностью и в вы-сшей степени художественно».

После этого Михаилу Алек-сеевичу пришла в голову мысль сделать статую вождя. Он изучал фотографии Лени-на, ходил в мавзолей. Ког-да точно была сделана ста-туя, сказать трудно. Скорее всего — году в 1925-м. После этого начались неприятности.

Ленина посадили в мемори-альном кабинете Ленина, воссозданном в музее Лени-на. Посетители, среди кото-рых было много старых большевиков, лично знавших покойного вождя, падали в обморок. Это — легенды. А правда — то, что статуя бы-ла вскоре отправлена в за-пасники, где и пролежала много десятилетий, пользую-сь исключительной нелю-бовью у сотрудииков. «У нас есть разные фигуры Ленина. Есть из гипса и бронзы, есть из угля и из сахара. Но эта — самая жуткая. Идешь по хранилищу — темно, тихо, и вдруг на тебя смотрит этот призрак. Очень неприятно».

Никто не знал, куда сей мо-нумент деть. Да и что это во-обще такое? Произведение искусства или учебное по-собие? Скульптура или му-ляж? Оскорбляет она память вождя или наоборот?

В наше время люди не зада-ют себе слишком сложных вопросов.

В музее открылась выстав-ка «Трагедия ухода», посвя-щенная последним дням жиз-ни Ленина. Статуя необычна, сенсационна, давно не вы-ставлялась. Прозрачная за-навеска отгораживает ее от посетителей, как легкое об-лачко. Добро пожаловать! Нервных просят не смотреть.

Екатерина ГОНЧАРЕНКО

ТЯЖЕЛА ТЫ, ШАПКА, ЧТО ГОРИТ НА ВОРЕ

К известным ранее спосо-бам похищения денег из сей-фа, как-то: распиливание ав-тогеном, подбор кода, под-делка ключей — читинские «медвежатники» прибавили еще один. Забрались ночью в контору коммерческой фирмы, они попросту выбр-осили стокилограммовый сейф на улицу. После чего за-кинули его в грузовик и увез-ли. Металлический грохот оставил безучастными не только окрестных жителей, но и сторожа той самой кон-

торы. Двадцать миллионов рублей стали призом за предприимчивость.

Чудеса смекалки и выно-сливости показал один гра-битель в Барнауле. Он попы-тался добыть деньги из сейфа, отогнув тонкую ме-таллическую дверку ломом. Однако в самый интересный момент — когда, просунув ру-ку внутрь, преступник уже цеплял пальцами пачки ку-пюр, лом соскользнул и руку зажал. Кто другой, может, и ждал бы милицию в этом кап-кане. Но вор оказался свобо-долюбивым человеком: за-кинув зажатую руку вместе с

сейфом за спину, он прошел через весь город и пропал в квартале частных домов.

У другого барнаульского взломщика страсть к сво-боде оказалась не столь сильна, и в таком же капкане его застали работники па-рикмахерской, сейф которой он пытался обокрасть. Ми-лиция отперла несгораемый ящик лишь после того, как были сделаны все необходи-мые для «дела» снимки. Да еще и сами милиционеры пофотографировались воз-ле столь редкостной скульп-турной группы — на память.

Сергей ТЕПЛЯКОВ

НЕ РОЙ ДРУГОМУ

В огромном жилом массиве Екатеринбургa — поселке Химмаш — вдруг замолчали телефоны. Микрорайон ока-зался совершенно отрезан-ным от мира. То не были про-иски «их» диверсантов или скоростно-тотальный ре-монт. Просто обыкновенные воры (видимо, глубокие ин-теллектуалы) раскопали не-сколько десятков метров телефонного кабеля и сдали их в металлолом.

Олег ДУЛЕНИН

КАЗАКИ- РАЗБОЙНИКИ

Возродившиеся из пепла «России, которую мы потеряли» казаки уже давно никого не удивляют и не шокируют. Что ж, люди, со своей жизнью, хлопотами, бедами. А последние, к сожалению, очень часто случаются. И приносят казакам много моральных ударов, а иногда даже бьют желание схватиться за нагайку. Вот, например, какой случай произошел неподалеку от города Сухой Лог Свердловской области. Три молодца в казачьей форме из города Каменск-Уральского направлялись на сбор казаков станицы Сухоложская. И так торопились, что решили остановить машину (так как коней не имели). Остановить-то остановили, да вот водителя их довести отказался. «Казаки» крепко с ним поссорились и... запоролы нагайками до смерти. Местные казаки

были просто подавлены, когда узнали об этом случае, и написали в городскую газету обращение под названием «Оборотни в казачьей форме», заявив, что «казаки» с дороги не имеют к ним никакого отношения.

О.Д.

В ВАГОНЕ — ТРОНЕШЬСЯ

Как и вся Россия, Барнаул порой напоминает цирк, в котором граждане — то артисты, то зрители. Например,

дачники, желая добраться в свои «усадыбы», становятся акробатами. Они забираются на крыши пригородных поездов и, как беженцы в гражданскую, пускаются в путь. Все бы ничего, но один такой поезд заехал под линию электропередачи — несколько человек попали в больницу с ожогами. А ездить в вагонах — тесно и жарко. Недавно в духоте и толкучке пассажирка потеряла сознание и до ближайшей станции ее довезли уже мертвой.

Тимофей СЕРГЕЕВ

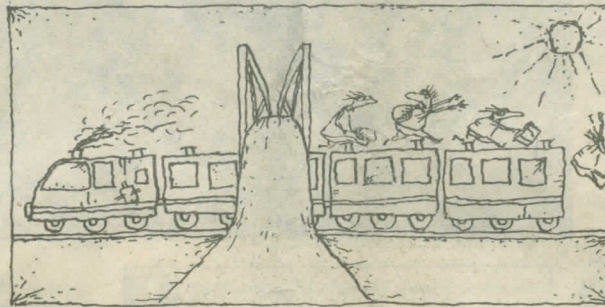

Рис. А.Зайца

Идея была простой, хотя и не лишенной изящества: бросить взгляд на столичные заведения с добрым названием «рюмочные». Не бары и не пивные, а исключительно рюмочные.

Оказалось, что этот «жанр» отмирает как таковой.

Начав было поправляться после нокдауна перестройки, оживающие рюмочные никак не ожидали, что с тыла зайдет куда более жестокий противник и просто установит свои правила игры. Прощаясь с социализмом, мы расстаемся и с милыми его атрибутами. Старомодным романтикам рюмочных остается только вздрагивать под нечеловеческим взглядом с этикетки водки «Терминатор».

Грустить не надо. Ибо где русский человек выпивает, там и рюмочная его.

Наливают сейчас везде. Лишний раз убедился в том, слоняясь по городу со своей трогательной идеей.

Двигаюсь, знает ли, по Маросейке. Захожу в рядовое кафе и при входе наткнулся на закуток с амбразурой, в котором желаящим плеснут сто грамм. Чем не рюмочная? А тем, что атмосфера не та. Суета сует. Моей душе куда отрадней был бы дворик в Петроверигском или Луковом переулке.

«НИМФЕТКА» С «ПРИВЬЕТОМ»

У бывшего магазина «Советская музыка» на Маяковской хоть и не означенная специально — но рюмочная. Исключительно по своим

функциям.

Это огороженный почти ажурной решеткой дворик между двумя высокими домами. Здесь имеется окошко, где вам предложат водки «Привьет». Нет, если угодно, для доброго господина найдется и коньяк. Но о коньяке и продавщица, пожалуй, уже забыла. Пусть им давятся посетители ресторана «Нимфа», при котором содержится вышеописанный демократический угрюлок с «привьетом». Кстати, именно в связи с рестораном безмянную рюмочную уже давно следовало бы окрестить «Нимфеткой». Неужели самим трудно догадаться? Правда, не сомневайтесь, что и удобное пространство «Нимфетки» со дня на день оккупируют бар, видеопрокат и коммерческий магазин.

На периферии название «рюмочная» еще нет-нет да и блеснет тускло над какой-нибудь крашеной металлической дверью. Вот, скажем, на малой родине автора в астматическом Люблино, на Краснодарской улице.

Здесь отчего-то всегда

БЕЛОУСОВ НЕ СМОГ «РАЗГРУЗИТЬСЯ»

Не по карману пришлось «девчонки-девчоночки» Жене Белоусову. Побывавшая на гастролях в Волгограде звезда эстрады решила «расслабиться». После концерта в одну из фирм по «эскорт-услугам» позвонил некто, назвавшийся Женей Белоусовым, и заказал девушку для «психологической разгрузки». Ему сообщили цену: двадцать тысяч рублей за первый час и по десять тысяч рублей за каждый последующий. Женя согласился, но с одним условием: «Эта девушка будет разгружать психику сразу троим».

Но, по словам директора фирмы Андрея Носова, такое безобразие в его конторе не практикуется, и для звезды не сделали исключения: «Тогда Вам придется платить по тройному тарифу». И поскольку Женя настаивал на льготном тарифе, к нему и к его друзьям никто не поехал.

Валерий ЗАХАРОВ

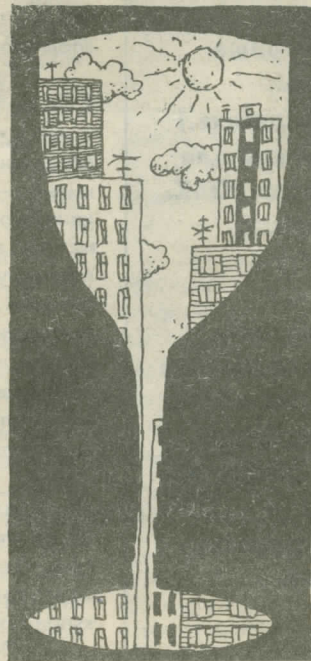
пустынно, и продавщица в бессмысленной тяжелой благодности шаркает в лабиринтах своих подсобок, изредка встречая вместо Минотавра грузчика Михеича.

Пока я, единственный посетитель, прислушиваюсь к кашлю Михеича, он и сам, задев косяк, появляется за стойкой. «Зин, к тебе пришли!»

«Да нет, мне ничего не надо», — успокаиваю Михеича — и тот пролапает, хрустнув чем-то в кармане. Однако взглянем в тишине на написанный от руки, лежащий здесь ассортимент товаров. И это, между прочим, будет последним и самым веским доказательством того, что рюмочные вырождаются как класс. Итак, халва (сперва прочитал — «халыва») — 170 руб. Жевательная резинка — 36 руб. Пиво (импортное) — 410 руб. Водка (100г.) — 210 руб. И, наконец, «Тройной одеколон» — 210 руб. (Верьте мне, пожалуйста, верьте. Автор — не лукавый балагур Задорнов, автор — сентиментальный правдивый наблюдатель.)

...А может, все утрясется, народ проникнется симпатией к цивилизованным формам потребления спиртного и рюмочные возродятся? Похмелья не будет.

Алексей БЕЛЯКОВ

Моим излюбленным утренним занятием, заменившим мне прослушивание последних известий, было — минуя местный рынок — осведомляться о курсе рубля. «Почем рубль? 2,7? А вчера ж было 2,8...» «Такто вчера» — многозначительно отвечала тетушка в панамке. А на следующий день рыночный курс, увлекаемый скрытыми экономико-психологическими механизмами, поднимался вдруг до 2,9.

Молодежь ЮБК не представляет, как можно развлекаться, не покидая квартиры. Нет, никто не возражает против того, чтобы опустошить бутылку-другую дома. Но исключительно в качестве «загрунтовки» для дальнейшего вечернего «полотна». Потому что затем ребята одевают шелковые костюмы или спортивные штаны, принимают душ из сирийской туалетной воды и начинают — развинченной походкой — движение к бару.

Бар — это альфа и омега здешней вечерней жизни. Баров очень много. В бары ходят каждый день. К видеосалонам, кинотеатрам и даже залам игровых автоматов почтения куда меньше.

Водку, как правило, приносят с собой: в баре брать очень дорого, это — для жирующих курортников.

Мой алуштинский приятель, налоговый инспектор Серега, поступал совсем просто, но экономически мудро. По пути в бар заявлялся на рынок, внезапно распахивал перед первой попавшейся бабушкой с бутылкой свое синее удостоверение «податковой инспекции» и на полном законном основании конфисковывал товар, не подлежащий уличной продаже. Затем присоединялся к хмельным друзьям, спешившим засвидетельствовать Сереге свое восхищение. Конфискованная бутылка распечатывалась в баре, и Серега, разлив, требовательно спрашивал: «Ну что, взбодримся?» (Слово «взбодримся» заменяло тосты.)

После третьей примерно рюмки — вернее, не рюмки, а пластикового стаканчика, — так вот, после третьего стаканчика разговор за столом непременно заходил о треугольнике Украина — Крым — Россия. Вот принципиальная схема всех политических бесед на эту тему:

Гость. Хорошо тут у вас..
1-й ЮБКанин. Ха! Если бы Крым принадлежал России, было бы в сто раз лучше!
2-й ЮБКанин. Крым должен быть российским!
Гость. Ну так что же вы?
Оба. А... (машут рукой).

Алексей БЕЛЯКОВ

Стиль жизни от ЮБК

...Приятной неожиданностью и утехой после Москвы для меня была здешняя чистота. В санаториях по-прежнему аккуратно подстригают кусты и газоны. На всю Алушту — одна нищая бабушка. На рынках, несмотря на жару, не преследуют дурные запахи. (Хотя, увы, свежее пиво — редкость.) Этот край аборигены для краткости называют ЮБК. Южный Берег Крыма. Взглянем на карту... Впрочем, в том нет нужды: все понимают, о чем речь. Только вычтем Ялту, где автор так и ни разу не побывал, о чем не сожалеет. Я, знаете ли, не Чехов, хоть и пристрастен к скромному бытописательству.

Замечу при этом, что при всей очевидной скудости ассортимента застольных решений проблемы, а также бедности риторических фигур такие разговоры длились часами — с перерывами на танцы.

...Местный ансамбль наяривал песню про «стюардессу по имени Фаина».

В первый же день, точнее, ночь моего приезда у меня осведомились, что я думаю о курении «плана». Я ответил, что ничего особенного не думаю, безразличен. «А то ведь здесь все его курят», — воплолосо информировали меня.

Так оно и оказалось. Именно на ЮБК любопытствующему автору удалось увидеть то, чего он не наблюдал даже в среде многоопытных столичных хиппов. А именно — курение «парничка». Это когда один берет зажженный кончик папиросы-«косяка» в рот, вдыхает, а затем выдыхает партнеру, который уже с готовностью ожидает струю дыма с другой стороны, у мундштука. Потому и «парничек», что курится на пару. Какой-нибудь остроумный анашист в Крыму наверняка уже окрестил этот способ «российско-украинским диалогом».

На ЮБК я вновь повстречался с тем, что называю для себя «антисемитизм бытовой». Приложить в кухонном разговоре евреев — это как два купона обронить.

Правда, молодых людей из баров,

по моим наблюдениям, национальный вопрос не волнует вовсе. Зато их родителей занимает — будь здоров. Причем основной объект неприязни не евреи злосчастные, а татары. Вот она, местная специфика.

Я общался с интеллигентами ЮБК, которые при слове «татарин» вздрагивали, будто лично помнили хана Батыя. И следом я получал произнесенный южной скороговоркой перечень таких качеств «татарина», что в глубине души начинало шевелиться шизофреническое отвращение к самому себе, обладающему какой-то шестьдесят четвертой частью крови этого незванного в Крым народа.

Когда в очередном диспуте с местной учительницей я заметил, между прочим, что мой очень хороший друг именно татарин, она, запнувшись на секунду, выпалила: «Ну, ты просто его еще не знаешь!» — «Да мы, в общем-то, двадцать лет знакомы...» — «Нет-нет, не спорь, ты его еще узнаешь».

Но помимо всего татарского племени имеется и строго персонифицированное «зло» — Кравчук и Ельцин. Жесткая фантазия крымчан разрабатывает разнообразные способы насильственного прекращения их политической карьеры, из которых самый гуманный — утопить «хитреца» и «предателя». Лояльных выражений по адресу Крымского парламента и его председателя Багрова мне также не довелось услышать. Но все это в данном случае нам неинтересно.

Презрение большей части столичной интеллигенции к газетам вроде «Советской России» сторицей искупается чистой любовью неискушенных провинциальных педагогов и врачей.

В киосках ЮБК я ни разу не видел «Известий» или «Комсомольской правды» — только «Совершенно секретно» да «Мистер Х», которые, тем не менее, никто не приобретал. Зато всякий свежий номер «Дня», залетевший из Москвы, прочитывается, наверное, до фамилии последнего члена редколлегии. В одном курортном поселке, где, кстати, в свое время была дача Язова, я разглядел на рынке среди черешни и портвейна «Массандра» газету «День». Подхожу поближе и не без удивления обнаруживаю дату выхода — июль 1992 года. Номера же красовались, как только что доставленные из типографии.

Однажды при мне очень хороший и уважаемый на ЮБК врач изучал невестку откуда занесенный на полуостров «Русский порядок», издаваемый А. Баркашовым с национал-соратниками. Дочитав, взволнованный доктор воскликнул, обращаясь ко мне: «Слушай, а как можно записаться в это «Русское единство»? «Ну почти что у нас в редакции, — усмехаюсь. — Приезжайте, составлю протекцию»*.

* Штаб «Русского национального единства», малочисленной фашистской организации, находится в Свердловском райсовете, в том же здании, где и «Столица», о чем мы уже писали.

Я не встречал ни одного коренного жителя ЮБК. Все когда-то откуда-то сюда приехали. Никто ни разу не говорил мне: «Вот тут и помру». Каждый предполагает, что возможны перемены и переезды. ЮБК, этот райский уголок, достойный участи Флориды и Багамов, напоминает свои же санатории. Один проживет в санатории неделю, другой — месяц. Но ведь никому из отдыхающих никогда не придет в голову остаться навсегда среди кипарисов и дрока. Среди баров и пляжей.

«А зимой-то вы, наверно, тут с ума сходите?» — сочувственно поинтересовался я у кого-то из давно поселившихся на ЮБК. «Да ты шо? Зима здесь — самое прекрасное время!»

Ольга СТРИЖЕВСКАЯ

КАК ТВОЙ ХАРАКТЕР КРУТ!..

Записки практикующего психолога

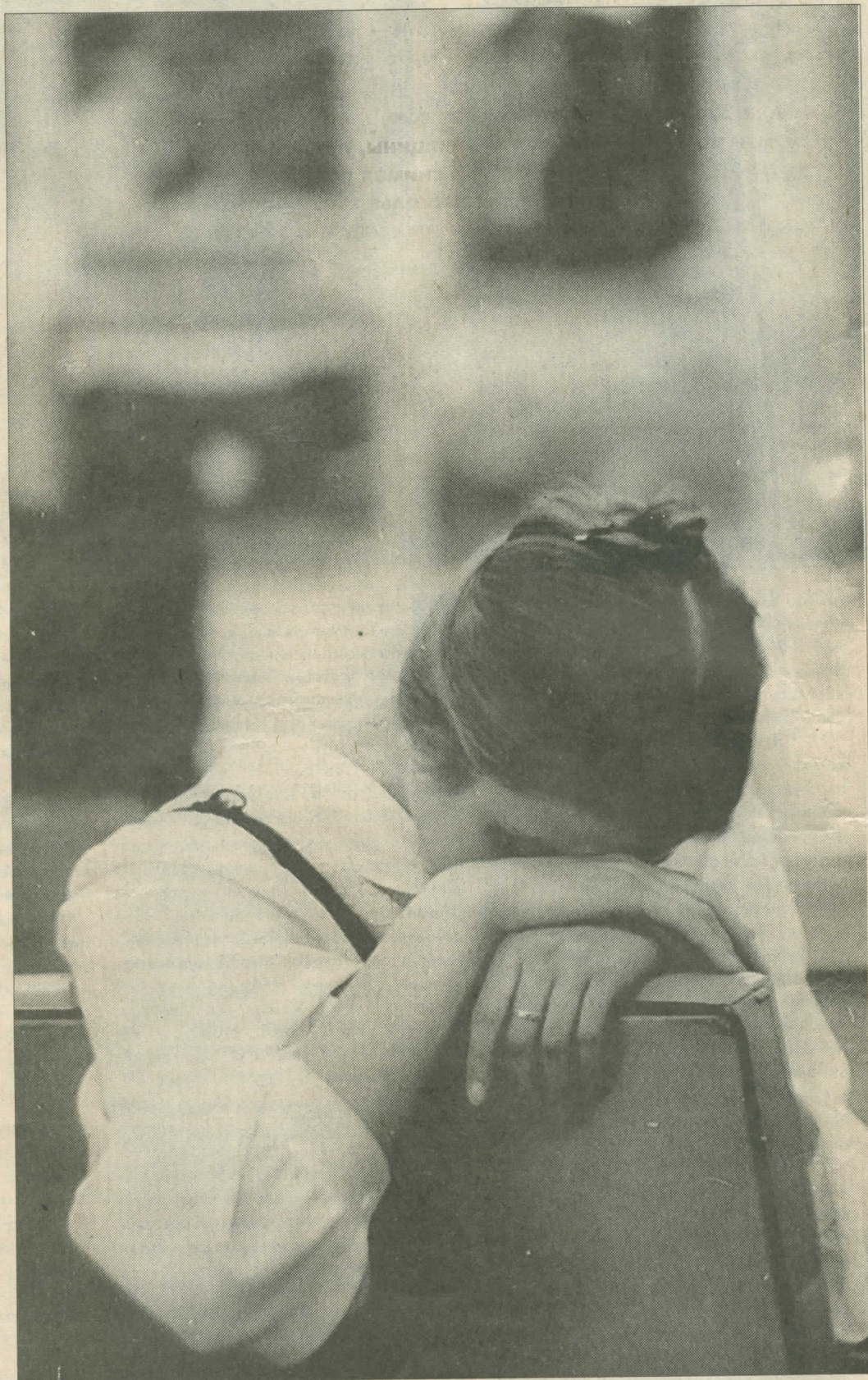

фото Б. Кремера

— Ты знаешь, что умерла В.Ю.?

Почему-то все думают, что психологи — люди железные. Если изучаешь душу человеческую, то у тебя самой души, значит, нет и никакие переживания твой покой не нарушат. Очевидно, так и ты думаешь, моя сокурсница, сообщая мне о смерти нашей В.Ю. — милой женщины, преподавателя и друга. Минуты две я молчу, не внимая подробностям. Какая разница, как она умерла, сколько и каких таблеток приняла. Какая разница, как именно закрыть за собой дверь, если ты уходишь навсегда?

Сначала психологи думали — все перестройка, самоубийств не будет вовсе или их будет очень мало. В войну никому в голову не приходит накладывать на себя руки — слишком трудно выжить. Впрочем, кто знает, что именно происходило в войну с психикой людей, кто этим интересовался? Зато теперь уж все ясно — нынешняя тяжелая экономическая ситуация не оставляет времени и сил для самокопания и познания смысла жизни, и если добровольно уходить в мир иной сегодня, то только от нищеты и безысходности. Однако уходят, и уходят не только из-за отсутствия куска хлеба.

Почти половина обратившихся в «Службу доверия» в Москве жалуются на постоянное щемящее чувство одиночества. Девяносто процентов всех суицидальных попыток связано с переживаниями личного характера, чаще всего с разрывом связей с любимым и близким.

Взбравшись на кафедру перед студентами МГУ, руководитель службы по предупреждению самоубийств, профессор, женщина яркой внешности и неординарных высказываний заявила: «Постель не барабан, чтобы на ней отстукивать песнь о смысле жизни». Зал зааплодировал.

Не будем придирается к стилю высказывания. Действительно, интимное и постельное — еще не все в жизни. Но как раз спустя недели три после выступления профессора выбросилась из окна общежития МГУ аспирантка гуманитарного факультета. Погибла, и портрет ее с чахлым венчиком цветов стоял в фойе того зала, где выступала профессор. Девушка оставила записку о причине своего ухода: бросил любимый. Получается, психологам было бы нечего ей сказать, кроме: «Плюнь, все это — пустяки».

Своя свою не познаша

День в клинике, где я консультирую, начался склочно — в палате № 3 произошел конфликт между пациентками, и в причинах его надо разбираться. В этой палате лечились от невротозов одинокие женщины — брошенные жены, невесты, тяжело переживающие свое состояние.

Новенькую они приняли поначалу как родную. А потом устроили ей обструкцию. Еще бы, к даме бальзаковского возраста, с неустроенной личной жизнью, постоянно являются с цветами и компотами друзья детства, сослуживцы, старые поклонники — все сплошь мужики. Она-то, бедная, действительно чувствовала себя несчастной — ни за одного из своих знакомых ей не хотелось выйти замуж, ни в ком ей не виделось избранника, но попробуй объяснить это соседкам по палате! Пришлось просто переводить «причину конфликта» в другую палату.

Самые одинокие у нас — женщины, самые несчастные. Причем совсем не обязательно пожилые. Бывает, что с юных лет девочки, девушки, старые девы готовятся к своей участи — быть и оставаться одинокой. Как будто их кто-нибудь приговорил. Причем им не до философских категорий, и одиночество они понимают просто как безмужие, и на какие-то только глупости не идут, чтобы избавиться от него! Согласны выйти замуж за алкаша, психа или уголовника, лишь бы сходить в загс. Участь разведенной, оставшейся с ребенком и без алиментов, не кажется такой печальной, как участь старой девы. А об одиночестве вдвоем и слышать не хотят. Не получится замуж — стараются родить ребенка, все лучше, чем одной. Странно, что государство совсем недавно поощряло женское одиночество: у матерей, никогда не бывавших замужем, гораздо больше льгот, чем у разведенных женщин. Теперь государство стало немилосердно, да и льготы — мелочь.

Но еще удивительнее то, что и в неразборчивости, и в излишней разборчивости кроется одно и то же неумение и нежелание построить свою жизнь. Переживания и очень одиноких дам, и окруженных ненужным им мужским вниманием имеют скорее психологическую природу, чем реальные основания. С детства закомплексованные, часто воспитанные в неполноценной (необязательно неполной, но и просто лишенной тепла) семье, девушки абсолютно превратили понимание природу взаимоотношений между мужчиной и женщиной и не знают, чего им не

хватает, чтобы привлечь и удержать представителей сильного пола. А чаще всего мужиков они отчаянно боятся, как боятся всего чужого и хлопотного.

Жертва рока

Галино замужество началось с оплеухи. Обыкновенной пощечины, звучно выданной сокурснику, когда он надумал приставать к Гале в палатке во время общего похода по «местам боевой славы». Обычно Галя в походы не ходила. Она вообще замкнутая, ни в школе, ни в институте не была друзьями избалована. На вечеринки не ходила, да и не звали особенно. Сокурсницы выходили замуж (а то зачем еще девушки учатся в технических вузах?), а Галя все была одна. В поход ее затащили, уговорили не отрываться от коллектива. И когда после грандиозной попойки любимец курса Леха задумал потискать недотрогу, Галя автоматически засветила ему по уху. Что парадоксально подстегнуло его интерес к ней. Скоро они поженились, а чуть позже выяснилось, что Леха не склонен менять образ жизни из-за таких пустяков, как семья, и что вообще его ничего не интересует, кроме веселых компаний.

Расстались они весьма немирно, и Галя долго болела. Если она и раньше сторонилась парней, то теперь стала просто шарахаться от них. Потом острота переживаний прошла, и в ее жизни появилась другой — ее начальник. Она готова была молиться на него, но, судя по всему, он принадлежал к типу руководителей, которые органически не могут не завести себе гарем на работе.

И тогда Галина Павловна совершила прямо героический поступок — она перешла в другой отдел. Но раны вновь пришлось лечить и зализывать. Был в ее жизни и еще один человек, и она убеждала себя, что ей нравится его лысина, и подумывала, не податься ли ей замуж, как обладатель лысины исчез. Вот уже 10 лет, как она совершенно одна.

Живет скучно, выходные проводит у тетки на огороде или у брата с племянниками. Настроение в последние годы мрачное, с ужасом думает, что будет, если разгонят ее институт. Хвори одолели, хотя лет ей всего 45. Типичны такие болезни, врачи называют это сексуальной депривацией, а в народе говорят «недотраханная». И прав народ: в зрелом возрасте организм женщины страдает от отсутствия или недостаточности половой жизни больше, чем организм мужчины.

А теперь скажите, кого из знакомых вы вспомнили, слушая рассказ о судьбе Гали? Не правда ли, и ваша знакомая не жалуется, и она несет свой крест с достоинством. И полагает, что судьба или рок сделали ее такой одинокой с рождения. Она страдает и злится на себя.

и плачет часами. Но ничего не предпримет для того, чтобы изменить положение. Хоть бы снова в поход пошла!

Пусть в своей концепции несчастий одиноких женщин я рискую показаться жестокой. Да, конечно, неправильное воспитание, да, никто в детстве не учит девочек правильному поведению в обществе. Но кто у нас вообще получает воспитание и обучение, кого учили общению с противоположным полом? И кто заставлял Галю выходить замуж за абсолютно чужого человека, да и начальник вряд ли ее изнасиловал или обещал что-либо. Что же ею управляло — страх одиночества или страх быть покинутой? Собственно говоря, это две стороны одной медали. Один страх заставляет бросаться на шею первому встречному, а другой — держаться поодаль от мужчин. Прямо по М.Жванецкому: «Не нарушайте мое одиночество и не оставляйте меня одного!»

Я бы в свахи бы пошла...

По счастью, многие женщины получают творческое удовлетворение от сватовства, иначе одиноких подруг было бы гораздо больше. Но и свахи, и легионы бюро знакомств не в состоянии справиться чисто советской непредприимчивостью, нежеланием стать тем, что в переводе с английского называется «сделай себя сам».

В основе одиночества — драма, реальная или выдуманная, неважно. Главное, как она преломилась в сознании. А дальше — жизнь по определенному стереотипу: работа, холодный дом, скудное общение. Как будто нарочно одиночки избегают всего, что может изменить ситуацию, хотя на словах хотели бы изменить. Свахи от них отказываются, надоедает стараться для человека, который ведет себя, словно делает вам одолжение.

Если бы все мы обладали красотой и обаянием Мишель Пфайфер из фильма «Фрэнки и Джонни», триумфально запущенного нашими видеопиратами! Колючка и недотрога, героиня фильма становится предметом вождения вполне толкового парня. Но не нашего — у наших, тоже закомплексованных, такая дама вызвала бы мимолетный интерес, а потом они бы спасовали.

Хорошо, если со временем женщина приспосабливается к одиночеству, находит себе захватывающую работу или занятие. Хуже, если она целиком уходит в депрессию. Тогда и близких нельзя винить, если они не сумели предотвратить самое худшее. Одинокий человек чаще всего погружается в глухой эгоизм, вязкий, как тряпина. Его не интересуют близкие, он теряет контакт с родственниками, способность сопереживать, а взамен обретает свои привычки и странности. Попробуй сломать эту толщу! У невротика свои

беды, свои ощущения, свои боли всегда заслоняют окружающее. Нет, не пойду в свахи.

Последний роман тургеневской девушки

Светлану предали. Предал самый близкий и любимый человек. У них была любовь и общие интересы — музыка и поэзия. Он посвящал ей стихи и стоял на коленях. А с женой не разводился, потому что сын нездоров.

Но вот Света встретила всю семью в кино, все выглядели счастливыми и здоровыми. Она немедленно порвала с предателем.

О себе Света говорит: мне надо было родиться в прошлом веке. Очень часто так разговор с психологом начинают девушки, которых можно бы назвать «тургеневскими». Хотя героини Тургенева были подчас тверды и отчаянны.

Очень хочется помочь нынешним "псевдо-тургеневкам", но железные установки, которые они сами себе вбили в голову, не просто разрушить. Они убеждены в своей непогрешимости, они чисты и непорочны. Мораль — не тургеневская, а, скорее, викторианская, если не сказать ханжеская, — не велит им «давать поцелуя без любви». Их тяготит затянувшаяся девственность, и она же заставляет гордиться своей добродетелью.

Воспитанная мамой и бабушкой в атмосфере бесконечной любви, Света не привыкла себя ограничивать и не имеет реальных представлений о других людях, а тем более о взаимоотношениях полов. Какой секс? Место реальности заняли красивые мечты, изображенные ожиданием Принца. Вот и в своем возлюбленном она видела героя с улыбкой Макаревича, умом Явлинского, душой Байрона. А потом — змея и подлеца. А он не был ни тем ни другим — обычный усталый человек с не очень сложившейся жизнью. От тоски он подыгрывал Свете, но somehow может продолжаться игра?

Последний шанс

Девушка Люда пыталась покончить с собой, потому что парень, с которым она три недели назад познакомилась в кино, так и не позвонил. Катя в 22 года попала в психиатрическую больницу с реактивной депрессией — парень, с которым она переписывалась во время его службы в армии, так и не объявился. Корину привели к психотерапевту коллеги — учительницы, она все время плакала после ухода из школы молодого физика.

С точки зрения обывателя, все три — психопатки. На самом деле они вполне нормальны, но обладают очень низкой самооценкой, и то, что является видимой причиной срыва, — на самом деле лишь последняя капля. Для себя я называю их

группой «последний шанс».

Для этой команды характерны зажатость, неумение одеваться и пользоваться косметикой. Чаще всего это обычные женщины, не дурнушки и не красавицы, но они искренне полагают себя некрасивыми и глубоко переживают «уродство». Иногда чувство неполноценности воспитывается в них властными, резкими матерями. «...Шансы» долго переживают обиды, чаще мнимые, преувеличивают свои недостатки, им плохо не только в период кризиса, а всегда. В их жизни непременно случается такой эпизод, который как «последний шанс» дает им надежду: появляется мужчина, без всяких твердых планов начинает оказывать внимание, и девушка немедленно в него вцепляется. Причем поведение ее бывает настолько неадекватным, что мужчину как ветром сдувает. И исчезает надежда, девушка окончательно убеждается в своей никчемности... Попытки самоубийства у таких бывают хорошо продуманными и страшными.

Психотерапевту здесь хватает работы, долгой и трудной.

Надень юбку!

— Ну почему они меня за женщину не считают? — вопрошала юная Настя. Действительно, почему она, хорошая, с яркими глазами, единственная девушка в студенческой группе, абсолютно не пользуется популярностью? Парни приводят в общежитие девиц, игнорируя присутствие Насти, в том числе и тот парень, в которого Настя влюблена. Застрелиться можно!

Чуть оглядишься, и увидишь рядом их — девиц с мужскими чертами характера, несчастливых чисто по-женски. В детстве они играли в футбол, повзрослев, платье предпочитали джинсы. Они остались спортивными и подтянутыми, с характерным стремлением лидерствовать. Из их среды выходят политики и комиссары, старосты и секретари политических партий. А также следователи, капитаны, летчики-летчицы, суфражистки и феминистки. Именно они борются за права женщин. У них есть только один недостаток — лишние кокетства, они не умеют быть женщинами.

У них есть шанс создать семью, но с определенным типом мужчин — с ответственными и легкоранимыми. В такой паре партнеры идеально дополняют друг друга. Но парадокс в том, что как раз феминные, неуверенные мужчины как огня боятся активных, агрессивных женщин.

Ликов у одиночества может быть и гораздо больше. Да что я все о женщинах? Самые одинокие — это подростки. Но их воспитывают одинокие матери, и повторяется круг.

Эдуард ДОРОЖКИН

СТРАШНО ДАЛЕКИ ОНИ ОТ НАРОДА

Вот что оказывается. Оказывается, в 1992 году нашу страну посетил сам президент Международной федерации роллерскейтинга (ФИРС) — господин Исидро Оливерас. Тогда визит прошел незамеченным. Но зато последствия! Последствия были грандиозные. 9 июня 1993 года Министерством юстиции России была зарегистрирована Русская федерация роллерспорта. А в сентябре на внеочередном конгрессе роллеров она будет включена в состав ФИРС — этой безусловно авторитетной международной организации.

Пожалуй, термин «роллерскейтинг» расшифровывать не надо — «американизация» нашего сознания достигла, если верить свидетельству «патриотов», критической отметки. Однако, несмотря на это, другие два термина — «скейтбординг» и «сноубординг» — еще не вошли в общеупотребительный лексикон. Между тем это не, что иное, как катание на роликовой доске — скейтборде, и то же самое — только с ледяных горок. Значение же слова «аэробординг» остается пока тайной за семью печатями. Хотя сами роллеры утверждают, что это — прыжки страмплина. Трудно поверить. Ролики и «воздух» на первый взгляд вещи несовместные.

Впрочем, и «земные» роллеры еще лет пять назад казались нам вопиющей (да простят мне теоретики этот оборот) дико-

винкой. Вопиющей — главным образом потому, что являют они собой символ какой-то сверхъестественной сексуальности. В большинстве своем худенькие, стройненькие, не отягощенные сколь-нибудь значимым «багажом знаний», юноши одним своим видом бросают вызов общественному мнению. Не говоря уж о девушках, которых «общественное мнение» в лице тетеньки с авоськой иначе как «разнузданными», «бесящимися с жиру» и вообще «проститутками» не именует.

Сейчас в Москве катаются около семисот человек. Но это — только официально учтенные, те, которые обиходили центральные станции метро. На окраинах их, конечно, гораздо больше. «А почему, собственно, метро, где мы, люди, ходим?» — спросят читатели. Во-первых, покрытия в Московском ордена Ленина метрополи-

тене им. В.И.Ленина идеально подходят для катания на роликовых коньках, словно бы для этого и созданы. А во-вторых, здесь есть возможность слегка разогнаться. Особенно хороши в этом смысле переходы с «Павелецкой»-кольцевой на «Павелецкую»-радиальную, с «Театральной» на «Площадь Революции», с «Комсомольской» на «Комсомольскую» (здесь, правда, немножко душно) и с «Библиотеки им. Ленина» на «Александровский сад» и «Арбатскую». В последнее время активно используется и так называемая «труба» (хотя «кишка», по-моему, — определение куда более точное) — переход под Манежной площадью. Но здесь нормальному «активному отдыху» мешает одно немаловажное обстоятельство. Переход этот темен как в прямом, так и в переносном смысле. Культурных роллеров склоняют к содомии. А они — блюдут честь.

Метро в этом смысле спокойнее. И милиции больше, и «озабоченных» меньше. А то — попробуй прокатиться у Большого театра. Если не «снимут», то избыют: как же, ведь конкурент (как я уже сказал, и мальчики и девочки среди роллеров встречаются весьма симпатичные)!

Хотя катаются иногда и отнюдь не молодые «экземпляры». Так, например, самому старшему роллеру исполнилось в этом году 69 лет. Но это что! Взгляните на

список должностей некоторых роллеров: главный бухгалтер коммерческого банка, несколько директоров частных фирм, коммерческий директор фирмы, несколько менеджеров солидных предприятий (в том числе западных), юрист крупной компании и т.д. Перечень этот можно продолжать достаточно долго.

Самое интересное, что роллеры и скейтеры относятся к своему увлечению чрезвычайно серьезно. «Ролики — это наркотик» — так, по крайней мере, они оправдываются перед друзьями и родственниками. Что ж, роликовая доска лучше, чем кокаин. Хотя «привыкание» наступает так же быстро.

Первое упоминание о подобии роликовых коньков относится к средневековой Японии. Сообразительные ниндзя привязывали к ногам бамбуковые трубки и скользили по каменным полам с умопомрачительной скоростью. Но как вид спорта катание на роликах начало развиваться значительно позже. В 1760 году производитель музыкальных инструментов из Бельгии Джозеф Мерлин сделал первые роликовые коньки — с железными колесами, которые несколько замедляли движение. В 1813 году французский конькобежец Жан Гарсин сконструировал новую модель роликов, которая получила название «Сингар». Он же открыл в 1815 году в Париже «Школу обучения катанию» и создал первый в мире роликовый каток.

Как видим, роликовый спорт развивался быстро, и энтузиастов вполне хватало. Уже в 1866 году американцем Плимтоном был создан в Ньюпорте первый каток для всех желающих. Этому предшествовало совершенно скандаль-

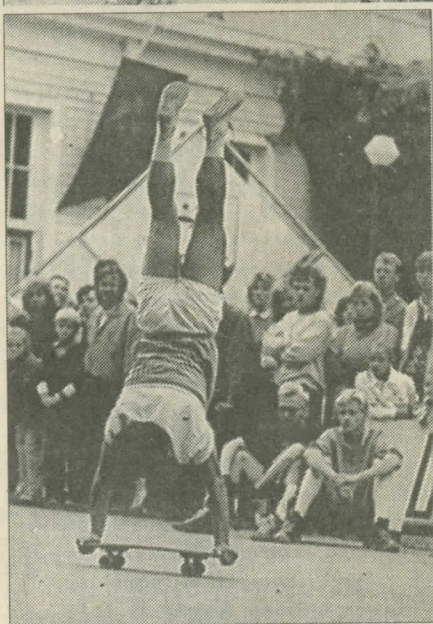
ное зрелище, устроенное композитором Джакомо Мейербиром на премьере оперы «Le Prophete» в Париже. В действие была включена сцена, когда актеры, изображая катание по льду, передвигались на роликах. Идея понравилась. В 1876 году в Париже открылся специально оборудованный и освещенный газовыми рожками зал для катания на роликовых коньках. Крупнейший современный каток — «Гранд холл Олимп» — находится в Лондоне, казалось бы, самой консервативной из всех европейских столиц.

Но не только патриархальная Европа и белозубая Америка катаются на (скейтах и коньках. По данным ФИРС, ее членами сейчас являются более ста стран, в том числе такие «экзотические», как Бангладеш, Аомынь (Макао), Пакистан, Того, Уругвай и Гватемала. Первой же неевропейской страной, принятой в

ФИРС, был Египет.

Сейчас насчитывают порядка тридцати видов роллерскейтинга. Среди них: роликовый хоккей, спид-скейтинг (скоростной бег — трасса и трек), артистическое (фигурное) катание, хай-скейтинг (это что-то типа мотоциклетных гонок по вертикали), катание с препятствиями, слалом, прыжки. По приблизительным оценкам, роллерскейтингом в мире занимается более 80 миллионов человек. «Такие здоровые, а дурака валяют. Я в ваши годы вагоны разгружал, землю копал...»

В действительности же наши роллеры «копают землю», то бишь работают всевозвездно. Ибо и скейты, и коньки — удовольствие довольно дорогое. Цены на них и на соответствующую экипировку приближаются к ценам на горнолыжное снаряжение. Обычная модель роллерблейда стоит примерно 200 долларов, а цены на

престижные модификации достигают 330—350 долларов. Традиционные роликовые коньки стоят от 120 до 200 долларов. И ведь еще нужны наколенники, налокотники, перчатки... А в России пока производство всего этого не налажено.

На всю огромную Москву — только один мастер.

Со временем мы свикнемся со стайками роллеров на московских наземных и подземных улицах. И будем, возможно, даже завидовать. Ведь именно они первыми попытались если и не летать, то хотя бы двигаться со скоростью птицы.

Виталий СЫРОКОМСКИЙ ГАЗЕТА И КОРИДОРЫ ВЛАСТИ

Воспоминания о прошлом, обращенные в настоящее

...В марте 1972 года в центральных газетах появилось соболезнование ЦК КПСС и Совета Министров СССР, адресованное родным и близким жертв аварии на Минском радиозаводе. Аварии, как мы потом узнали, унесшей жизни почти ста человек. При социализме, тем более «зрелом», «развитом», катастроф не происходило. Даже в Чернобыле случилась просто «авария», а вовсе не катастрофа, поразившая огромные территории Украины, Белоруссии, России.

Соболезнование в такой форме — с публикацией в центральных газетах — было беспрецедентным, чуть ли не впервые власть сказала о гибели людей на производстве, на конкретном предприятии и официально посочувствовала. Но что за авария, что именно произошло в Минске? Газеты, телевидение, радио будто воды в рот набрали. «ЛГ» не могла пройти мимо. Тем более, что сразу поползли слухи, один страшнее другого: в Минске взорвался секретный цех, погибла чуть ли не тысяча рабочих, дело это рук ЦРУ, диверсантов-сионистов, главный инженер на заводе — еврей, значит, замешан Израиль, запланирована еще серия взрывов и т.п.

Я поручил провести расследование и подготовить статью Александру Борину. Юрист по образованию, он хорошо разбирался и в производственных делах. Да к тому же был автором дотошным и осторожным — то, что надо.

Уехал Борин в Минск. Оказалось, что цех футляров, крупнейший в Европе, построили, конечно, досрочно, а значит, с недоделками. Трагическую роль сыграл непрофессионализм ленинградских проектировщиков. Систему вентиляции спроектировали неправильно, просто «переняли опыт» текстильных фабрик, на глазок решив, что лаковая пыль не отличается от тканевой: и по виду, и по цвету — такая же. Радиозаводцев не предупредили, что лаковая пыль не только огнеопасна, но и взрывоопасна. Вентиляционные камеры вскоре оказались забытыми

ею. Взрыв мог произойти в любую минуту.

Так и погибли почти сто рабочих, «Диверсантами» стали проектировщики и те, кто принимал цех в эксплуатацию. Между прочим, директор завода и главный инженер, видя, что вентиляционная система не функционирует, обратились к министру радиопромышленности СССР с предложением остановить цех и реконструировать его. Ответ был типичным для тех лет: остановите — положите на стол партбилеты.

Когда материал (размером на целую полосу, 18 страниц) был написан и набран в типографии, Чаковский позвонил П.М.Машерову, тогдашнему первому секретарю ЦК Компартии Белоруссии, и попросил принять нашего спецкора.

Петр Миронович Машеров — человек превосходный, талантливый руководитель, любимец миллионов сограждан, просто красивый мужчина — погиб в автотрагедии, не до конца проясненной, был похоронен не «по чину»: из Москвы на похороны, как тогда было принято, приехал не кандидат в члены Политбюро, а секретарь ЦК (М.В.Зимянин). Я имел честь несколько раз встречаться с белорусским лидером, его образ мыслей, широта взглядов производили глубокое впечатление. В войну боевой партизан, настоящий Герой Советского Союза, крупный политик, он явно не пользовался симпатией у липового героя Брежнева.

Машеров принял Борина, прочитал его, на нашем жаргоне, «простыню» и одобрил. Борин не живописал ужасных подробностей взрыва, не брал интервью у вдов и сирот. Пафос его материала заключался в другом: журналист показал, к каким страшным последствиям — куда там агентам ЦРУ! — может привести непрофессионализм и «приблизительность» в расчетах, безответственное отношение к делу.

Окрыленный автор позвонил из приемной Машерова в редакцию и доложил главному редактору А.Б.Чаковскому: «все,

А. Чаковский (слева) и В. Сырокомский (в центре) на XXV съезде КПСС

Виталий Сырокомский — старый газетный «волк». По окончании МГИМО работал во Владимирской областной молодежной газете заводским ответственным секретарем, затем в «Вечерней Москве» — заводским отделом, редактором газеты. С 1966 года по 1980-й В.А.Сырокомский был первым заместителем главного редактора «Литературной газеты». В последующие годы — зам. главного редактора издательства «Прогресс», главный редактор еженедельника «Неделя», зам. главного редактора газеты «Известия», главный редактор газеты Советского фонда милосердия. Теперь он, по собственному его выражению, больше никем не руководит, кроме самого себя, и является обозревателем «Столицы», газет «Вечерняя Москва», «Культура», «Солидарность», ежемесячника «Совершенно секретно».

мол, в порядке, статью можно ставить в текущий номер. «Это только вам кажется, что все в порядке, — с присущим ему сарказмом ответил главный. — Передаю трубку Сырокомскому».

Борин не знал и не мог знать, что на столе главного редактора лежала копия Записки в ЦК могущественного зав. Отделом оборонной промышленности Сербина: в «ЛГ», мол, подготовлена к печати антисоветская статья, клеветующая на наши оборонные предприятия, перечеркивающая работу соответствующих конструкторских бюро и проектных институтов и вообще вредная, опасная для государства. То был удар ниже пояса, судьба материала теперь зависела от секретаря ЦК Д.Ф.Устинова.

«Саша — сказал я Борину, — зайди снова к Машерову и, если статья ему действительно понравилась, попроси позвонить Устинову и поддержать публикацию ее. И еще: собери положительный материал...» «Какой положительный материал?! О взрыве?» — «Что ты, не понимаешь? Материал о том, какие меры приняты после взрыва, как вооб-

ще на минских предприятиях заботятся о технике безопасности».

Помощник не допустил Борина к Первому: у него каждая минута расписана, и вообще такого не бывает, чтобы по уже решенному вопросу беспокоили еще раз. Недоумевающий Борин, попросив передать Машерову насчет звонка Устинову, отбыл в столицу. Все подробно рассказал Чаковскому. Тот, настроенный весьма решительно, позвонил в Отдел пропаганды ЦК, Маркову и Верченко в Союз писателей. Безуспешно! Главлит (цензура) материал не пропускал.

Надо было спасать текущий номер. Звонить Устинову главный не стал. Тогда решил позвонить я сам. Соврал, что Чаковский уехал в командировку, попросил Устинова положительно решить вопрос. «Кому нужна такая статья, вы об этом задумывались? — последовал ответ. — Событие давнее, к чему ворошить... Чуть ли не год прошел». Я настаивал, объяснял, что такая статья и сегодня актуальна: во-первых, слухи о диверсии продолжают ползти, во-вторых, это главное — проблема непрофессионализма, приблизительности расчетов, расслабленности очень важна не только и даже не столько для оборонной промышленности, а для всего народного хозяйства.

Устинов прекрасно все сам понимал, но честь мундира была для него превыше всего. «Мне надо посоветоваться, позвоните завтра». — «Но у нас номер горит, газета опоздает...» — «А вы снимите статью из этого номера». Скажи я ему, что материал одобрил Машеров, он наверняка раздраженно отпарировал бы: «Вот пусть Машеров и печатает его в белорусской газете»...

Позвонил на другой день. «У меня по-прежнему большие сомнения. Позвоните завтра». Позвонил. «Товарищ Сырокомский, вы слишком настойчивы. У меня хватает забот и без «Литгазеты». И вообще, звоните в Отдел пропаганды». Надежд больше не было. Статью отправили в архив... Так же погибло еще несколько «ударных» материалов.

На «экономической» почве «ЛГ» столкнулась однажды аж с самим Сусловым, серым кардиналом брежневского двора.

Дело в том, что «Литатурка» опубликовала проблемную статью о пользе приусадебных участков, находившихся чуть ли не под запретом. А все потому, что Суслов и подобные ему партийные бонзы объявили приусадебные участки «пережитком частнособственнических настроений» — ярлык страшный. Почти все центральные газеты старательно замалчивали проблему. «ЛГ» осмелилась...

Журналистская «разведка» сообщила, что Суслов очень недоволен нашей публикацией, а это — не шуточка. Что делать? Поступили сведения и о том, что зам. председателя Совета Министров СССР З.Нуриев, ведавший сельским хозяйством, поддержал

выступление газеты. Между тем в редакцию хлынул поток читательских писем. Рядовые сельчане и авторитетные специалисты не только одобряли статью, но и приводили расчеты, экономические выкладки, доказывавшие: приусадебные участки не просто полезны, а жизненно необходимы, отказываться от них самоубийственно.

И тут редакция сделала свой «ход конем»: мы собрали наиболее острые и убедительные письма и направили их Нуриеву со скромной просьбой «рассмотреть и сообщить свое мнение». Ответа не получили, но разузнали, что Нуриев отнес эту кричащую сводку Брежневу. Тот еще не был в маразме... Как же мы радовались, когда новая, «брежневская» Конституция СССР закрепила право граждан на приусадебные участки. Конечно, приписывать заслугу только «Литгазете» нельзя, но и мы приложили руку...

Из многочисленных «совершенно секретных» историй, связанных с международной тематикой, расскажу лишь о двух.

В августе 1973 года вместе с нашим монгольским партнером газетой «Утга зохиол урлаг» («Литература и искусство») «ЛГ» решила подготовить материал о маоистских притязаниях на Монголию. Первым делом, конечно, съездил в соответствующий сектор Отдела ЦК. Оказалось, в это время монгольский лидер (или, точнее, диктатор) Ю.Цеденбал отдыхал с семьей в Пицунде. Созвонились, полетел я на Черноморское побережье. Охрана была предупреждена, беспрепятственно попал на госдачу. Там познакомился с императрицей всея Монголии, как насмешливо величали супругу Цеденбала, Анастасию Ивановну, и их сыном, совсем молодым еще человеком, но уже представителем МНР в СЭВе.

За обедом обо всем договорились. Цеденбал позвонил по ВЧ в Улан-Батор и отдал необходимые распоряжения. Я тут же уехал в Адлер, возвратился в Москву, а наутро вылетел в монгольскую столицу.

Разместили в правительственной резиденции. Мучительной оказалась не отварная конина и конская колбаса, а отличная монгольская водка: ее подавали за завтраком, за обедом и за ужином. Отказываться не удавалось, мой главный партнер — зав. сектором ЦК Монгольской народно-революционной партии писатель Б.Дашцэрэн был неумолимо кистеприимен.

Работа кипела четверо суток. Принесли кучу материалов — статьи из монгольских газет, радиоперехваты направленных на Монголию передач пекинского радио, рапорты Управления по делам пограничных и внутренних войск Министерства общественной безопасности МНР о нарушениях маоистами государственной границы Монголии, свидетельства беженцев из Внутренней Монголии, карты из китайских

школьных учебников, отразившие великоханьские притязания тогдашних пекинских руководителей... Из кучи сырья надо было сделать целый разворот, две полосы, нечто достоверное, убедительное и литературно приемлемое. Утром пятого дня рейсовым самолетом Аэрофлота я улетал домой.

Цеденбал к тому времени тоже возвратился в Москву и пребывал в резиденции на Воробьевых горах. Я привез ему уже сверстанные полосы. Монгольский руководитель прочитал их и одобрил.

Прощальный обед. Вдруг ко мне подходит охранник и шепчет на ухо: «Вас к телефону». «Вы что, смеетесь?! Не могу же я сейчас выйти!». Тот требовательно повторил: «Вас к телефону». Пришлось извиниться и встать из-за стола. Звонил К.Ф.Катушев, секретарь ЦК, ведавший связями с соцстранами. «Товарищ Сырокомский, должен вас огорчить: материал будет опубликован не в «Литгазете», а в «Новом времени». — «Как же так, почему? Зачем я четверо суток работал?!» — «Вопрос решен, согласовано с А.П.Кирилленко (в то время фактически третий человек в партии — после Брежнева и находившегося в отпуске Суслова — В.С.). У «Литгазеты» слишком большой тираж, нам широкий резонанс не нужен».

Знал бы мой родной коллектив, что большой тираж, за который он так боролся, это — плохо...

Теперь о Германии. В конце 60-х и на протяжении 70-х годов я встречался практически со всеми видными политиками Западной и Восточной Германии, с лидерами всех партий, обоих парламентов, многими министрами. Только к Хонеккеру никогда не просился: он вызывал стойкую антипатию не у меня одного, но даже у аппарата ЦК КПСС и Совета Министров. «Хони» нагнал год от года. ГДР вечно что-то требовала, «выбивала» у нас. Когда Госплан, Госснаб, какое-нибудь министерство, ведомство, само бедное, с ограниченными ресурсами, отказывало, Хонеккер тут же направлял личное письмо «большому другу» Брежневу, и генеральный немедленно накладывал грозную резолюцию: в результате братская ГДР получала даже больше, чем первоначально запрашивала.

В 1968-м в качестве спецкора «Литгазеты» я взял интервью у председателя Совета Министров ГДР Вилли Штофа. Используя служебное положение первого зама главного, опубликовал потом громадную — на полторы полосы! — беседу с премьером. И все же несколько страниц пришлось сократить — не давать же две полосы, надо было щадить читателей. Что же вы думаете? Штоф прислал послу СССР П.А. Абрасимову полную стенограмму беседы, отчеркнув абзацы, которые были мной сокращены: наверное, надеялся, что интервьюеру влетит! Вообще это была манера руководителей ГДР — посылать доносы в Москву.

Юбилейный портрет редакции "ЛГ"

Совпосол проявил понимание ситуации: письмо Штофа с текстом стенограммы отправил не в ЦК или МИД, а главному редактору «ЛГ», тот отдал послание мне «на память»...

А вот о другом интервью — с главой правительства ФРГ Гельмутом Шмидтом в конце февраля 1975 года. Бонн тоже бдительно следил за тем, чтобы текст опубликовали полностью и перевод был адекватен: из ведомства федерального канцлера прислали стенограмму в посольство в Москве, которое и должно было осуществлять контроль. Сокращать текст не понадобилось: интервью оказалось в три раза короче штофовского.

Перевод сделал полиглот «ЛГ» Валентин Островский. Блестящий мастер своего дела, он улавливал тончайшие оттенки, даже интонацию текста. Неожиданно возникли принципиальные разногласия в связи с двумя понятиями — как называть Берлин и бундестаг ФРГ. В советской прессе для обозначения бывшей германской столицы всегда употреблялись два названия: «Берлин — столица ГДР» и «Западный Берлин». Соответственно перевел и В.Островский.

Но тут нашла коса на камень. Посольство ФРГ настаивало на том, чтобы в интервью значились слова «Берлин» и «германский бундестаг». В те несколько дней шифровки из посольства ФРГ в Бонн и обратно летели, наверное, с небывалой интенсивностью. Каждый настаивал на своем.

Наконец, нашли компромисс: написали «Берлин (Западный)» и «Немецкий бундестаг». Но тут запротестовал сектор ФРГ Международного отдела ЦК (интервью, конечно, пришлось отправить туда на просмотр). А сроки поджимали. С большим трудом дозвонился до первого зам. зав. Международным отделом Вадима Загладина. Мой однокашник сразу отреагировал: «Давай! Под мою ответственность»... 5 марта 75-го «ЛГ» вышла с интервью Гельмута Шмидта.

...Единственный случай, когда я обратился к шефу идеологии, кандидату в члены Политбюро, секретарю ЦК П.Н.Демичеву, прежде чем начать рискованную газетную акцию, имел место в августе 73-го.

В редакцию «ЛГ» пришло письмо Леонида Ивановича Максимова, учителя истории и обществоведения в средней школе г. Городок Хмельницкой области.

«Как быть с национальностью Андрейки? — спрашивал учитель. — Этот вопрос возник у меня тогда, когда у дочери родился сын и наш внук, Андрейка. Дело в том, что мой отец, а Андрейкин прадед, по национальности белорус. Моя мать (Андрейкина прабабушка) по национальности украинка. Я, дедушка Андрейки, считаюсь белорусом, так как родился в Белоруссии, учился до войны в Белоруссии. Сейчас живу и работаю на Украине. Моя жена (бабушка Андрейкина) — украинка. Наша дочь родилась в России, сыновья — на Украине. Дочь вышла замуж за белоруса. Их сын Андрейка родился в Каменец-Подольске. В четырехмесячном возрасте выехал с родителями в РСФСР, жил в Белгороде, ходил в садик в Москве, пошел в первый класс в Загорске Московской области».

А в школе уже надо определяться с национальностью: кто ты? Пройдет время, Андрею придется получать паспорт, куда обязательно впишут национальность. Так кто же он — русский? украинец? белорус? «И мне кажется, — продолжал учитель, — настало время пересмотреть вопрос о фиксировании национальности в целом ряде документов, чтобы не заставлять Андреек, Вовиков, Ларисок, Светок, Максимов и Юрасиков искусственно причислять себя к той или иной национальности, когда они придут первый раз в школу. Это не значит, что человек, достигнув совершеннолетия, не может причислять себя к какой-то национальности. Это его личное дело».

Вот тут я позвонил П.Н.Демичеву и отправил ему письмо учителя. Ответ был лаконичным: «Попробуйте...» А большего мне

и не надо было: во всяком случае, теперь у редакции была уверенность, что ЦК не обвинит ее в политической безграмотности и идейном всеядии.

В таком же духе, как письмо учителя, было выдержано и большинство откликов, полученных редакцией. Обсуждение только разворачивалось, как вдруг его оборвало грубое, не по-солдатски, а по-солдафонски написанное письмо генерала авиации, трижды Героя Советского Союза Ивана Кожедуба: дискуссия в «Литгазете»-де на руку сионистам, только Израилю выгодно, чтобы великий русский народ растворился в массе населения СССР, и т.д. и т.п. — словом, сегодня подобное письмо можно зачитывать на митингах, созываемых Фронтом национального спасения и другими экстремистскими организациями. Обсуждение пришлось свернуть — «попробовали»...

На днях я разговорился с отставным военным летчиком, Героем Советского Союза: знал ли он Кожедуба, что это за человек был? «Еще бы, мы после войны в одной академии учились. Знаете, как его звали слушатели? Трижды дуб... Ограниченный, недалекий, грубый, уважением он не пользовался...»

Сейчас, слава Богу, уже нет необходимости спрашивать соизволения властей на публикацию тех или иных материалов (конечно, речь не идет о газетах ведомственных). Свободы хоть отбавляй, другое дело, что ответственности за напечатанное явно не хватает. В то время, о котором я рассказываю, ответственности было куда больше (хотя бы потому, что часто призывали к ответу), а вот свободой и не пахло. И все-таки мы боролись, хотя и рисковали — если не жизнью, то работой. А работа, когда ее любишь, не менее важна, чем жизнь.

Алексей
МИТРОФАНОВ

СТАЛЬНОЕ ГОРЛО

Новый Арбат — молод, строен и нагл. Он конфликтует со старой Москвой, кусается, пихается, всячески ее отрицает.

Он — вставные челюсти, протез, стальное горло. Плач по Собачьей площади.

Он «Собачку» сожрал. И не только ее. Просто Собачью площадку «подняли на флаг». Потому как надо было что-нибудь куда-нибудь поднять.

Но всеядное пузо Москвы все равно поглотило его и приняло в недружную, урчащую семью московских улиц и одарило легендами, байками.

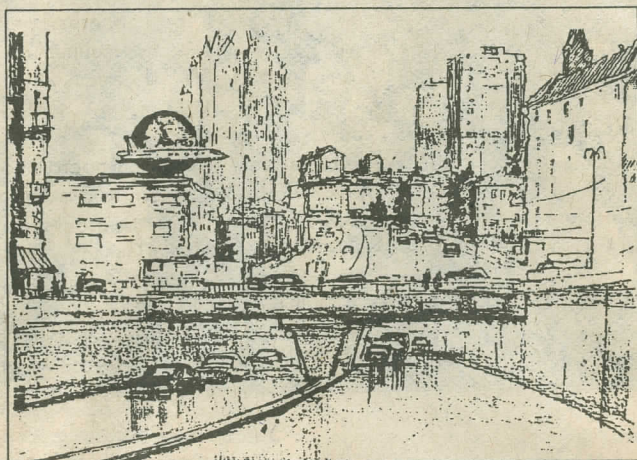
Несмотря на молодость, он уже обзавелся историей.

Новый Арбат — для «New Russians». Товарищ им — по возрасту, по духу и по стилю. Редкие здесь средних лет обыватели обеспокоены одним: как бы случайно не толкнуть кого-нибудь. По их представлениям, хозяева новой жизни (коими полон проспект) стреляют без предупреждения. Троллейбусные хамки здесь становятся предупредительны учтивы. По врожденной привычке — боятся таинственного.

Новый Арбат жутко таинствен. Сверху донизу. От загадочных шаров на отдаленных крышах, о которых писал Вознесенский:

*На Арбат прошвырнись,
пока спишь ты.
К небесам запрокину
лицо,
Где нездешняя белая
птица
Положила на крышу
яйцо.*

И до подземных ходов, связующих, по слухам, министерства с квартирами министров, живущих напротив. Впрочем, вряд ли высокие шишки решили бы жить

НОВЫЙ АРБАТ — назвали его при рождении. После брака с престижной старушкой Воздвиженкой чета взяла фамилию Калининский проспект. После развода обе стороны вернули свои девичьи фамилии.

Рисунок Ю. Николаевой

на смердящем проспекте.

Первый квартал — прелюдия, точнее, шлюз. Он облегает выход из Москвы в Новый Арбат. Слева — «Прага» и роддом имени Грауэрмана. Здесь рождались современные знаменитости — поэт Сергей Гандлевский, тележурналист Александр Политковский. Последний даже утверждает, что на роддоме в его честь висит мемориальная доска — крупнейший телеэкран.

Напротив — Дом связи, с почтой, телеграфом, телефоном и службой «09».

А следом — железное горло проспекта.

Архитектор Посохин любил свое детище. «Этот ансамбль — проспект Калинина, решенный комплексно, — придал столице в этой части города новый облик и масштаб, созвучный тому времени», — писал он в труде своей жизни — «Архитектура окружающей среды». Называл Калининский и «мощным градостроительным акцентом», и «парадным и торжественным подъездом... к Кремлю». Бесконечные разговоры о неуместности проспекта в старом центре разрешил одною фразой: «осуществлен принцип контрастного сочетания с окружающей средой». Выгодно противопоставлял свое творение «аналогичным сооружениям

на Западе». Уверял, что «привлечение многих талантливых художников... к работе над столь большим архитектурным комплексом из индустриальных конструкций было осуществлено впервые и сыграло... серьезную роль в дальнейшем становлении монументального искусства».

Словом, Михаил Васильевич Посохин в силу собственного гения не слишком сомневался. Это не скульптор Томский, публично отрекавшийся от своих скульптур.

Левая часть — четыре «раскрытые книги», здания министерств, ныне концернов, компаний и пр. Министерства — маленькие министерства — переросли, видать, в большие. Кстати, термин «раскрытые книги» — порождение заискивающих литераторов. Сам Посохин в творческом полете называл их «птичками».

Почаду министерства радовали посетителей. Привыкшие к захлапленным столам, к кипам папок прямо на полу, они удивлялись современному дизайну, мебели, чистоте, современным, по тем временам, телефонам. Правда, не на что было присесть в коридоре, и директора больших заводов переминались с ноги на ногу, подкарауливая нужного чиновника. Зато можно было спуститься в буфет, выпить славного кофе. Но появлялся риск чиновника навеки упустить.

Прошло лет пять — и все вернулось на круги своя. Вновь вырос хлам и кипы папок, а славный кофе стал доступен лишь сотрудникам. К каковым директора, конечно же, не относились.

А внизу, между тем, протекала столичная жизнь. В огромном (а сегодня — особенно дорогом) гастрономе вводили прогрессивную систему — самообслуживания. И как-то задержали де-

душку — врага прогрессивной системы, по идейным соображениям регулярно прущего оттуда консервы. Он ставил их дома на полки, вместо книжек, и постоянно обновлял свою коллекцию, раздаривая краденое внукам и соседкам по подъезду. Конфискат составил девять сотен банок.

В моду входила огромнейшая парикмахерская, и «жуликоватый начальник над ней, с неясной биографией, тянущейся к самому тридцать седьмому году» — как писал о нем один дотошный журналист. Тот начальник, со свойственной почти всем жуликам сентиментальностью, и дал ей сказочное имя «Чародейка». Парикмахерши из «Чародейки» первыми в Стране Советов облачились в кокетливые халатики, открывающие локти и колени.

А к черному ходу ресторана «Арбат» подъезжали черные бронированные «ЗИЛы».

Правая же сторона потише. Она менее официально и даже играет в игрушки — всех поражает храмом Симеона Столпника. «Когда прокладывали проспект Калинина, — писал В. Промыслов, — архитекторы и планировщики были озабочены не только тем, чтобы сохранить дивную церковь Симеона Столпника, они решали иную задачу: как выделить ее среди других строений, как сделать ее «изюминкой», превратить в своего рода зрительный акцент».

Правда, существует версия иная: спас ее от разрушения архитектор-реставратор Л. Антропов — залез в ковш экскаватора, прибывшего на снос «изюминки», и не вылезал, пока ему не принесли приказ из Минкультуры СССР о постановке памятника на госохрану.

А может быть, и обе версии верны — в то время

как «архитекторы и планировщики были озабочены», Антропов обитал в ковше.

Так или иначе, Симеона Столпника — в котором венчались Шереметев и Жемчугова, Аксаков и Заплата, куда частенько заходил Гоголь и направлял своих героев романтический Чайанов, — отремонтировали, восстановили верхний ярус, колокольню и главы, поставили даже кресты. Правда, сразу пришло указание — снять. И срезали кресты автогенем, остались одни лишь штыри.

В церковь въехало общество охраны природы — вместе с террариумом, вместе с моделями гадов, с навозным запахом и с крысами, с морскими свинками, корягами, сурками.

Лишь недавно вновь поставили кресты. И выгнали помещенные. И освятили помещение. И появился в церкви Симеона колоритный отец Сергий, сквозь две пары очков взирающий на Новый Арбат и возмущающийся:

— Ну и одеваются — весь срам наружу, а джинсы эти, прости Господи, ну словно наложили в них...

Левая сторона проспекта — материя, правая — сознание. Чуть дальше, за церковью — «Дом книги» — «словно нормальный книжный магазин традиционной планировки растянули до отказа в длину, как мехи гармошки!»

— возмущался писатель Олег Волков. И совсем еще недавно наши самые преемственные путеводители сообщали, что в продаже здесь «имеются все книги, издаваемые центральными издательствами».

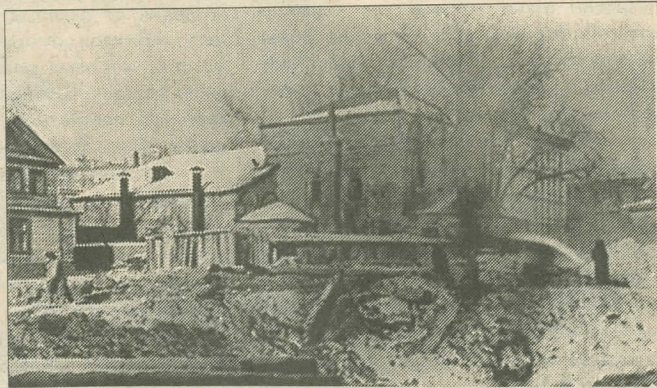
Следом дом с «Ивушкой» — кафе на первом этаже. Из этого дома может выскочить группа полностью обнаженных художников и с криками «Скворцы прилетели» смущать отца Сергия. Уже, кстати, высказывали.

Дальше — крупнейший московский кинотеатр.

И в конце — здание с парикмахерской. Сооружали его при Сталине как Дом Морфлота. Угловая, еще не оштукатуренная надстройка во время строительства рухнула, и кирпичом усыпало огромнейшую часть Новинского бульвара. Вероятно, кто-то был расстрелян.

Тогда уже планировали проспект, и здание мыслилось именно как угловое. Новый Арбат должен был состоять из домов наподобие этого. Словно улица Горького (ныне — Тверская).

Но у всякого времени — свой Колизей.

Церковь Симеона Столпника, 1962 г.

Фото из собрания М. Струкова

Сергей МАВРОДИ, президент объединения «МММ»:

«НЕ ДОВЕРЯЙТЕ СВОИ ВАУЧЕРЫ СЛУЧАЙНЫМ ЛЮДЯМ»

Я до сих пор не знаю, что мне делать со своим ваучером. Лежит, пылится в пачке малопримечательных документов и бумаг. Оборотистые знакомые советуют: давно пора вложить ваучер в какой-нибудь фонд. Пусть приносит дивиденды. Но в последнее время этих фондов развелось так много, что в глазах рябит от их рекламы по телевизору. Куда пойти с ваучером, дабы не ошибиться? Ведь чтобы там ни говорили, эта бумажка с печатью подтверждает право каждого из нас распоряжаться долей, хотя и крохотной, общенародной собственности по своему усмотрению. Советов на сей счет тоже хоть отбавляй. Но я решил поговорить о судьбе ваучера с известным предпринимателем, президентом объединения «МММ» Сергеем МАВРОДИ. Его предприятие успешно зарабатывает деньги уже больше четырех лет. И уж если человек смог с нуля создать такую фирму, как «МММ», то такую ценную бумагу, как ваучер, он никогда по ветру не пустит.

— Свой ваучер я вложил в свой фонд «МММ-ИНВЕСТ», — до банального просто объяснил Сергей Пантелеевич.

— И вы мне советуете последовать вашему примеру: создать свой фонд?

— Ваша ирония вполне уместна. К сожалению, в действительности так и происходит. Для многих самым простым способом вложения ваучера оказалось, увы, создание своего фонда. Я, конечно, несколько утрирую этот вопрос. Существуют определенные ограничения, например лицензирование. Но при желании любой человек может обойти эти нехитрые запреты.

— Ну и что же плохого в такой свободе предпринимательства? Почему одним можно создавать фонды, а другим нельзя?

— Я бы не ставил эти вопросы в такой плоскости. Ибо они могут быть неверно истолкованы представителями власти. И будут введены такие запреты, что окажется наглухо перекрытым путь создания новых ваучерных фондов, в которые придут действительно предпринимательские люди — профессионалы своего дела.

— Вы хотите сказать, что «ваучеризация всей страны» оказалась сейчас в руках дилетантов?

— Увы... Пионеры нашего бизнеса, к сожалению, уделяли поначалу мало внимания как ваучеру, так и приватизации в целом. Но это не их вина. Это вина власти, выпустившей ценные бумаги, которые не были обеспечены даже надежными обещаниями. В итоге люди, серьезно занимавшиеся бизнесом, не придали значения этим несерьезным бумагам. И они попали в руки людей, вообще не имеющих представления

о предпринимательстве.

— Но если эти люди занялись столь перспективным делом, значит, им не откажешь в предприимчивости?

— Предприимчивость предприимчивости рознь. Помните известный трюк мошенников из новеллы писателя О.Генри: хотите познакомиться с богатой вдовой, присылайте один доллар. Нечто подобное произошло и с ваучерами. Газеты и экраны телевизоров неожиданно запестрели необычными предложениями: хотите получить прибыль от тюменской нефти — присылайте свой ваучер. И доверчивые люди охотно откликнулись на заманчивую рекламу. Понесли во вновь создаваемые фонды свои ваучеры. Действительно, в стиле О.Генри, большинству тех, кто возложил эти фонды, в предприимчивости не откажешь. Они быстро уловили связь между массивированной рекламой и легкими деньгами. Чем больше впечатлений от рекламы, тем активнее люди несут тебе свои ваучеры. Но хорошая реклама стоит хороших денег. А где взять деньги вновь созданным фондам? Единственная возможность получить их — продавать имеющийся товар. То есть ваучеры.

У меня нет фактических данных, да я и не задавался целью собрать их, но интуиция, здравый смысл подсказывают, что большинство так называемых ваучерных фондов уже сегодня практически обанкротились. К сожалению, владельцы ваучеров оказались крайне незащищенными в данной ситуации. Они не имеют даже права отозвать свой вложенный ваучер. Их удел — безропотно ожидать развития ситуации. А ситуация ясна как день. Представьте себе, что некий фонд собрал миллион ваучеров. Примерно по-

ловину из них он уже затратил на рекламу и другие необходимые нужды. Иных-то денег все равно не было. Тем более, что ваучер не так давно стоил, оказывается, всего 4 тысячи рублей. Но, независимо от случившегося, фонд обязан выплачивать дивиденды каждому вкладчику. Интересно узнать, каким же образом фонд надеется получить эту прибыль?

С удивлением услышал, что некоторые фонды уже выплачивают дивиденды. Кажется, двенадцать тысяч за ваучер. И это в середине года, когда говорить о дивидендах в принципе абсурдно! Хотелось бы узнать, куда вложены ваучеры, если они дают такую несоизмеримую прибыль? Как человек, занимающийся инвестициями, могу сказать, что это блеф. Нет такого, и быть не может. Очередной рекламный трюк в надежде привлечь новых вкладчиков. Для многих фондов это единственная возможность отсрочить банкротство. Надо привлечь еще миллионы ваучеров, чтобы скрыть промотанные сотни тысяч, но ставка на такой исход дела крайне сомнительна. Ваучеры-то не бесконечны. Уже сейчас многие фонды от банкротства может спасти только чудо. Мне могут возразить: дескать, рынок есть рынок, и банкротство в таких условиях закономерность. Согласен, когда речь идет о конкретных предпринимателях. Закупили или произвели неходовой товар. Вот и обанкротились. Но речь-то идет совсем о другом. Вкладчики ваучеров к коммерческому риску фонда вообще никакого отношения не имеют. И вообще они ни к чему не имеют отношения. Отдав свои ваучеры, они просто ждут, что какие-то никому не известные люди заработают для них деньги. Откуда взялась такая уверенность? Разве не ясно, что человек, который не научился зарабатывать деньги даже для себя, никогда не заработает деньги для других.

Теперь представим себе, что произойдет с вложенными ваучерами в ближайшем будущем. Придет время фондам платить по векселям. А нет не только прибыли, нет даже ваучеров, вложенных доверчивыми людьми. И это уже не просто трагедия одного фонда. Это трагедия приватизации. Обанкротится не просто ваучерный фонд, может обанкротиться идея ваучера.

Одуроченные люди во всем обвиняют бизнесменов. Дескать, толстосумы отняли у них последние ценные бумаги. Но настоящие предприниматели к ваучеризации отношения не имеют. Я просматривал списки руко-

водства нескольких ваучерных фондов. Ни одного знакомого лица. Не сталкивались мы раньше на ниве бизнеса. В основном фонды возглавляют люди случайные. К чему это приведет, догадаться нетрудно.

— Извините за вопрос в лоб: люди, которым вы отказываете в профессионализме, — ваши конкуренты? Поэтому ваши обвинения можно истолковать как косвенную рекламу «МММ-ИНВЕСТ». Дескать, ваучерами занимаются сплошь непрофессионалы, кроме МММ.

— В рекламной изобретательности МММ, надеюсь, никто не сомневается. И для рекламы своего фонда мы бы придумали что-нибудь более оригинальное, чем обвинение конкурентов в непрофессионализме. Вообще, некоторая резкость моих высказываний объясняется тем, что меня просто крайне беспокоит сложившаяся ситуация и мне искренне хочется помочь людям хоть как-то в ней разобраться, нащупать хоть какие-то ориентиры. «МММ-ИНВЕСТ» появился в числе первых ваучерных фондов. Но мы изначально не ставили перед собой цель любой ценой привлечь к себе как можно больше вкладчиков. Неизвестно было, как будет развиваться приватизация. Поэтому мы не торопились, не хотели обманывать клиентов

— А теперь вы знаете, куда вкладывать ваучеры?

— Недавно я был на рынке — покупал овощи. Бабулька с огурцами узнала меня — видела по телевизору. Спросила вполне серьезно: куда вы собираетесь инвестировать ваучеры? «Создаем золотой фонд России», — полушутя ответил я. «Умная инвестиция. Торговля золотом всегда приносит хорошую прибыль. И я, вероятно, отдам свой ваучер в МММ», — заключила торговка. Я поторопился ее разочаровать, уточнив, что золотом мы пока не торгуем. Вспомнил этот случай, чтобы проиллюстрировать примитивность заманивания клиентов в ваучерные фонды. Золото, нефть, недвижимость — это слова-ловушки для доверчивых граждан. Как это ни удивительно, но люди, оказываясь, всерьез считают, что если фонд называется, скажем, «Золотой запас России», то ему принадлежит все золото страны, или, по крайней мере, он имеет какие-то привилегии при операциях с золотом. Между тем это обычный фонд, и к золоту он имеет отношение такое же, как и любой другой, не больше и не меньше. Просто собрались несколько человек, открыли свой фонд и решили: «А назовем-ка его «Золотой запас России», все простофили будут наши». Ведь доверчивым гражданам в голову не приходит, что название фонд выбирает себе сам, никаких ограничений тут нет, так что называйте хоть алмазным, хоть яхонтовым. Подчеркиваю, что нет каких-то специализированных фондов, то есть фондов, которым законом положены какие-либо привилегии или льготы в том или ином виде деятельности. Поэтому,

выбирая фонд, не придавайте слишком большого значения тому, куда он собирается вкладывать ваучеры. Ведь направления инвестиций у всех фондов одни и те же. Не это главное. Главное, кто стоит во главе фонда, добились ли эти люди хоть каких-то успехов до того, как возглавили этот фонд. Это единственный критерий, которым следует руководствоваться при выборе фонда, других просто нет. Хотя мы и предлагаем вкладчикам «МММ-ИНВЕСТ» ряд льгот, в частности, скидки при покупке товаров, мы хорошо понимаем, что к нам придут те, кто верит «МММ». И пусть их не беспокоит: куда вкладывать ваучеры. Это наша забота. Так же, как и обязанность гарантировать прибыль при любых условиях.

— А это заявление, извините, не рекламный трюк?

— У «МММ» достаточно денег, чтобы заниматься рекламой своих программ без всяких трюков. И в данном случае я не рекламирую «МММ-ИНВЕСТ». Наоборот, говорю сегодня о вреде недобросовестной рекламы, которая может подорвать доверие людей к великому делу — приватизации. И призываю всех граждан, кто еще имеет на руках ваучер: будьте осторожны и осммотрительны. Не уподобляйтесь известному персонажу из сказки «Золотой ключик», зарывшему свои денежки на Поле чудес.

— И все-таки, каковы основные направления ваших инвестиций, акции каких предприятий вы уже приобрели?

— Как я уже говорил, стратегические направления у всех фондов одни и те же: недвижимость, нефть, цветные металлы, наиболее прибыльные предприятия легкой промышленности. Из последних наших приобретений отмечу крупные пакеты акций гостиницы «Минск», Останкинского мясокомбината, а также сравнительно некрупного, но крайне перспективного московского предприятия — деревообрабатывающего комбината № 9. Кроме того, наш фонд единственный из чеховых инвестиционных фондов, кто смог приобрести контрольный пакет акций Колымской золотопромышленной компании. Как

видите, некоторые тактические отличия от работы других фондов уже начинают проявляться. Пока они незначительны, ведь гонка только началась, но чем дальше, тем это будет заметней. И это естественно, ведь участников много, а до финиша доберутся только единицы. Можете не сомневаться, мы будем одними из первых.

— Что вы можете сказать по поводу последних событий в Верховном Совете России, в частности относительно проекта введения именных приватизационных чеков?

— Если это произойдет, последствия будут катастрофичны. И главное здесь даже не в тех колоссальных проблемах, которые неизбежно возникнут: усиление социальной напряженности в обществе, банкротство чеховых инвестиционных фондов, огромные чисто технические трудности, связанные с одновременным открытием такого количества именных счетов, и так далее. Все это, конечно, так, но, в конце концов, и идея приватизационных чеков имеет массу недостатков, и дело тут вовсе не в том, какой проект лучше. Просто идея ваучеризации, именно ваучеризации, а не приватизации как таковой, является чуть ли не единственной затеей властей, в которую люди, наконец, начали верить. Вспомните, в начале, слово «ваучер» никто правильно выговорить не мог, а сегодня торговки на рынке спрашивают, каковы направления ваших инвестиций. И если ваучеры отменят, то доверие государству будет окончательно подорвано. Идею именных приватизационных фондов, по-моему, вообще никто всерьез не воспринимает: сегодня чеки, завтра счета, послезавтра еще что-нибудь придумают. Наше государство никак не может понять простой вещи: думать надо при определении правил игры, после того как правила игры согласованы, менять их нельзя, даже если очень хочется. В противном случае вы рискуете остаться без партнера.

Беседу вел Ю.НИКОЛАЕВ

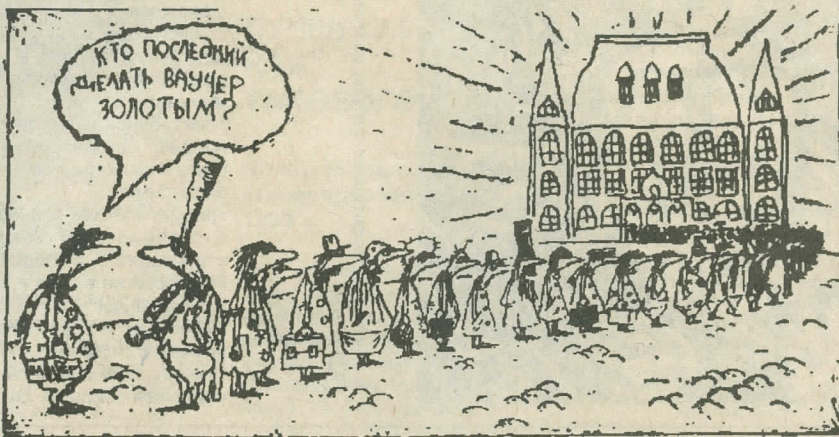

Рис. А. Зайца

ИЗ ДНЕВНИКА В.

Анри Матисс. Живопись. Рисунок. Декупажи ГМИИ им.Пушкина при участии Государственного Эрмитажа и Национального центра искусства и культуры имени Жоржа Помпиду (Париж)

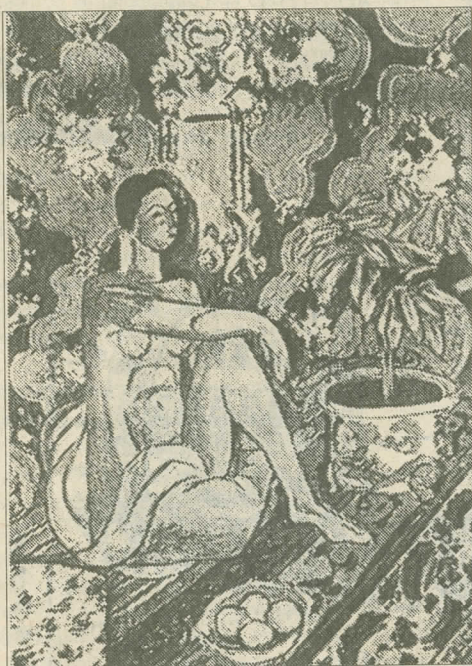
Из Сандунов (1500 руб. за вход) — на Матисса (150 руб.).

И запотевшие глаза сразу

А.Матисс. Склонившаяся на руки, 1940

прочистились! И захотелось раскрыть parasol. Но не захотелось надеть солнечные очки. В сандуновский солярий (3000 за полчаса) не пошли, но согрелись и душевно загорели в Пушкинском. Матисс — солнце, на которое можно смотреть без слез, подставляя ему лицо, жмурясь, блаженно улыбаясь, с незримым листиком на носу. Это я описываю девушку в матиссовски-пестром платке,

А. Матисс. Декоративная фигура на орнаментальном фоне, 1925—1926

балдеющую возле «Красного ателье» — единственной картины, привезенной из Америки. Единственной — потому что страховка за картины из частных американских собраний была назначена умопомрачительная. Обидно, да? Ньюйоркцы ведь погрелись прошлой осенью возле наших, жукинско-морозовских, русских матиссов — самых лучших матиссов в мире! Зато французы были щедры, показали нам 18 живописных работ и чудные декупажи (они же «аппликашки»). Повторяя глазами путь ножниц мастера, я вдруг поняла, что время — орнамент из лун и солнц, из облаков и лиц... О чем бишь? — о французах, о семи миллионах франков от Фонда «Эльф» и изданных им каталогах, которые, правда, не успели привезти на вернисаж, поэтому на халяву удалось послушать только отличного, еле различимого за шумом в зале, пианиста А.Мельникова и министра культуры Е.Сидорова. Зато я видела на вернисаже Лидию Делекторскую, музу и модель Матисса, и потом, в зале рисунков, сразу и везде ее узнала. И так и села на банкетку — думать колодезную мысль: все это было только что...

В.П.

Е.Козелькова и Г.Клёнова в спектакле «Маркиза де Сад»

ПОПЫТКА ПРОПИСАТЬСЯ В СТРАНЕ ПОРОКА

«Маркиза де Сад» Московский театр «Модель», реж. А.Ледуховский

Этот спектакль, несмотря на все свои достоинства (или же благодаря им), является анахронизмом: печать радикализма 60—70-х слишком уж выпирает на тщательно отшлифованной поверхности представления. Анатолий Ледуховский учел все, на что ему давала право пьеса, и кое-что сверх того. Спектакль как череда тщательно сформированных картин, созданных сочетанием интенсивных цветных плоскостей и статичных, фронтальных актерских силуэтов, — это понятие, идущее из 60-х, от западного авангардного театра, а в более тесном приближении — от Романа Виктюка, воплощено режиссером почти безупречно. Черные и багрово-алые тона оформления и костюмов, стилизующих моду рококо (худ. Я.Кушневская), в сочетании с конкретной и минималистской электронной музыкой придают сегодняшнему спектаклю характерный вид эксперимента тридцатилетней давности. Это, в некотором смысле, стилизация стилизаций. Режиссер не забыл и о национальности автора — Ю.Мисимы. В спектакле штрихом, отсылающим к Японии, стал самый скучный персонаж пьесы — служанка,

воплощающая «народ». Ее застывшее лицо, покачиваясь, осеняет многословные излияния и перепалки основных, знатных, героев, всякий раз заставляя струну опасности, и без того напряженную, дребезжать чуть слышнее. «Порок — это целая страна, в которой есть абсолютно все», — говорит одна из героинь пьесы — распутная графиня, и создатели спектакля, похоже, хотели бы под этим подписаться. Однако было бы наивно думать, подобно склонному эпатировать смиренных японцев Мисиме, что в этой стране можно получить гражданство наравне с де Садом.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

НАГЛЮКАВШИСЬ

«Стреляющие ангелы» Совместное пр-во России и Болгарии, реж. В.Штерянов

В аннотации жанр фильма определяется как «фантазмагория с элементами чертовщины», но правильнее будет сказать — с элементами галлюциноза, поскольку в картине намешано черт-те что: граф Дракула, Великий Инквизитор, Люцифер, Смерть, скульптор, пытавшийся изваять Бога, но вместо этого изваявший повелителя тьмы, сын скульптора и его двойник-искуситель, он же крестный отец окрестной мафии, а также две девушки неведомого происхождения. Все это двигается, комикует

и серьезничает, исчезает и появляется безо всякой логики, а единственно по режиссерской наводке из-за кадра. Поскольку постановщик-дебютант небесталанен, но пока без царя в голове, осматривать эту кунсткамеру временами любопытно, но утомительно — по крайней мере до тех пор, пока пытаешься мысленно упорядочить этот бардак. Можно, конечно, смотреть фильм как клип, хотя, согласитесь, полуторачасовой клип — это даже не перебор, а беспредел. Остается добавить, что роль godfather'a выразительно сыграл Степан Михалков, будто в туманном зеркале повторивший жесты и интонации своего знаменитого отца, а после премьеры в болгарском посольстве закатили прием, временно изгладивший из памяти не только недостатки картины, но и ее самое.

Виктор МАТИЗЕН

СОЛО ДЛЯ ПЬЮЩИХ И НЕПЬЮЩИХ

Александр Володин:
«Записки нетрезвого человека»
«Дилброк»,
Санкт-Петербург

Вот и седоголовый живой классик Александр Володин после шумного бенефиса гласности общего пользования дождался скромного явления гласности персональной. В серии «Петербургское соло», объявившей себя приложением к литературному альманаху «Петрополь», опубликован сборник володинских «мыслей врасплох» под авторским названием. Что выгодно отличает эту тоненькую и почти неприметную на вид брошюрку от другой, не менее тоненькой, вышедшей некогда в библиотечке «Огонька», где пугливая редакция превратила нетрезвого человека в несерьезного. Нет уж, позвольте. Он в высшей степени серьезен, этот человек, когда вспоминает о

внезапном приступе тошноты на приемных экзаменах, восторгается дамами или подтрунивает над собой. Впрочем, он всегда подтрунивает над собой. Только его серьезность не мелочна и не самодовольна. Он так талантливо нетрезв, этот человек, тихо и стойко протестующий против трезвого и расчетливого времени. Не претендую на выгодное место в застекленном шкафу, володинские «Записки...» позволяют повсюду носить их с собой в кармане, с тем чтобы иногда доставать их оттуда и открывать наугад: «Счастье — пустынное слово среднего рода». Однако зачем экзemplяров всего две тысячи и тем более зачем сто пятьдесят из них пронумерованы (по поводу этого неоправданного и элитарного жеста сам Володин, думаю, испуганно недоумевает), никак не возьму в толк. Как быть остальным нетрезвым людям, которых несколько больше? Как быть скучным трезвенникам, которым не вредно провести время в хорошей володинской компании?

Дмитрий САВЕЛЬЕВ

О ТОМ, ЧЕГО НЕ ЗАМЕТИЛА СТОЛИЦА

Международный фестиваль российской музыкальной школы

Ливни этого лета окончательно превратили Москву в столицу третьего мира — уже по климату: на пустырях пальмами разрослись растения семейства зонтичных, а японские, тайваньские и китайские зонты не спасают, как известно, ни от чего. Распространив азиатский колорит и на Подмоскovie, Дом творчества композиторов в Рузе заполнили хорошенькие (и не очень) корейские студентки, внимающие профессорам консерватории имени юбиляра этого года. А Концертный зал имени того же юбиляра на один вечер превратился в красный уголок на тысячу шестьсот мест — для спевки тех же

куколок-корейнок. Это корейское нашествие все-таки говорит о том, что хотя бы для них мы остаемся столицей «первого» музыкального мира. И скепсис тут пока что неуместен: мастер-классы действительно проводили мировые и столичные знаменитости — Ирина Архипова, Николай Петров, Юлиан Милкис, Валерий Попов и др., и два больших концерта дали тоже они. Однако грядки с гниющей морковкой и телевизор, если не считать других важных дел, оказались милее ленивым взорам московской публики, по-видимому, чем-то сильно пресыщенной. Хотелось бы знать — чем?

И.Л.

главный редактор В.Кисунько. Единственное, что нравится в журнале от начала до конца, это — оформление. Чудесное оформление на чудесной бумаге. Именно в такой последовательности. Макет Елены Селивановой и неожиданная, даже авангардная, верстка: причудливое смешение черно-белых и цветных иллюстраций, отвлеченные, казалось бы, от текста рисунки — журнал вертишь в руках, как красивую игрушку. Все остальное — спорно. Так и должно быть. Однако спорно по содержанию, а стилистическое качество текстов говорит о том, что они подбирались тщательно и пристрастно. Такие

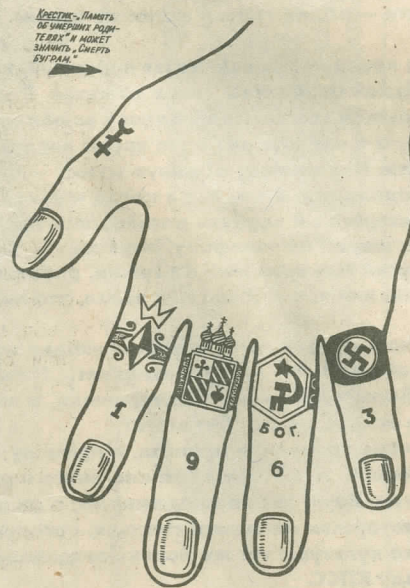

Иллюстрация к статье о киче в журнале «Телерадиоэфир»

ЛУЧШЕ ЭФИРА КАК ТАКОВОГО

Международный журнал «Телерадиоэфир», № 1, 1993

Этот номер вышел после двухгодичного перерыва, и его вполне можно расценивать как новый журнал — от прежнего остались лишь рожки да ножки, то есть название и

журналы долго готовятся к печати, поэтому об оперативности информации речи быть не может. Остается либо рассуждать на «вечные темы», либо... опережать события: так, только успела Т.Чередниченко посоветовать на качество программы «Добрый вечер, Москва!», как та практически самоуничтожилась. Впрочем, в любом случае «Телерадиоэфир» лучше эфира как такового.

Эдуард ДОРОЖКИН

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

ПОРТРЕТ БЛАГОПОЛУЧНОГО ЧЕЛОВЕКА

ИЛИ О ПОЛЬЗЕ БОРОДЫ

Он родился на Дону, на хуторе с названием Ольгенфельд — Ольгино поле, а вырос на Украине, в селе, называвшемся Русская поляна. Недавно обнаружил, что Дмитрий Мережковский по своим корням тоже происходит из малороссийской «глубинки» и первоначальная его фамилия — Мережко. Сам Виктор Мережко, чей прадед не представлялся ко двору и потому не добавил к своей фамилии цокающее «-ский», стал писателем, поработав инженером в Ростове-на-Дону, потом окончил ВГИК и с той поры живет в Москве.

Он написал сценарии около сорока фильмов, уже пятый год ведет «Кинопанораму» и достиг небывалой для своей профессии популярности — его не только знают по имени, но и узнают на улице.

Он коварен — заманивает простотой, тривиальностью и даже житейской пошлостью своих сюжетов. Судите сами:

— сельская «соломенная вдова» влюбилась в нового участкового, а к ней как раз в это время вернулся муж...

— Катю Никанорову обманул жених — привез на вокзал, попросил подождать, а сам сел в поезд и уехал...

— ресторанный «лабух» развлекался тем, что разыгрывал незнакомых людей по телефону, пока не...

— Сергей Макаров жил не тужил, работал не работая, влюблялся не любя, а в сорок лет понял, что жизнь прошла бездарно...

— слишком уверенной в себе женщине позвонили на работу и сообщили, что муж ей изменяет... Не хватает только классики: «Вернулся муж из командировки, а жена...» Но и это тоже у него есть. А как же без этого?

Он очень коварен — написал, к примеру, в 1978 году сценарий «Машина», который Госкино резко и справедливо отвергло за идейную неблагонадежность, а он его переделал в пьесу «Пролетарская мельница счастья», которую наивное Министерство культуры тут же порекомендовало ставить в театрах к XXVII съезду КПСС.

Он невероятно коварен — рассказывает лучшей (и большей) половине кинозрителей о лучшей (и большей) половине человечества, и его ключевое слов — женщина: «Одинокая женщина желает познакомиться», «Женский стол в Охотничьем зале». И даже: «Я — женщина». Но вообще-то он — мужчина.

Он может смело говорить, благодаря своему коварству: «Я не написал ни одной конъюнктурной вещи. Я — мелкотемщик». Или еще смелее: «Я хорошо пишу».

Он действительно хорошо пишет. Первую картину по его сценарию «Здравствуй и прощай», снятую двадцать лет назад, показали недавно по ТВ. Она хорошо смотрится и сегодня, хотя там всего-навсего актриса Людмила Зайцева талантливо не хочет любить Михаила Кононова, а любит Олега Ефремова. А одна из его последних картин «Под небом голубым» не так давно получила два приза в Венеции.

Он все-таки слишком коварен — надевает бороду, очки, спокойный голос, становится непроницаемым и спрашивает располагающим тоном врача-психотерапевта: «Что вас привело ко мне?» — так что поневоле становишься «ответчиком» и мямлишь:

— Меня интересует тема человеческого благополучия — часто приходится встречаться с людьми, достигшими в этом смысле высокого уровня: и внутреннего комфорта, и внешнего...

— Это разные вещи. Можно быть нищим и испытывать душевный комфорт. Или быть богатым — и ничего не испытывать.

— Но это же из области общих мест. Их придумывают литераторы и драматурги. А общее место, придуманное жизнью, другое: все, слава богу, связано — и талант, и успех, и быт, и деньги, и покой в душе. На помойке душевный комфорт может обрести разве что какой-то вывернутый человек. Вы такого впечатления не производите.

— Знаю. И мне это нравится. Никто не поверит, что я когда-то, живя в Москве без прописки, ночевал в лесопосадках. Хотя такое было.

— Это у вас врожденное или приобретенное имидж?

— Сейчас это стало моей сутью. А когда-то я себя подгонял под придуманный мною же образ.

— Зачем?

— Если Чехов писал о рабе, которого надо из себя выдавливать, то я выдавливал — хама. Раб может быть разным, но хам — всегда раб.

— Ваша работа — это способ выдавливания?

— Не только. Это еще и вид исповеди.

— Почему же вам во все времена сопутствовал успех?

— А я не знаю.

— А я — не верю.

— Потому что люблю работать.

— Но это не повод для успеха у других.

— Наверное, хорошо пишу.

— Наверное. Однако сколько существует «охотничьих рассказов» о том, как многие хорошо писали, или снимали, или рисовали, но это было никому не нужно. А вы были нужны всегда.

— Ну есть же такое понятие, как судьба. А потом — я всю жизнь писал «мелкую тему» — про простых людей и их простые чувства.

— Вы эту тему действительно так оцениваете?

— Нет, конечно. Если бы я всерьез думал, что пишу о мелких, никому не нужных вещах, то повесился бы. Я прекрасно знаю, что эти темы — единственное, что важно, что не стареет и останется всегда.

— Для чего же вы недавно ударились в «Кремлевские тайны XVI

Он коварен — заманивает простотой, тривиальностью и даже житейской пошлостью своих сюжетов...

века?»

— Хочется же что-то новое попробовать. Я никогда не писал по литературным произведениям экранизаций и Борис Бланк меня уговорил. Сценарий был о последнем дне Ивана Грозного. Но в фильме далеко не все получилось: многое зрительно усложнено, укрупнены эротические сцены и вообще слишком много грязи — в прямом смысле слова — выплеснуто на экран. И я понимаю, почему эта картина не нашла своего зрителя, хотя на премьере в Доме кино яблоку некуда было упасть. Это продукт самовыражения двух людей — режиссера и сценариста. Это кино не про человека, а значит — не для человека. Попросту говоря — выпендрож. Я себе позволил такое пару раз. Больше не буду, не хочу над собой экспериментировать. Снова начал «мелкую тему» писать — для Андрея Кончаловского, для Павла Лунгина.

— С Кончаловским я беседовала год назад: меня поразила его деловитость — он давал шестое интервью за день, полчаса в ритме пинг-понга, — а вечером, посмотрев «Ближний круг», подумала, что блестящий западный профессионализм «съел» в нем что-то...

— Совершенно не согласен с этим. Я с удовольствием учусь у него этому профессионализму. В Америке он прошел фантастическую школу на выживаемость. Там можно, конечно, банки пивные сдавать, но, если хочешь иметь работу, которая тебе по душе, надо работать больше чем 24 часа в сутки. Для него главный смысл жизни в работе. И у него потрясающая требовательность к себе и другим. Обаяние, ум, образованность. А что вы улыбаетесь — это редкие качества, особенно если все вместе. Просто Андрей, скорее, по натуре человек не импульса, а четкого плана. Вот Лунгин — иной, для него важнее интуиция, фантазия, но, пожив во Франции, он тоже начал проявлять западную организованность. Конечно, он по-прежнему и любит, и позволяет себе покайфовать во время работы — чайку попить, поговорить... Андрей этого не любит.

— Как — ни чаю не пьют, ни разговоры не разговаривает?

— Он предлагает: давай найдем часок просто так поговорить...

— Вам наконец повезло с режиссерами. До этого, кроме Михалковской «Родни», и не вспомнишь, кто ставил ваши картины.

— А «Полеты во сне и наяву»?

— Да, Балаян, конечно, режиссер с именем. А кто снял «Прости»?

— Ясан Криштофович — «Одинокая женщина» желает познакомиться», Трегубович — «Уходя — уходи»... В общем — то вы правы — ведь картин более сорока. Видите, съемочные хлопотки висят — тут почти все, а я сам не могу иногда вспомнить, что за фильм. Но отсутствие имени — это не только вина режиссера. Виталий Дудин, например, снял две хорошие картины по моим сценариям. «Под небом голубым» даже на Венецианском фестивале очень хорошо прошла, но ее нет в прокате.

— Куда же она делась?

— А бог ее знает. Куда у нас все девается?

— Вы — председатель правления

Дома кино, ведущий «Кинопанорамы» — задаете этот вопрос мне? В ваших руках достаточно рычагов, чтобы хотя бы с вашими картинами такого не случилось.

— Никаких рычагов сейчас нет ни у кого. А если бы я даже набрался наглости рекламировать в «Кинопанораме» свои фильмы, то никакого толку от этого не было бы. Наши фильмы прячутся сознательно, чтобы освободить экран для американской продукции группы «Б», сделанной для стран «третьего мира» — Африки, Лаоса, России...

— Зачем же американскому кино наш зритель?

— Как это зачем? Пока Франция спит, Италия торгует, Англия возносится в собственном величии, а немцы перестраивают ГДР, Америка хочет, чтобы весь мир смотрел только на нее. Идет настоящая война культур. Бразильская и мексиканская жвачка по телевизору — это еще полувойна с нашей культурой, а война — это «Санта-Барбара» и MTV, американская бульварная литература, десант проповедников на стадионах.

— Кто же должен стать грудью на защиту отечества?

— Самая высокая власть в стране, прежде всего. Они создают десятками партии, чтобы стать президентами, не понимая, что главная партия, работающая на будущее, — это партия культуры. В этом смысле я — горбачевец. Он был болтлив и не умел слушать, но что — то предпринимал в этом направлении.

— Да разве Клинтон занимается проблемами американской творческой интеллигенции и кинопроката?

— Конечно, Клинтон не собирает совещаний, чтобы решить, как бы побыстрее забросать Воронежскую область боевиками и мелодрамами. Но задача показать миру, какая исключительная страна Америка, перед ним стоит всегда. Кино и телевидение — это же удивительные рычаги воздействия на весь мир. И то, что американская кинематография самая богатая в мире, — результат мудрой, жесткой и в деталях продуманной политики.

— Выходит, что один из рычагов — «мыльная опера». Вам не хочется написать для нее сценарий?

— Хочется. Я для этого — идеальный автор, потому что могу придумать простой сюжет о том, как Вася любит Катю, а Катя, наоборот, — любит Петю. Но к этому надо относиться очень серьезно. Все попытки, которые делают сейчас, — это полупрофессионализм. Года три назад я увидел, как это делается в Америке, и очень захотел этим заняться. Но тут прежде всего нужны большие стартовые деньги — Эдуард Сагалаев на своем 6-м канале пытается их найти.

— У вас так много работы, а вы еще и от сериала не отказались бы. Легко истории придумываются?

— Легко.

— Это профессионализм или от бога?

— А все от бога, и профессионализм тоже. Разве мой стиль жизни или мой имидж, как вы говорите, благополучного человека — не от бога?

— А ваших героев, похоже, бог обделил. Это люди неблагополучные. Драма — это всегда конфликт. Хотя вы пишете так называемые комедии. Почему

же в них всегда есть оттенок безысходности?

— Это традиция русской литературы: Чехов писал пессимистические комедии. Вот у американцев — другая традиция: как здорово жить и как приятно побеждать зло. У нас: как тяжело жить, когда вокруг зло, и как иногда из — под него удается вырваться. Если русский человек пытается следовать американскому девизу — «say: cheese» («скажи: сыр», т.е. улыбайся), — выходит глупость. А им зато не понятно, почему мы все время ноим.

— Вы — то не ноим.

— У меня все хорошо.

— Тогда скажите: cheese.

— Скажу — у меня выросла дочь,

растет сын, прекрасная семья, отличная мастерская, я живу здесь и не собираюсь уезжать. В моей стране делается история, и мне нравится придумывать истории в этой стране.

— Будто в другой этого гелатинельзия?

— Можно. В Париже я три недели только работал и спал. Но — не жил, хотя, конечно, что — то посмотрел, что — то попробовал. И мне это сидение по 12 часов за машинкой доставляло какое — то мазохистское удовольствие: за окном Париж, а мы с Лунгиным сценарий пишем. Конечно, я знаю, что здесь уже почти все видел, но хочу быть здесь. Пусть улицы загажены, пусть «качки» мордобой по вечерам устраивают, пусть Хасбулатов по телевизору врет — это моя жизнь. Очень интересная для меня, и я хочу, чтобы она стала лучше. Вместе со мной. Я не могу сказать это сочным, жизнерадостным голосом — тембр другой, — но я не грущу оттого, что здесь живу.

— И раньше не грустили?

— Конечно. Между прочим, до перестройки я был просто богатым человеком. После Володарского —самым преуспевающим сценаристом: у меня на книжке было 120 тысяч рублей, а автомобиль, если помните, стоил семь тысяч. Но я эти деньги заработал. Другим было, наверное, и легче, и труднее: была гарантированная жизнь, гарантированное безделье и гарантированный минимум оплаты. Теперь — либо свалишься в грязь, в кювет, либо выкарабкаешься. Я всю жизнь хотел выкарабкаться и делал для этого все. По — моему, это — главная задача для каждого.

Интересно, почему такой человек постоянно пишет о людях, не выкарабкавшихся, не реализовавшихся: создает дисконформ на бумаге, чтобы избавиться от него в жизни? Если так, то это руководство для недовольных собою. А кто собой доволен? Может, кому — то по этому интервью покажется, что таков драматург Виктор Мережко. Не верьте этому впечатлению. И я не верю. Просто у одних наработанный имидж — как яичная скорлупа, а у него — как у грецкого ореха. Поди расколи. Он и сам этого уже, возможно, не сумеет. На «гамский» вопрос, не прячется ли он за свою бороду, Мережко ответил:

— Это не маска, а неотъемлемая часть моего лица. Я уже лет двадцать пять «при бороде», а не она при мне. Меня без нее даже за границу не пропустят: на всех документах она со мной.

Денис ГОРЕЛОВ

КОНЕЦ ИНТЕЛЛИГЕНТА

запечатлел А. П. Чехов в 1897 году,
а С. А. Соловьев — почти
сто лет спустя

Направо пойдешь — коня
потеряешь.
Прямо пойдешь — себя
потеряешь.
Налево пойдешь — грохнут.
«Что за комиссия! —
думает победитель —
интеллигент, удрученный
нуждой и всеобщим
говнодушием. Погорюет —
погорюет да и тронется:
частью направо — делать
деньги, частью налево —
делать революцию. В
лучшем случае спивается.
Чехов и Соловьев застали
интеллигента на
перепутье. Их третье
совместное детище
называется «Дядя Ваня» и
идет в Малом.

*Толстой, смущенно одергивая
грязную толстовку и грассируя,
любил подолгу говорить перед
крестьянами о гуманизме и граж-
данственности. Крестьяне его
очень любили за это, брали деньги
в долг и называли Левой.*

Приписывается Хармсу

Чехов написал скучную пьесу.

Соловьев поставил по ней скучный
спектакль.

При этом оба точно уловили
настроение современной каждому
интеллигенции:

Рассолу!

У интеллигента, добившегося
успеха в деле бескровного освобождения
народных масс, дико портится характер.
Это объяснимо. Других дел, кроме
освобождения, исцеления и просвещения
народа, у русского интеллигента нет. И
теперь его миссия исполнена. Рабство
пало по манию царя, народ здоров, знает
таблицу умножения и благодарен
избавителям: при случае норовит
запустить в интеллигента тапком,
приволоочь к приставу или задавить на
красный свет. Можно пить чай из
блюбочка и кушать в гамаке крыжовник,
пока не пришел лесник и не погнал
поганой метлой.

«А как же я?» — жалобно
попискивала студентка в финале фильма
«Разные судьбы».

А никак. «Вали, телехенция, откель
пришла», — говорилось в пьесе М.
Шатрова «Синие кони на красной траве».
Освобожденные каторжники долго
кадали в Дон — Кихота камнями.

И западный опыт не вдохновляет:
там вместо интеллигенции средний класс,
относящийся к своему делу
исключительно как к способу
зарабатывания денег. Как писал Алексей
Тарханов в замечательной статье
«Скучная любовь» о том же, о чем у
Чехова «Дядя Ваня»: «Где любовь, где
радость, где веселье? Осталась одна
служба».

Вечная, между прочим, печаль
чеховских докторов: так мечталось
оборонять народ от эпидемий, а теперь
так не хочется вставать по ночам ставить
очередному идиоту клизму. Печаль
усугубляется истиной, неизбежно
открывающейся всякому интеллигенту,
потерявшему вкус к своему делу: в стране,
только что сбросившей цепи рабства,
заниматься свободными интеллигент-
скими профессиями может только
блажной. В том смысле, что денег за это
не платят. Это знание не прибавляет
интеллигенту оптимизма, поскольку труд
и общество грязных мужиков его
страшат, а пить чай по — прежнему
хочется с сахаром.

Перспективы смены профессии
на нечто более копательно — уважаемое
обычно приводят к стыдным вопросам: а
чем моя — то нехороша? Ну неужели?
Как же они без меня? Как без портфеля —
то? Вопросы, надо отметить,
справедливые — однако же и на грабли
и м наступать не впервой, и право
существования о н и признают за
интеллигенцией лет через сорок, когда
окончательно всех уморят либо выгонят
«Примой» торговать да корпию дергать;
первыми, как обычно, реабилитируют
докторов, у которых результат самый
скорый.

Пока же складывается парадокс,
когда в самый момент разочарования в
своем деле человека начинают посещать
нудные мысли о вечном, о следе на земле
и о смысле жизни. Тем более нудные, что
трезвый взгляд победившего
интеллигента сдувает романтический
флер с вылеченного от запоя конюха,
которого год спустя задавило веялкой.

«Дело надо делать!» «Мы будем
работать, ох как работать!»

Ну да. Мы поедем, мы помчимся
на оленях утром ранним.

Свобода пришла, а счастье — нет.
И первый раз в жизни некого винить.

Интеллигенту приходится
признать, что издаелека общественное
благо представлялось куда более
солнечным, а свое собственное участие
и доля в нем куда менее умеренными.
Персональный успех оказался ограничен
узким кругом братьев по классу, из
которого никуда не выпрыгнешь без
песни «Крошка моя» — но в котором и

Фото В. Плотникова

так один пошляк, другой пень, а третий пустозвон. «Мужики однообразны очень, неразвиты, грязно живут, а с интеллигенцией трудно ладить. Она утомляет. Все они, наши добрые знакомые, мелко мыслят, мелко чувствуют и не видят дальше своего носа — просто — напроsto глупы. А те, которые поумнее и покрупнее, истеричны, заедены анализом, рефлексом... Эти ноют, ненавистничают, болезненно клеветают, подходят к человеку боком, смотрят на него искоса и решают: «О, это психопат!», или: «Это фразер!» По достижении потолка в своей тусовке человек со всей очевидностью сознает, что подняться выше он сможет, только опустив окружающих, — отчего становится желчен, нервен и деланно насмешлив.

Последнее иногда действует на

женщин.

Как следствие, на руинах социального рая с новой силой разыгрывает мысль семейная (хоть в детях воплещусь! о-го-го! они будут счастливее нас!) — однако обостренный несчастьями и скукой ум интеллигента требует себе в спутницы не только прислугу и самку, но и остроумную собеседницу, а совмещать три эти ремесла во всем мире удастся только соседской жене. Раздосадованному интеллигенту (который и сам далеко не всегда разом обаятелен, состоятелен и интересен) приходится мириться либо с умной мегерой, либо со смазливой кривлякой — дети от таких браков получают пребезобразные. Первый из вариантов многократно описан у Толстого в «Войне и мире», второй — у Чехова в «Трех сестрах». Издалека горячо

сочувствую равно младшим Безуховым, Прозоровым и Ростовым.

Однако герои «Дяди Вани» «Войну и мир» уже лет двадцать как прочитали и выводы сделали. Астров, вместо того чтоб ответить на Сонины чувства, запивает горькую и фиглярствует. Войницкий все же ищет взаимности у чужой жены и думает — как бы мы с ней, да вдвоем... Дальше он додумать не в состоянии, и слава богу, пусть потешится. Дальше они вдвоем сидели бы за миской с крыжовником и ныли, что жизнь не удалась. И это было бы гораздо омерзительней, чем в одиночку, ибо нудеж человек прощает только себе любимому.

В общем, некуда идти. Некуда простирать длань, с надеждой вглядываясь во тьму над головами зрительного зала. Чтение только умножает скорбь, ибо связывает разрозненные неурядицы в еще более неприглядную картину. Путешествия дороги, и пищу для ума дают ненадолго. «Семья — ералаш, а знакомые — нытики, сплошной карнавал мелюзги, от службы, от дружбы, от прелой политики безмерно устали мозги», — писал Саша Черный почти в одно время с «Дядей Ваней».

Рвануть разве что на какую-нибудь местную национально-освободительную войну, чем в свое время тешил измаявшуюся в одиночестве душу интеллигент Рудин, а нынче — интеллигент Лимонов!..

Одно осталось чеховским и соловьевским интеллигентам: собраться рядком ноченькой темною — несытым, ненужным, отверженным — и заиграть с бодуна и неуютю хороший мощный рок-н-ролл: «ЛИСН ЭВРИБАДИ!» Сушайте, козлы вонючие!

Ан поздно. Сам ты уже — Эврибади Ионыч. Не мальчик — дядя.

В финале спектакля на крышу дома Войницких падает снег.

P.S. Досмотреть эту нуду до конца не было никакой моей возможности. Доктор Чехов страдает тем же недугом, что и большинство зачихавших в гамаках интеллигентов: плевать он хотел на законы зрительского восприятия. Это пусть Островский вертится, интригу закручивает, в угольное ушко лезет — я свою горячую историю расскажу тихо, помно и обстоятельно.

P.P.S. Автор — умеренный атеист, поэтому любое возможное написание слова «бог» с прописной буквы просит считать произволом корректуры. В освободившемся обществе корректуры особенно набожны.

Анри ВАРТАНОВ

БОЛЬШЕВИКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Во многих вагонах столичного метро, на стеклах дверей в последнее время можно увидеть листовки с портретом некоей дамы, которая пророчесствует о наступлении 24 ноября Страшного Суда. Где-то я читал, что дама эта — в прошлом комсомольский работник и пророчествам ее верить не следует. Я и не верю. Хотя иногда мне кажется, что катастрофа наступит не в конце ноября, а значительно раньше. В следующем месяце. А может быть, даже через неделю.

К таким невеселым выводам я пришел, проводя многие часы каждодневно возле телевизора. Профессиональная обязанность смотреть все, что показывают по «ящику», в последнее время угнетает. Не потому даже, что ТВ стало средством увидеть воочию междуусобицу, кровь, страдания на просторах бывшей нашей страны, еще недавно такой мирной и спокойной. Конечно, репортажи из Абхазии, Нагорного Карабаха и Таджикистана, которые в течение июля каждодневно шли

по всем ТВ-каналам, оптимизма не прибавляли. Однако внимательный глаз мог заметить, что кадры эти, страшные сами по себе, не всегда были в достаточной мере информативными. Наше ТВ в большей степени, чем это принято в мировой телепрактике, использует в информации те «картинки», которые обозначаются термином «File» — архив, картотека.

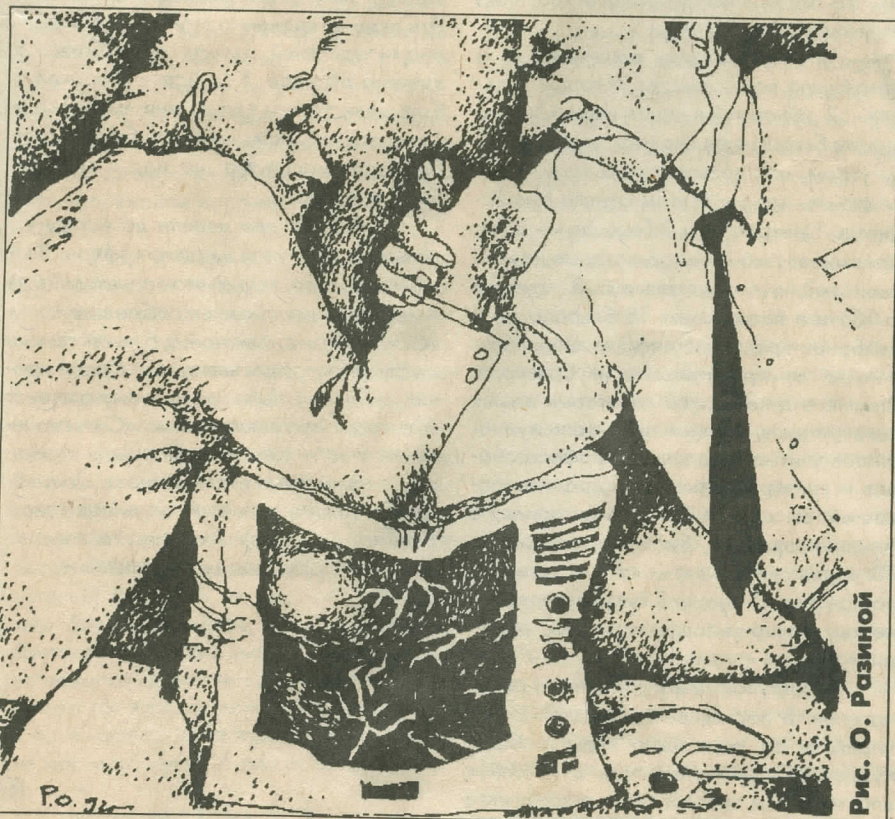
Не раз встречаясь с повторами уже виденных хроникальных кадров, я, признаться, списывал их появление в эфире на привычную нерасторопность тележурналистов. И на бюрократию, с которой надо долго согласовывать выезд группы на оперативную съемку. И на нищенские заработки репортеров, не стимулирующие их лететь сломя голову в самые «горячие» места. И еще Бог знает на что. Однако трагедия, случившаяся на 12-й заставе в Таджикистане, заставила меня по-другому объяснить увлечение «файлами». Это — просто удобный способ скрыть от зрителей правду, когда она

очень не выгодна для сильных мира сего.

О нападении на заставу ТВ рассказало, подложив под текст архивные кадры. Зрителей эта форма показа не покорила: понятно, что на границе не было в тот момент человека с камерой. Зато он был в отряде регулярных войск, которые пришли на помощь. И объективу камеры открылась страшная картина: полураздетые безоружные юнцы (арсенал был заперт, и они не успели им воспользоваться), окровавленные, рыдающие не стесняясь посторонних глаз. Производящий ошеломительное впечатление, далекий от пафосных реляций репортаж не был показан ни по одному из общегосударственных каналов. Лишь через десять (!) дней появился у А. Невзорова в «600 секундах». Не знаю, каким образом его удалось раздобыть: ясно, что сенсационную пленку пытались утаить, так как она звучала обвинением в адрес двух, по крайней мере, министров — безопасности и обороны.

Власти было угодно замолчать трагедию, вернее, придать ей определенное звучание. И ТВ с готовностью выполнило социальный заказ, сведя случившееся к небольшому пограничному эпизоду. Поэтому и оргвыводы из этой истории были традиционными: нашли «стрелочников», на них отыгрались и постарались как можно скорее обо всем забыть. ТВ не посмело, хотя бы в форме послесловия, возвратиться к грустному уроку — военным и политическим — кровавого конфликта.

Казенное бодрячество, деланный «благополучизм», столь характерные для доперестроечной поры, снова, кажется, возвращаются на телеэкраны. То под соусом «национальной гордости великороссов», то как ответ на призыв «не раскачивать лодку». Причем масштабы подобного «мудрого, государственного» отношения к происходящему иногда способны привести в умиление. К примеру, 18-й Международный кинофестиваль. В отличие от прежних семнадцати этот оказался на редкость скудным не только по финансовому обеспечению, но и по художественному составу. Пресса довольно единодушно вынесла по этому поводу свой приговор. Только ТВ,

имеющее, кстати, в своем составе немало специалистов по кино и даже особую студию кинопрограмм, в течение двух недель источало елей. А потом поддержало странное решение жюри, вызвавшее всеобщее недоумение.

Забавно было видеть на телеэкране вручение второстепенной европейской кинозвезде, захавшей к нам на несколько дней, почетного диплома с формулировкой «за посещение (!) Московского международного кинофестиваля». А все потому, что ТВ никак не может забыть о своем имперском прошлом, признать вырождение МКФ, зачислить нас в разряд второстепенных кинематографических держав. Ну и, наверное, сказались непосредственное участие в организации и проведении киносмотрa государственной структуры — Российского комитета кинематографии.

Впрочем, интересы той или иной государственной инстанции не всегда послушно соблюдаются на ТВ. Вернее, разделению властей нередко соответствует и разделение телеканалов. Радикальный демократ В.Брагин, присланный президентом руководить «Останкино» с целью «обеспечить победу на референдуме», с большевистской прямотой, достойной лучшего применения, проводит идеи социальной реформы. Я, как, надеюсь, и многие читатели, разделяя их, никак не могу принять те формы, в которые воплощена подчас телепрактика этой поддержки. В то же время формально подчиненный Верховному Совету канал «Россия» нередко «в приказном порядке» дает не только тягостные трансляции заседаний ВС, но и инспирированные им политические программы, исполненные откровенной конфронтации по отношению к исполнительной власти.

В июле телезрители стали свидетелями яростной схватки между противоборствующими сторонами. Президентское «Останкино» дало залп из трех передач в течение недели, которые доказывали наличие коррупции в созданном при ВС фонде «Возрождение». Главным козырем в их обвинениях был некий российский бизнесмен, в страхе перед арестом на родине пребывающий в Швейцарии и предъявивший пленку с записью таинственного телефонного разговора.

А Российское ТВ передало подробный репортаж, где по ходатайству генпрокурора первый вице-премьер правительства был лишен парламентом депутатской неприкосновенности с целью возбуждения против него уголовного дела по обвинению в коррупции. А затем по такому же поводу на глазах у всей страны

следователи той же прокуратуры совершили налет на офис ближайшего сподвижника президента.

Подобные обмены ударами ниже пояса, сами по себе неприглядные, носят откровенную цель опорочить политического оппонента. Они не только подтверждают постоянно воспроизводимую ныне в газетах и на экране расхожую мысль о том, что политика — грязное дело, но и воспитывают определенным образом аудиторию. Одни с легкостью воспринимают циничные уроки аморализма и приходят к выводу о том, что в нынешней жизни нет ничего святого. Другие, более совестливые, переживают духовный кризис и начинают разочаровываться в высоких принципах демократии. Действительно, сходство тактических приемов, а подчас и моральных критериев, у противников так велико, что у думающего зрителя возникает чувство безразличия и уверенность, что «оба хуже».

Стоит ли говорить специально, что в этой «битве богов и титанов» ТВ не посмело даже высунуть носа, ограничившись пассивной ролью транслятора взаимных оскорблений? Не было ни комментариев, ни, тем более, попыток встать над схваткой и дать ей моральную оценку. Пороки государственного ТВ тут сказались, как говорится, во всей красе. Характерно, что оно себя вело точно так же и в следующем раунде схватки, несмотря на то, что борющиеся стороны откровенно изменили свою тактику.

Я имею в виду нашушевшую и потрясшую все общество историю с денежной реформой в конце июля. Операция эта была проведена властями в субботу утром, что позволило на трое суток отключить прессу. В этом смысле руководитель Центробанка В.Герашенко даже превзошел гзачечистов, которые начали свои акции в понедельник. В течение субботы и воскресенья ТВ безропотно и покорно передавало информацию, полученную от правительства и банкиров. Вплотне в духе уроков некоторых наших телекритиков, которые призывали журналистов учиться у западных профессионалов и воздерживаться в программах новостей от каких-либо комментариев, в течение двух дней, будто замороженное, ТВ передавало одно и то же. Только в воскресных «Итогах» Е.Киселев прервал череду покорно-поддакивающего вещания.

Поступок тележурналиста примечателен. В последнее время его не раз упрекали за возникшую вдруг робость суждений, стремление петь в унисон с властями. Мы догадывались о конфликте

авторов «Итогов» с руководством «Останкино». Прошел даже слух, что журналисты собираются порвать с телекомпанией и создать свое независимое творческое объединение. Видимо, этот выпуск программы обозначал, что решение созрело и мосты сожжены.

На сей раз тактика борьбы властей изменилась. В отличие от грубой прямолинейности предыдущего раунда тут господствовали хитрость и умолчания. Каждая сторона выжидала, пока раскроется противоположная. Характерно, что почти все поспешили дистанцироваться от весьма непопулярных в обществе решений. Обе ветви власти с азартом искали инициатора свершившегося. В.Герашенко оказался неважным конспиратором и начал «сдавать» одного за другим своих высоких покровителей, несмотря на то, что они до того заявляли о своей непричастности к случившемуся.

Вместе с тем главный банкир страны, обычно велеречивый и любящий похвастаться на телеэкране (зрители хорошо помнят его разглагольствования насчет готовности отрубить руку, если будет проводиться конфискационная денежная реформа, — еще в пору, когда он работал под началом будущего гзачечиста В.Павлова), на сей раз выказал редкостную скромность и ни разу не появился в эфире. Эту возможность он оставил своим замам, которые косноязычно и bestолково объясняли дальновидность затеянного. Эти люди откровенно лгали перед миллионами зрителей, ничуть не заботясь о возможной каре. Как истые бюрократы большевистского толка, они чувствовали свою зависимость лишь от бюрократов большего масштаба: на нас с вами им было наплевать...

P.S. За две недели до истории с деньгами, выступая в прямом эфире, Владимир Познер, только что вернувшийся из Америки, делился с собравшейся в «Останкино» столичной публикой своими мыслями о разных материях. Среди прочих суждений было одно, показавшееся мне тогда несправедливым. «Словосочетание «честное правительство», — сказал он, — немисливо нигде в мире». Зрители одобрительно закивали, услышав такое. Видимо, они, как и их кумир-тележурналист, обладали даром предвидения.

Сергей ЧУПРИНИН

СЛУЧАЙ ЮРЬЕНЕНА

Что потеряла Россия, не прочитав «Вольного стрелка», «Нарушителя границы», «Девушек из Сталинграда», «Первой и единственной», а также других книг русского писателя, и по сей день живущего в Мюнхене.

Очень жаль, но о «случае Юрьёна» вынужден пока писать как о типическом. И основания, увы, несомненные: при всей нынешней раскрытости границ, при всей (приувыдавшей уже, впрочем) ажиотажности встречи метрополии с эмиграцией не только Сергей Юрьенен, но чуть ли не все писатели, чьи лучшие книги созданы на Западе, остались практически не услышанными читающей Россией.

Тут три барьера.

Многие, как тот же Юрьенен, до сих пор толком не напечатаны на Родине. А если напечатаны, то представлены так, как десятилетием раньше отважные советские издатели представляли публике, допустим, Ивана Баркова, — либо теми текстами, в которых он менее всего Барков, либо с грубыми цензурными выдирками, с пустотами и провалами именно в тех местах, где эмоциональное и художественное напряжение достигает своего максимума.

Второй барьер — вещь вышла, и характерная, и показательная, и без купюр (как юрьененовский роман «Сделай мне больно»), но где, но как вышла? Или книгой, тут же затерявшейся на лотках, или в малотиражном журнальчике «из новых», тогда как литературные репутации в России до сих пор формируются (и долго еще будут формироваться) журналами «старыми», престижными и академическими, строго отличающимися, что их (а следовательно, и высокой литературы, и взыскательных читателей) достойно, а что нет. Вот пример: Эдуард Лимонов, Юз Алешковский, Дмитрий Савицкий изданы едва ли не полными собраниями сочинений, и где же отзыв, где хотя бы тень литературного скандала, который, как казалось, не мог не грянуть? И грянул бы всенепре-

менно, появившись «Николай Николаевич» в «Новом мире», «Подросток Савенко» в «Юности», а «Ниоткуда с любовью» в «Знамени»...

Не появились. И появиться не могли. И тут мы касаемся третьего барьера, который можно было бы назвать барьером моральной цензуры. Дело в том, что сочинения Юрьенена и его товарищей по писательской судьбе, как правило, «непристойны». Дело в том, что снисходительная всетерпимость большинства нынешних журнальных редакторов обрывается как раз на этом — на брезгливом, едва ли не инстинктивном неприятии «грязного реализма», «секса ради секса» (чаще всего), табуированной лексики (это уж всегда) и, главное, — смещенности моральных акцентов, когда авторская позиция либо вызывающе непроявлена, либо с эпатажной оскорбительностью противоречит классическим заповедям. Сказанное относится отнюдь не только к прозе «третьей волны»: так, соединенными усилиями редакторов массовая аудитория была о г р а ж д е н а от прямого контакта с Владимиром Сорокиным, Евгением Харитоновым, Виктором Ерофеевым, Николаем Климонтовичем, Игорем Яркевичем, хотя эти «здешние» и «полуздесьние» писатели завоевали себе широкую популярность в корпоративно узких кругах критиков, снобов, чужеземных профессоров-славистов. И все-таки в первую очередь сказанное относится именно к писателям-эмигрантам, многие из которых, мнится, и за границей очутились едва ли не за тем, чтобы вдохновенно слагать оды пубисам и анусам, беспрепятственно толковать про поллюции, перверсии и инцесты.

Причем здесь вот что важно — редакторов-пуристов, редакторов-старо-

веров вполне можно понять. Каково, вообразите, в самом деле, засылать в набор то, что лично вам активно не нравится, то, за что перед детьми и соседями неловко будет? И каково — второй уже, а по значимости, вероятно, первый вопрос, — каково Сергею Залыгину или Вячеславу Пьецуху рисковать собственной писательской и редакторской репутацией, публикуя то, что литературно, может быть, и состоятельно, но заведомо вызовет протест, заведомо оттолкнет от журнала значительную часть его преданных читателей и почитателей? Недаром ведь пойдящая за последние годы редакционная почта, будто гейзер, начинает бурлить, едва по недосмотру проскочит в печать что-либо нескромное.

Так что не редакторы или, вернее сказать, не только редакторы повинны в долгожительстве моральной цензуры. Что редакторы? Они, если хотите, всего лишь невольники приличий, заложники общественного благонравия. Непрочитанность морально и словесно раскрепощенной «новой» прозы — прямое следствие того, что страна, оказывается, внутренне не готова к упразднению запретов, — та самая страна, что посмотрела уже «Эмманюэль» или еще что-либо в том же роде по кабельному ТВ, уже свыклась с домодежными «мистерами икс» и импортными «плейбойями» в подземных переходах, но от литературы и литературных журналов ждет по-прежнему сдержанности, целомудрия, такта, всего того, что могло бы служить как раз противоядием от нахальной рыночной вседозволенности.

Ничего не поделаешь. Даже и вполне либеральные, свободомыслящие (в остальных сферах) люди зачастую раздосадованно морщатся, обнаружив не в специализированном «СПИД-Инфо», не в бульварной брошюрке, а в серьезном, философского звучания романе, ну хотя бы вот такую, например, сценку:

«Поезд Дружбы набирал скорость, рука его смелость. Под юбкой были не колготки, а чулки — разъединенность наготы. Плотной и гладкой. Она, взяв в рот футляр сигары и покручивая им, никак не отъездалась — при том, что сеточка трусов намочла. Эта невосприимчивость подвигла его дальше — к немому изумлению. Она была не просто возбуждена, она была как после любви — и даже не с футляром со своим, с тем ослом таджикским. Два пальца, а затем и третий, как в банку с медом погрузились. Еще и в смысле, что оставалось место. Вскользнула вся ладонь, за исключением большого пальца, который вынужденно ей уперся в анус — в горячее и толстое кольцо. Лениво, позы не меняя, она привела в движение широ-

когорлый мускул. Ладонь сдавило, пере-
крещивая пальцы» (Сергей Юрьенен «Сде-
лай мне больно»).

Ну зачем, зачем все это? Неужели
же без этого нельзя было обойтись? — вот
типовая реакция, с которой не желают
считаться (и правильно делают) господа
сочинители и с которой вынуждены (иногда
вперекор своей воле) считаться господа
редакторы, пытаясь уже внутри текста,
обсуждаемого на предмет публикации,
провести разделительную черту, устано-
вить некий барьер приемлемости, далее
которого нельзя ни героиню раздвигать, ни
живописать науку страсти нежной, ни рас-
щевечивать сию науку анатомическими и
физиологическими подробностями.

Вернее, два р а з н о в ы с о к и х
барьера, поскольку в нашей стране по-
прежнему — как и при большевиках, как и
в XIX веке — несравненно большая сво-
бода живописаний признается за приходи-
щими в переводы западными авторами: у
них секс, увы, не отнимешь, тогда как нам...
Нам, говорят, он решительно ни к чему.
Нам, русским читателям, и намек доволь-
но, — мол, «шепот, робкое дыханье, трели
соловья...» — чтобы дообразить себе
всю картину. Нам, русским писателям, еще
и еще раз повторяют, хорошо бы на
бунинский «Солнечный удар» равняться,
где страсть, чувственность так и клоко-
чут, но полог тайны, если помните, опускается
в тот самый момент, когда герой и героиня
порывисто кинулись друг к другу и «оба так
иступленно задохнулись в поцелуе, что
много лет вспоминали потом эту минуту:
никогда ничего подобного не испытал за
всю жизнь ни тот, ни другой».

Хочется согласиться, тем более что
рассказ у Бунина действительно замеча-
тельный. Но вот беда: лет пятнадцать
спустя Иван Алексеевич заново переписал
сюжет скоротечного пароходного
романа — и на свет божий явились «Визит-
ные карточки», где полог тайны, совсем
наоборот, решительно отбрасывался как
раз в самую рискованную, бесстыжую
минуту, в убогой наготы открывая и анато-
мические прелести героини, и бесцеремонно
физиологический (безо всякой пла-
тоники) азарт ходака-героя.

С этим как быть?

Твардовский, представляя совет-
ской публике 60-х позднего Бунина, сказал
что-то снисходительно-неприязненное о
возрастном любопытности, «эротических
мечтаниях старости» и вряд ли ошибся.
Равным образом как вряд ли сказал все,
что идет к делу, ибо в учет должны быть
взяты еще два важных фактора.

Прежде всего, чисто психологический — я имею в виду свойственную всякому
здоровому человеку способность видеть
вдохновительницу своей страсти сразу в
двойном ракурсе: и как «гений чистой
красоты», и как объект похоти, грешных
вожделений (Пушкин, раздвоив образ

Аннушки Керн на трепетно стихотворный и
неблагоприятно эпистолярный, и тут явил
нам всем пример предельной искренности).
Во-вторых же, фактор чисто литератур-
ный: говоря о писателях эмиграции (от
Бунина до Юрьенена), мы обыкновенно
упускаем из виду, что их книги рождались
и рождаются в двойном контексте — рус-
ской традиции и современного западного
(в том числе художественного) опыта, что
неизбежно сообщает норме приемлемости
гораздо большую пластичность и под-
вижность.

Нельзя в этом смысле забывать о
том, что «Темные аллеи» появились на
фоне не только Тургенева или Чехова, но
и Д.Лоренса, Г.Миллера, Л.Селина,
Р.Олдингтона, Д.Джойса, других раскре-
постителей общественной (и литератур-
ной) морали. Что же касается прозы третьей
волны, то она, как и ее прародительница
— «исповедальная» проза В.Аксенова,
А.Гладилина, других кумиров 60-х годов,
принципиальной задачей поставила себе
трансплантацию западного опыта и —
шире — перевод западных норм, запад-
ных цивилизационных стандартов на язык
родных осин. Можно и резче сказать: еще
до эмиграции эти писатели чувствовали
себя в стране большевиков истинно «пятай
колонной», «агентами влияния» всего за-
падного: от Хемингуэя до «Битлз», от Пи-
кассо до тампаксов, от сексуальной рево-
люции до Эрнесто Че Гевары.

Сказанное столь существенно, что
к нему мы еще вернемся. А пока попробуем
ответить на последний вопрос, с прово-
кационной ехидцей задаваемый теми, кого
шокирует бесстыдство «Вольного стрелка»
и «Нарушителя границы». Что же, спраши-
вают, останется в этих (или других) юрьене-
новских романах, если убрать из них сек-
суальные переживания и сцены?

Что? Да то же, что останется в
военной прозе, если вычеркнуть из нее
описания боев и окопного быта. То же, что
останется в прозе, допустим, о сталинских
репрессиях, если удалить из нее любые
упоминания НКВД, «троек» и — главное —
великого страха. Секс, понятый как лю-
бовь, и любовь, понятая как секс, для
прозы С.Юрьенена, Д.Савицкого, З.Зиника,
Ю.Милославского, Вл.Соловьева, других
писателей третьей волны, — не пряная
приправа к основному блюду, не то, без
чего можно обойтись, но центр мироздан-
ия, та ось, вокруг которой вращается вся
жизнь ее непутевых героев и героинь.

И здесь до чрезвычайности важно
знать, что вольные, незаконные отно-
шения между полами и в 60-е, и в 70-е годы
тогдашними юнцами (прежде всего, конечно,
студентами) понимались не просто как
то, что юношей питает, надежду старцам
подает, но как своего рода ф о р м а
мировоззренческого и поведенческого
с о п р о т и в л е н и я системе, как вызов
и моральному кодексу строителя комму-

низма, и косной обывательской среде, и,
если хотите, начальству.

Начальство, надо сказать, отлично
это понимало, отнимая на таможне непри-
личные журнальчики едва ли не с большим
усердием, чем «Континент», устраивая
ночные облавы в общежитиях, в гостини-
цах и на пляжах, натравливая на незаре-
гистрированно любящих и семью, и об-
щественность в лице соседской бабуся, и
государство в облике полупьяного участ-
кового. Что ж, тем слаще было п р е с-
т у п а т ь нормы социалистического
общежития, чувствуя себя, с одной сторо-
ны, «артистом в силе», всегда готовым
предъявить городу и миру обширный
донжуанский список, а с другой, ничуть не
менее почетной, убежденным отщепен-
цем.

Сегодняшним двадцати—двадцати-
пятилетним, конечно, не понять, но «ста-
рички» помнят: труды отечественного сек-
сопатолога доктора Свядоца и восточно-
германского теоретика супружеской лю-
бви Нойберта входили в джентльменский
набор чтения на равных правах с Кафкой,
Фрейдом и братьями Стругацкими. Каж-
дое проникновение в постель или под
кусток, где обреталась избранница стра-
сти, интерпретировалось как нарушение
границы (государственной — в тех особо
ценимых, вызывающих простительную гор-
дость случаях, когда избранница оказывалась
вдобавок еще и чужестранкой: турист-
кой или стажеркой). Слова «куннилингус»,
«клитор», «оргазм», усилиями «СПИД—
Инфо» и телевизионного доктора Щегло-
ва внедренные нынче в каждый дом, звуча-
ли тогда волнующе крамольно, были для
многих едва ли не первыми уроками языка,
на котором разговаривает (или казалось,
что разговаривает) мировая закордонная
цивилизация. И как же питомцам коммуна-
лок, барачков, общак было не оскорбиться,
как не попробовать того, что в ученых
книжках окультуренно именовалось «пер-
версиями», а народной молвой однознач-
но толковалось как извращение, как постыд-
ный разврат (даром, что ли, Солжени-
цын где-то в «Архипелаге» рассказал о
сибирячке, которая мужа-прибалта топором
зарубила лишь потому, что он — на
европейский манер — требовал минета)?

Сказочное, диковато-странное и
для тех, кто остался в России, давно уже
ушедшее в предание время!

Проза третьей волны (в широком
диапазоне — от аксеновского «Ожога» до
юрьененовской «Первой и единственной») это
баснословное время законсер-
в и р о в а л а.

Вместе с его оскоминой и надса-
дой, вместе с «будет что вспомнить».

Вместе с драмами, а часто и траге-
диями, которых не могло не быть при столь

беспорядочном образе жизни и столь беспорядочном образе мыслей.

Вместе с опытом, который — теперь-то видно, хотя до сих пор не оценен по достоинству — тоже расшатывал чугунные опоры советской государственности и морали, советской цивилизации, нутряного советского страха перед свободой (пусть даже только в интимной сфере), тоже способствовал адекватному усвоению всего, что шло и идет к нам через государственные границы.

Эта проза — литературный памятник сгнувшейся эпохе. Клеймо добровольного отщепенства до сих пор горит во лбу ее героинь и героев. Имя крамольников, прирожденных нарушителей границы так и остается за ними.

Но — и имя, может быть, последних лубовников в нашей литературы.

Точно знаю: в каждом российском издательстве, в каждой журнальной редак-

ции острее, чем чего-либо, ждут сегодня романов, повестей, рассказов о любви. Конечно, светлых, конечно, целомудренных, конечно, на манер «Дафниса и Хлои», — забывая о том, что даже и у буколических персонажей Лонга путь к высокому и чистому чувству лежал, увы, через испытание плотской «грязью», то есть, виноват, через «секс ради секса».

Вот чего не хватает современной литературе и читающей России — любви, пусть и не достойной, как кажется на первый взгляд, этого имени, пусть и уличенной в родстве с тем, что и нынче шокирует добропорядочную публику.

Может быть, именно той любви, о которой стоически, нарушая все табу и всяческие запреты, уже не первое десятилетие пишет Сергей Юрьенен.

Не пора ли прислушаться? Не пора ли без предубеждения, без фальшивой стыдливости прочесть «Вольного стрелка»

и «Нарушителя границы», «Девушек из Сталинграда» и «Первую и единственную»?

P.S. Очень может быть, что лед тронулся, господа присяжные заседатели. Примерно посередине работы над этой статьей ее автора настигло известие, что вполне добропорядочный, а не какой-нибудь там «андерграундный», журнал «Согласие» (№ 7) опубликовал новехонкий, с иголки, роман Сергея Юрьенена «Желание быть испанцем» и, кажется, почти без купюр.

Конечно, тиражу у «Согласия» даже и по нынешним временам кот наплакал: 3000 экземпляров. И все-таки... Есть шанс, что теперь и иные, более успешные издания взглянут на эту прозу как на яркое, от всех прочих отличное явление литературы.

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ СКАЗКИ

МЕМЕ

ЛОДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Как-то раз многодетная мать коза Машка уехала на соседском тракторе за вином (старший сын решил через час жениться) и не нашла ничего лучшего, как оставить мужа, козла Толика, стеречь грядки с капустой (козел Толик был к еде равнодушен).

Но, на беду, волк Семен Алексеевич гулял поблизости с бутылочкой виски.

В результате Машка, вернувшись с ящиком портвейна на плече, мужа на огороде не нашла, но зато вынуждена была крупно разговаривать с бабочкой Кузьмой, который был пойман на месте преступления с ножницами (выстригая в капустных листьях кружева).

Кузьма плакал, трепетал, говорил, что это у него разыгрались животные инстинкты, что он сам не помнит, как взял педикюрные ножницы и оказался на огороде, говорил, что таким его сотворила природа и ссылался при этом на гусеницу Николану, которая бы вообще не оставила на капусте живого места, а тут все же получилось красиво, ажур.

Коза бегала по огороду за бабочкой Кузьмой, оставив ящик в тени у сарая, с ящиком не побегаешь.

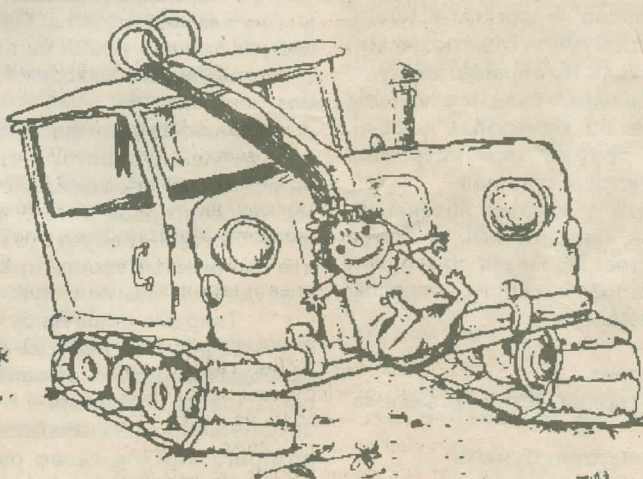
Ящик тем временем взялся стеречь козел Толик с Семеном Алексеевичем — волком, причем по собственной инициативе, и в результате позже, на свадьбе, гости были вынуждены пить пробные духи козы Машки, ее лосьон для ног и жидкость для после-

бритья бороды, ничего другого не было, и нахал волк Семен Алексеевич пил наравне, хотя его не приглашали.

А Машка в это время стояла над помойной ямой, где прятался козел Толик, и засыпала мужа вопросами типа «где у тебя совесть?», и «скажи, что я сыну скажу?», и «как можно воровать у собственных детей?», и «ты знаешь, что я вынуждена сдавать молоко?».

Толик отвечал на это только «меме».

Предыдущие «Дикие животные сказки» читайте в №№ 22—32.

худ. А. Лукьяничков

Аркадий БУХОВ

КНИЖКА

Если теперь кто — нибудь хочет издавать книгу, на него смотрят так же, как смотрели на таких людей еще до изобретения книгопечатания.

Средневековые нормандцы или англосаксы в этом случае говорили сочувственно и просто:

— Гонвард задумал что-то непутевое. Нужно ударить его плашмя большой дубовой доской, напоить горячей водой и заставить париться. Может быть, это подействует. Запускать, во всяком случае, не следует.

Теперь к человеку с мыслями об издании книги относятся тревожно и сочувственно.

— Вы слышали — Хурин собирается издавать книги. Отчего бы это? Я ему говорил, что нельзя жить в сырой квартире, — вот и достукался.

— Тут не квартира, а жена. Женщина она молодая, ветренная. Сегодня с одним, завтра с другим... Вот и довела человека. Скоро начнет еще толченое стекло есть и на людей бросаться.

— Но сознайтесь, что издание книги — это редкий вид сумасшествия. Что-то среднее между простым душевным заболеванием и возвратным тифом. Должно быть, не успел захватить вовремя.

— Он же всегда был такой легкомысленный. Должно быть, от отца. Отец у него тоже в свое время свекловичное поле сосисками засеивал...

Для книги необходима бумага. Многие считают это парадоксом, но этот взгляд ошибочен. Успокаиваться на том, что через триста-четыреста лет техника умело шагнет вперед и можно будет печатать на банановых листах или жестянках от консервов, — легкомысленно. Поэтому прежде всего надо найти бумагу. Можно сильно сократить время этих поисков, если не обращаться туда, где обычно торгуют бумагой. Бумажные склады отведены под домовые кооперативы, а на бумажных фабриках выделывают газовые трубки или устроены просветительские клубы для местных районов.

Легче всего бумагу найти у старых аптекарей, железнодорожных подрядчиков, опереточных артистов или у бракоразводных адвокатов. Узнается это путем простых, носящих характер грустной наивности, вопросов:

- У вас есть кенгуровое сало?
- Четыре вагона.
- Мало. Нужно одиннадцать.
- Тогда возьмите партию сардин. Есть семь вагонов.
- Много. Нужно три.
- Три нельзя. Возьмите партию бумаги.

Тут можно приступить к переговорам о покупке бумаги.

Сам разговор о бумаге слегка напоминает торговые

операции техасских золотоискателей, когда счастливый обладатель свежевыкопанного самородка в понедельник требует за него трубку, в среду заламывает два мешка рису, в пятницу уступает его за веселую девушку с прошлым, из Чикаго, а в воскресенье соглашается отдать за простое седло.

Цен на бумагу нет. Обычай оценивать ее определенной суммой считается пережитком темного прошлого. Стоимость бумаги определяется не желанием продавца, а внешним видом и самочувствием покупателя.

Если покупателю очень хочется купить бумагу и он неосторожно сознается в этом, цена на нее растет с быстротой полета толстого человека с аэроплана любой системы. В качестве придачи к большой партии голландского сыра или костяных изделий бумага может достаться дешевле.

— Почему эта бумага?

Продавец смотрит в записную книжку, где есть единственная запись с номером какой-то накладной на какао, щупает бумагу, смачивает ее языком и, довольный своей находчивостью, метко острит:

— Шестьдесят три рубля.

— Пуд?

— Пуд.

Сначала смеется покупатель, потом продавец. Смех, как успели заметить ученые — психологи, действует смягчающе на человеческую душу, и цена сразу падает на четыре рубля.

— Пятьдесят девять.

— Значит, фунт... Пятьдесят на сорок... Девятнадцать на сорок... ровно не выходит.

— Раз не выходит, тогда восемьдесят. Два рубля фунт.

Иногда тут же внезапно бумага продается за двадцать пять рублей пуд, потому что продавец припоминает, что он все время принимал в соображение розничную цену мясных консервов, а это — бумага. Иногда, тоже внезапно, он настойчиво требует сто двадцать рублей за пуд, потому что телефонный звонок приносит ему рыдающую новость о неудачной сделке с мукой.

Твердые цены на бумагу установлены только в тех случаях, когда на ней уже напечатаны облигации «Займа свободы»: при этом условии ее всегда продают охотно и согласны на половину.

Набором называется тот самый процесс, во время которого каждое слово рукописи набирается особыми металлическими буквами — наборщиком или на машинах. Специально для этого приспособлены особые учреждения под незамысловатым названием типографии.

Рис. А.Зайца

Раньше издатель или автор приходили в типографию с книгой, заранее уверенные в успехе миссии. Типограф осматривал рукопись и ласково предлагал свои услуги.

— Я целую жизнь мечтал о том, чтобы перед смертью выпустить из своей типографии такую прекрасную книгу. Я буду носить ее с собой в гости и гордиться.

Обнаглевший автор весело поддакивал и требовал, чтоб книжка тут же немедленно была набрана при нем.

— Говорят, что в Северной Англии это можно. А почему у нас нельзя?

Сходились на том, что книга будет готова через две недели, а если типограф зарабатывал на ней сумму, достаточную только для покупки подержанного буфета, он считал, что ему послан клад.

— Даже непохоже. В котелке, с палочкой, а — клад. И откуда только такие люди берутся?

Теперь, когда автор просит типографа набрать его книгу, на него смотрят как на человека, который предлагает устроить танцевальный вечер в товарном вагоне.

— Набрать книгу? Через два месяца? Мы книгами не занимаемся.

— Позвольте, — извиняюще доказывает автор, — я понимаю, если бы книгу надо было перемолоть, сделать из нее кружева или прохладительный напиток, но ведь у вас типография...

— Это вам так кажется, — сухо отвечает типограф. Отчасти он прав. Наборщики — народ сознательный, отзывчивый, интересующийся судьбами родины, и у них теперь не часто представляется возможность набирать. Наборные машины настолько еще не усовершенствованы, что, если машинист уйдет на митинг, ни одна машина не будет набирать текста, не дожидаясь его возвращения. Она демонстративно будет стоять и ждать его возвращения.

Наборщики набирают в зависимости от того, кто и чем из них интересуется. Те из них, которые заняты разрешением судебных малых народностей Балканского полуострова, по пятницам должны выносить определенные резолюции и едва — едва успевают найти одну букву, подобрать к ней другую, перевязать обе бечевкой и уйти. Возмущенный этим типограф хмуро клянется в ненависти к демократии и решает бороться открыто.

Для этого он берет с автора лишних семьсот рублей за набор.

— Классовая борьба так классовая борьба... — угрюмо шепчет он. — Я тебе покажу классовую перегородку в девяносто рублей.

Через семь месяцев автор или издатель получают извещение, что еще два — три високосных года — и книга будет готова.

— Это будет небольшое изящное издание на плотной бумаге, украшенное виньетками, и поступит в продажу по очень дешевой цене, — опрометчиво рассказывает автор своим знакомым.

Издатель, как существо более чуткое и отзывчивое, мыслит несколько иначе.

— Я предполагаю пустить книгу по два рубля. Мне самому она стоит три с половиной. Если я выпущу пять таких книг и буду их продавать по два рубля, мне придется продать свой дом и наняться к новому домовладельцу в дворники.

Из — за этого нежелания переменить профессию книга поступает в магазин с лаконичной и не вызывающей улыбки пометкой: семь рублей.

Хозяин книжного магазина, человек жизне — радостный и смотрящий на жизнь розово, сразу же понимает эту цифру как удачную, интимную, лишь для немногих понятную шутку.

Некультурные приказчики просто развязно смеются и накладывают на цену большую наплежку, на которой в свободное время пишат цифру, чем — либо понравившуюся. У одного приказчика считается счастливым число «18». Другой ставит число по календарю. Третий ставит сумму цифр из цен четырех первых попавшихся под руку книг. Здесь соблюдается только одно мистическое правило: цифра должна быть двузначной.

После этих обрядов книга попадает в руки читателя; куда попадает сам читатель, заплатив двадцать рублей за тощую книжонку, — не стоит говорить.

Таковы пути книги. Если б об этом знал в свое время Гуттенберг, он изобрел бы не книгопечатный станок, а патентованную мухоловку. Многим от этого было бы легче.

Из журнала «Новый Сатирикон», 1918г.
Публикация Р.СОКОЛОВСКОГО

РЕДКИЙ ФИЛЬМ ДОЛЕТИТ ДО СЕРЕДИНЫ «КУКУШКИ»

«Валмон», США,
реж. Милош Форман

Есть режиссеры одного фильма. И не потому, что они — плохи, а потому, что этот фильм — как ни парадоксально сие звучит — оказывается слишком велик по сравнению со всем остальным их творчеством. На мой взгляд, так случилось и с Милошем Форманом — творцом гениальной и непревзойденной никакими другими его картинами «Кукушки». Ни «Амадей», ни «Рэгтайм», ни последний по времени «Валмон», снятый по мотивам романа французского писателя XVIII века Шодерло де Лакло «Опасные связи», не стали ровнею с «Кукушкой». Да, «Валмон» — отличное кино, снятое уверенной рукой мастера. Да, оно счищает романтическую позолоту с Франции XVIII века, с ее прекрасных маркизов и благородных виконтов, а заодно и с наших представлений о них, сложившихся в основном по школьным учебникам и романам Дюма. И трагическая история героя, погибшего потому, что он перестал играть в любовь, а попытался любить, чем нарушил и собственные принципы, и дворянский кодекс поведения, рассказана, опять же на мой взгляд, куда ярче, чем изложена она в литературном первоисточнике. Но... Но над «Валмоном» незримо витает тень «Кукушки», и невольно, сравнивая их, отдаешь предпочтение тому, с чего, по сути дела, начался Форман и выше чего он пока, увы, не поднялся.

ПЕРЕБОР

«Некуда бежать», США,
реж. Роберт Харман

По-моему, лучший фильм с участием Жан-Клода Ван Дамма — «Самоволка», в которой удачно «поженились» два, казалось бы, трудно сочетаемых жанра — крутящийся боевик и

сентиментальнейшая мелодрама. Актер верно почувствовал, что именно на стыке этих китов коммерческого кино можно удвоить свою аудиторию, поймав на крючок первого жанра подростков, обожающих знаменитую вандаммовскую ногу, а на крючок второго — слабую половину человечества, обожающую бицепсы и слезы в глазах настоящего мужчины. Но закрепить найденную «золотую середину» в последующих работах актер не сумел. В «Двойном ударе» боевик явно перевешивал мелодраматическую «лав стори» братьев-близнецов и подруги одного из них. И поэтому эта история выглядела необязательным и чужеродным довеском к элегантно двойному мордобою. В своей новой работе — картине «Некуда бежать», наоборот, третьим лишним оказался боевик, а точнее, демонстрация приемов карате, ибо они совершенно не вписываются в рассказ о беглом каторжнике, взявшем под свою опеку мать-одиночку с двумя симпатичными детишками, на землю которых точит зубы некая зловердная корпорация. Слезы, регулярно появляющиеся в глазах всех положительных героев, уже готовы вызвать аналогичную реакцию и у зрителя, но тут появляется та самая нога, крушащая челюсти и грудные клетки, и сентиментальное чувство куда-то уходит. Впрочем, Ван Дамм на верном пути и, кто знает, если ему удастся в следующем фильме избежать перебора по части слезливости или драчливости, может, он и станет родоначальником нового жанра — «сентиментального

боевика» или «боевого сентиментализма». Это кому как нравится.

НОВЫЙ «КРЕСТНЫЙ» КОППОЛЫ

«Дракула Брэма
Стокера», США,
реж. Френсис Форд
Коппола

Если кто и должен поставить прижизненный памятник режиссеру Френсису Форду Копполе, так это... американская мафия. Причем не за заслуги в области развития киноискусства (тут уже отличилась Американская киноакадемия, присудив ему достаточное количество «Оскаров»), а за пропаганду образа «Крестного отца» и безусловную доказательность аксиомы насчет того, что и мафия любить умеет. А потом в «Апокалипсисе сегодня» («об ам. агрессии во Вьетнаме» — как сообщает наш кинословарь) он спел свой мрачный, но все же гимн во славу Воина, основавшего в джунглях свою безумную империю. И восславил «ам. военщину» в «Паттоне» и «акулу капитализма» в «Великом Гэтсби». И вообще, режиссеру нравятся «отрицательные» персонажи, которых он силой своего таланта поднимает до масштабов шекспировского Макбета. Так он поступил и с легендарным графом Дракулой — героем романа Брэма Стокера — одного из основоположников «вампироской» литературы. Но при сохранении всей вампирской атрибутики — летучих мышей, осинового колья и клыков — Коппола добавил фигуре главного героя столько мощи и трагичности, что в

Фильмы представляет Петр Смирнов

результате экранизации «Дракулы» приобрела, кстати, несвойственный роману размах и эпичность. И на фоне многочисленных киновампиров «Дракула Френсиса Коппола» (так было бы точнее) возвышается подобно Гулливеру среди лиллипутов.

А МУЛЬТЯШКА ЛУЧШЕ!

«Прохладный мир», США,
реж. Ральф Бакши

Следующая — после весьма удачной ленты «Кто подставил кролика

Рэббита?» — попытка поиграть на сочетании мультипликационного и игрового кино. Снова мультипликационный, то бишь прохладный мир мультяшек, куда попадают живые герои. Создатель комиксов влюбляется в собственное роскошное творение по имени Холли Вуд и мечтает пообщаться с ней в постели, что категорически запрещено законами прохладного мира. Холли — тоже не против, ибо только так она может превратиться в живую женщину. В результате такой «кровосмесительной» связи и возникают различные приключенческие коллизии фильма. Ожившую Холли Вуд играет Ким Бессинджер и, к сожалению вынужден признаться, заметно уступает и в сексапильности, и в игре своему мультдвойнику, а лента в целом является лишь ученическим повторением приемов, найденных и разработанных в «Кролике».

Новые работы Сергея Шерстюка из серии «Русская рулетка» и «Парадный портрет ближнего боя», показанные на его последней выставке в Maya Polsky Gallery в Чикаго, совершенно не похожи на то, что художник делал раньше, в эпоху правдивой гиперреалистической юности.

В 80-е на московских выставках «западное искусство» представлял именно гиперреализм. Эстетика стоп-кадра, flash, остановившегося мгновения поражала на самом деле не совершенностью, а ожиданием. Застывшая реальность ждала удара грома. Это свойственное московским гиперреалистам состояние «перед со-

Алексей ТАРХАНОВ

Художник Сергей Шерстюк

ВТОРАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СЕРГЕЯ ШЕРСТЮКА

бытием» будет когда-нибудь оценено, хотя сейчас, ввиду свежести воспоминаний, еще забыто.

Гиперреалисты, конечно же, нагло дразнили благонамеренного зрителя. Они не показывали ему ничего, кроме реальности, отраженной если не в зеркале, то в зеркальных очках. Скромные оптические трансформации ничего не меняли, работы выглядели фотографическим слепком действительности — настоящей, правдивой, истинной и реальной. И тем не менее что-то мешало Академии предоставить «гиперам» право на реализм. Странное

ощущение двойственности, нереальности, второго плана, подтекста и так далее возникало неизбежно. Настороженное отношение к «ядовитой реальности» было очевидным.

Нечто очень похожее имелось и у концептуалистов, хотя у них ощущение «двойного дна» не обманывало, оно даже подчеркивалось, чтобы никто не осмелился его не заметить: работы вроде «Посетите усадьбу Абрамцево» Кабакова или «Улица Красикова» Булатова имели солидный запас пояснений и интерпретаций, столь же иронических, сколь и серьезных.

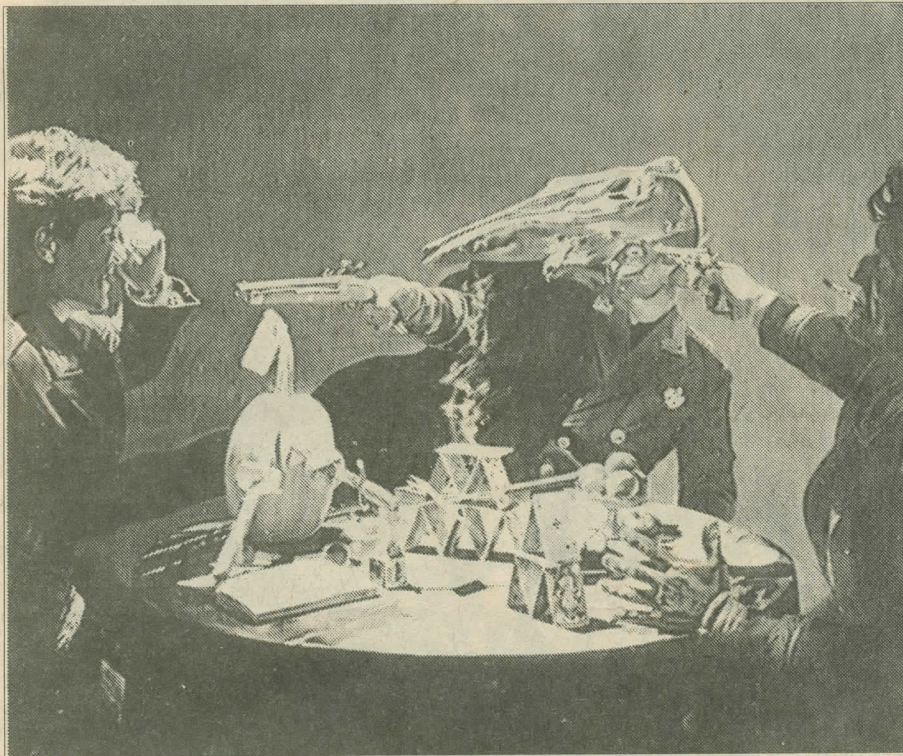
Гиперреалисты же с детским упрямством отказывались от таких сложных ходов, и их «что вижу, то и пишу» выглядело бесхитростным и потому непростительным покушением на права нового искусства.

Холодная и ложная мастеровитость, которую гиперреализм культивировал с помощью аэрографа, оказывалась неким «реализмом наоборот», шизофреническим всматриванием в действительность, галлюцинацией, в которой реальная зоркость зрения обострялась неимоверно, не делая различий между предметами

и планами.

В сущности, это было опасное ремесло, сообщавшее художественной игре мотив наркотической жертвенности. Смесь красок, скипидара, спирта и ацетона, витавшая в воздухе после нескольких часов работы с аэрографом, неизбежно погружала художника в изысканные и жесткие грезы токсикомана.

Группа, к которой принадлежал Сергей Шерстюк, была, пожалуй, наиболее привержена эстетике фотографической случайности. Они не конструировали кадры своих полотен, их композиции были нарочито анонимны, а сюжеты выбирались с осмысленностью ребенка, учащегося фотографировать. Возможен был даже обмен слайдами, когда каждый получал чужой производственный кадр, происхождение которого было абсолютно неизвестным и в конечном счете неинтересным. Они заранее отказывались иметь дело с какой бы то

Российский терминатор. 1992

ни было литературной канвой, с какой бы то ни было побудительной причиной к работе, кроме случайного взгляда. По условиям игры все было случайным: и персонажи, и композиция — ничего изначально авторского. Этот кратчайший путь от реальности к подсознанию, уподобляющий взгляд художника вспышке Polaroid'a, щелчками выхватывающего из темноты случайные образы, казался вполне универсальным жестом, достойным истинных представителей «поколения цветов».

Затем вроде бы все изменилось.

Очевидно, в какой-то момент модель камеры-обскуры, фокусирующей мир снаружи, перестала быть идеалом художника. Сергей Шерстюк стал сочинять разные фантастические истории. От «объективной» фиксации фрагментов внешнего мира он перешел к его конструированию, а точнее — к проекции на него собственных видений.

Видения эти разнооб-

разны, в них появляется и сам автор или его двойник, очевидные и знакомые биографические детали вроде Генеральской Формы или Генеральского Пистолета, или лица знакомых, или незнакомцев.

Он пользуется разнообразными литературными мотивами. Но мотив игры и рулетки (тем более столь странной «русской рулетки», где выпавший номер обозначает выигрыш, то есть смерть, а невыпавший — проигрыш, то есть жизнь) даже слишком уж выставлен напоказ.

Новые серии выглядят доступными, в них немало намеков и подсказок, ложных (или истинных) ходов, вроде тех же карт, способных далеко увести критика. Карточные образы с их литературной традицией услужливо подскажут дорогу к философии игры, от реальности несомненных иерархий (король, дама, валет) к реальности несомненной партийной и национальной принадлежности (пики, бубны, трефы) или

к реальности военной субординации, когда генеральский туз бьет карту с мелкими звездами, но пасует перед козырями. Это целая модель мира, и Сергей Шерстюк охотно предлагает ее своим интерпретаторам. Которые ее охотно интерпретируют.

Зрителю вроде бы сделана еще одна уступка в виде сюжета, но человек, попытавшийся однозначно описать работу типа «Русский дурак», несомненно окажется в дураках.

В сущности, работы Сергея Шерстюка могут показаться иллюстрациями к некоей истории, которая художнику знакома до мелочей, а нам — неведома. Хотя совершенно обязательно, что это и на самом деле так.

Быть может, его действительно забавляет литературный сюжет работы. Но вероятнее всего, что он и сам не знает, о чем говорят друг другу его персонажи в напряженных и недружественных диалогах за карточным столом. Это, в конце концов, может придумать критик или

коллекционер. Сергей Шерстюк удовлетворяется некой достаточно случайной комбинацией видений, напоминающей ночной коллаж подсознания.

Здесь видна работа даже не столько художника, сколько режиссера, занятого не «идеями» и не «содержанием», но интонацией. Он занят устройством мизансцен, а придумыванием сценариев предоставляет заниматься нам. Каждая его сценка на киноплёнке могла бы привести к началу или концу конкретной истории. Художник рад был бы ее узнать.

То есть случайность стоп-кадра сохраняется, хотя это случайность совершенно иной, скорее кинематографической, реальности, реальности галлюцинации другого порядка. Художник заведомо усложняет код, добавляя еще одну переменную к и без того запутанному уравнению.

В 90-х годах гиперреалистам суждено было разделиться, почти пропасть из виду, впрочем, фотографическая точность письма сослужила всем неплохую службу, поскольку гиперреализм легко становился из цели средством, превращаясь либо в более концептуальную знаковую «советскость» (как у Файбисовича), либо в почтенное «комбинатское» искусство.

Сергей Шерстюк демонстрирует нам некий третий путь. Он потерял бесстрастность, но не изменил привычной дистанции. Его видения усложнились, но они отмечены тем же холодным и изысканным сумасшествием, и привкусом hypertoxic art все так же силен в его работах.

Сергей ШЕРСТЮК. Парадный портрет ближнего боя. Холст, акрил, 1991

Сергей ШЕРСТЮК. Русский дурак. Холст, акрил, 1990

...ВСЁ СВОЁ – ВОЖУ С СОБОЙ!